84(4Рос)
М14

А. Майковъ

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

А. Н. МАЙКОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ДЕВЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **П. В. БЫКОВА**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Приложение къ журналу „Нива" на 1913 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

А. Н. Майковъ.

Критико-біографическій очеркъ П. В. Быкова.

Есть имена въ нашей литературѣ, особенно дорогія сердцу русскаго читателя, составляющія славу и гордость родной страны. Къ такимъ, немногимъ, именамъ принадлежитъ имя Аполлона Майкова, творчество котораго давно уже стало близкимъ, родственнымъ русскому обществу и слилось съ его психологіей. Кажется, нѣтъ уголка въ необъятной Россіи, гдѣ бы не знали Майкова, какъ творца стольких вдохновенныхъ пѣсенъ, невольно остающихся въ памяти. Многія изъ нихъ положены на музыку лучшими нашими композиторами, включены въ каждую хрестоматію, въ каждый сборникъ жемчужинъ русской поэзіи. До сихъ поръ шедевры творчества Майкова, какъ романсы, не перестаютъ исполняться въ концертахъ и представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для чтецовъ-декламаторовъ, потому что его стихи всегда содержательны, необыкновенно звучны, своеобразны по своей античной красотѣ и дышатъ истинно-поэтическимъ настроеніемъ. Къ этому надо прибавить еще и большое разнообразіе нашѣвовъ его поэзіи, проистекающее отъ удивительной чуткости и отзывчивости изящной музы Майкова. Поэтъ искренно восторгается величіемъ античнаго міра, его богатствомъ гармоническихъ сочетаній, его строгой мудростью и даетъ замѣчательныя по мысли, настроенію и формѣ антологическія пьесы, подражанія древнимъ; онъ загорается и жаждой жизни, любовью къ природѣ, ищетъ вдохновенія въ русской старинѣ, въ исторіи славянства, въ широкой и трогательной любви къ родинѣ, въ патріотическихъ стремленіяхъ русскаго народа, въ успѣхахъ русскаго оружія, въ явленіяхъ современности. Словомъ, про Майкова можно сказать то же, что сказалъ поэтъ Баратынскій о Гёте: „ничто не оставлено имъ подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта, на все отозвался онъ сердцемъ своимъ, что проситъ у сердца отвѣта“. Вѣченъ будетъ, вѣчно цѣнимъ геній Пушкина. А Майковъ — прямой наслѣдникъ великаго поэта, всю жизнь свято хранившій его священные завѣты. И такимъ образомъ Майковъ среди нашихъ выдающихся поэтовъ является какъ бы связующимъ звеномъ новѣйшаго времени отечественной литературы съ пушкинской школой.

Успѣхъ поэзіи Майкова—не случайный успѣхъ, а слѣдствіе высокой красоты ея: поэтъ глубоко постигъ тайны изящнаго творчества и умѣлъ чуть не съ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ „глаголомъ жечь сердца людей“, выражать тѣ идеалы, свѣтлые и прекрасные, которые онъ всегда носилъ въ душѣ своей: онъ умѣлъ увлекать насъ въ „царство вѣчной юности и вѣчной красоты“, къ свѣту, къ звѣздамъ, училъ понимать и духовную красоту, и земную во всѣхъ ея проявленіяхъ. Достигалъ онъ этого не только содержаніемъ своей поэзіи, но и выраженіемъ ея—вѣщимъ словомъ, облеченнымъ въ красивую, необыкновенно изящную форму. Въ этомъ отношеніи Майковъ является образцовымъ выразителемъ поэтической мысли. Насколько важна тщательность отдѣлки формы, въ которую выливается эта мысль, Майковъ превосходно понималъ отъ юныхъ дней своихъ. Онъ говорилъ:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони,
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей!..

Благодаря такому взгляду на способъ выраженія поэтической мысли, Майковъ смѣло рѣшался передавать словами то, что доступно лишь кисти мастера, и, несмотря на необычайную трудность задачи, всегда выходилъ побѣдителемъ. Вотъ почему Майковъ такъ поразительно нагляднo, съ такимъ искусствомъ передаетъ всю прелесть и своеобразность античной поэзіи. Спокойствіе древнихъ грековъ и римлянъ, полное величія, ихъ безпредѣльное увлеченіе земными наслажденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ то полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ они относились къ смерти, — переданы Майковымъ въ произведеніяхъ подобнаго рода чрезвычайно картинно и выпукло, и здѣсь, въ области антологической поэзіи, въ подражаніяхъ древнимъ, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ между отечественными поэтами. Спокойный, благородно-невозмутимый тонъ, при чуткомъ художественномъ созерцаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объективность всегда, въ извѣстной степени, проглядываютъ въ поэзіи Майкова. Онъ чуждъ чрезмѣрныхъ восторговъ, отзывающихся обыкновенно какой-то фальшью, онъ никогда не затемняетъ свои образы и ясныя очертанія ни сухими разсужденіями ни предвзятостью мысли. Съ одинаковымъ глубокимъ спокойствіемъ, со строгой художественной выдержанностью, продуманно, прочувствованно изображаетъ онъ древняго грека и римлянина, средневѣковые эпизоды, моменты изъ новой исторіи Европы, родную Русь древнихъ временъ или новѣйшія злобы дня въ ней, природу у себя и на чужбинѣ. И это все одинаково прекрасно выражено у него во всѣхъ трехъ главныхъ формахъ поэзіи: эпосѣ, лирикѣ и драмѣ.

Кто не восхищался его лирическими пьесами? Кто не знаетъ наизусть

его очаровательныхъ стихотвореній: „Нива“, „Весна! Выставляется первая рама“, „Голубенькій, чистый, подснѣжникъ-цвѣтокъ“, „Зимнее утро“, „Пахнетъ сѣномъ надъ лугами“, „Лѣтній дождь,“, „Картонка“ и пр.? Эти вещи проникли и въ народъ черезъ сельскія школы. Ихъ заучивали и заучиваютъ дѣти всѣхъ сословій. А его „Клермонтскій соборъ“, „Савонарола“, „Приговоръ“, „Послѣдніе язычники“, „Три смерти“, „Два міра“, „Вринтильда“? Сколько тутъ картинъ, образовъ, сценъ! Вотъ яркое изображеніе собора крестоносцевъ, вотъ проповѣдь суроваго аскета среди карнавальной сутолоки и шума, вотъ судъ надъ Яномъ Гусомъ, вотъ предсмертныя муки христіанъ, осужденныхъ Нерономъ, — все это блещетъ мѣстнымъ колоритомъ, полно широкаго размаха поэтической кисти. Эта кисть живописца, сочная, мягкая, нѣжная, ощущается живо въ его изящныхъ изображеніяхъ картинъ природы и ея таинственныхъ, обаятельныхъ явленій. Какое здѣсь богатство образовъ, какая роскошь красокъ, сколько граціи и пластики! Замѣчательный лирикъ, у котораго каждый стихъ „словно рукой геніальной обточенъ“, Майковъ въ стихотворной драмѣ можетъ быть сравнимъ развѣ съ Пушкинымъ, надъ которымъ онъ даже имѣетъ одно несомнѣнное преимущество въ этой области: стихъ его живѣе, отрывочнѣе и, такъ сказать, разговорнѣе, что составляетъ одно изъ важныхъ условій въ живомъ развитіи драматическаго дѣйствія. Его поэма „Два міра“, надъ которой Майковъ работалъ долгіе годы, составляющая вѣнецъ всей дѣятельности поэта, такъ прекрасна по мысли и исполненію, что даже немногіе противники Майкова, и тѣ относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ этому во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательному произведенію, въ которомъ, по выраженію одного изъ многочисленныхъ критиковъ поэта, „сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи“.

Обладая огромнымъ талантомъ, Майковъ былъ настоящимъ баловнемъ судьбы, и, какъ увидимъ изъ данныхъ его жизнеописанія, все способствовало быстрому развитію этого таланта. Пожалуй, тутъ сыграла роль и наслѣдственность, такъ какъ въ заслуженномъ, древнемъ роду Майковыхъ было не мало даровитыхъ людей, потрудившихся въ области искусства, на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Еще въ XV столѣтіи, въ до-петровской Руси жилъ знаменитый просвѣтитель земли русской Нилъ Майковъ, по прозванію Сорскій, прославившійся строгостью жизни и поученіями. Онъ сочинилъ скитскій уставъ и въ своихъ трудахъ обнаружилъ высокія христіанскія воззрѣнія, рѣдкую человѣчность, возставая противъ казни еретиковъ, предлагая для обращенія ихъ на путь истины мѣры кротости и убѣжденія. Благодаря содѣйствію ярославскаго помѣщика Майкова, творецъ отечественнаго театра Ѳ. Г. Волковъ въ 1755 году устроилъ на берегу рѣки Волги „россійское позорище“, театръ. Въ екатерининское время извѣстенъ былъ Василій Ивановичъ Майковъ, сынъ ярославскаго помѣщика, насадителя у насъ сценическаго искусства, родной братъ прадѣда нашего знаменитаго

поэта, писавшій стихи, о которомъ въ словарѣ И. И. Новикова сказано: „Онъ почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ: ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ". Двое племянниковъ этого стихотворца, автора поэмы „Елисей, или раздраженный Вакхъ", Аполлонъ и Михаилъ Александровичи Майковы—одинъ директоръ Императорскихъ театровъ, другой директоръ Демидовскаго училища высшихъ наукъ,—оба также писали стихи и были люди даровитые.

Отецъ нашего поэта, Николай Аполлоновичъ Майковъ (род. 28 авг. 1796 г., ум. 23 авг. 1873 г.), замѣчательный живописецъ, имѣвшій званіе академика, по словамъ Гончарова, „составляетъ феноменальное явленіе въ искусствѣ, какъ самородный талантъ, которому случайность открыла путь къ искусству". Онъ никогда не учился живописи, служилъ въ военной службѣ и въ битвѣ подъ Бородинымъ былъ раненъ въ ногу навылетъ. Когда онъ лѣчился въ ярославскомъ помѣстьѣ, надъ его кроватью висѣла какая-то картинка. Ради скуки, чтобы убить время, Николай Аполлоновичъ сталъ ее копировать. Вышло удачно, и тогда онъ началъ рисовать съ натуры все, что попадалось подъ руку, и продолжалъ это занятіе и потомъ, когда вернулся въ свой полкъ. Онъ до того пристрастился къ живописи, что „помышлялъ даже тайкомъ покинуть армію и бѣжать въ Италію". Но тутъ отецъ вытребовалъ его къ себѣ, въ Москву, гдѣ Николай Аполлоновичъ Майковъ женился на Евгеніи Петровнѣ Гусятниковой (род. 17 декабря 1803 г., умерла 19 іюля 1880 года), женщинѣ выдающагося ума, развитой, образованной, даровитой, помѣщавшей стихи и повѣсти въ „Библіотекѣ для чтенія" Сенковскаго и другихъ изданіяхъ, за подписью *Е. Подольской* и анонимно. Отъ этого брака 23-го мая 1821 года у него родился сынъ Аполлонъ, спустя два года второй сынъ—Валеріанъ, впослѣдствіи извѣстный критикъ, мыслитель, публицистъ, рано умершій (1847); за нимъ появился на свѣтъ Владиміръ Николаевичъ (1826—1885), хорошій компиляторъ, переводчикъ и издатель дѣтскаго журнала „Подснѣжникъ"; наконецъ, спустя много лѣтъ, родился (1839 г.) Леонидъ Николаевичъ Майковъ, получившій извѣстность, какъ знатокъ исторіи литературы, оставившій замѣчательные труды по своей спеціальности, занимавшій постъ вице-президента Академіи Наукъ и должность помощника директора Императорской Публичной Библіотеки. Такъ или иначе—братья Майковы выдавались въ литературѣ и наукѣ, но наибольшей славы достигъ Аполлонъ Николаевичъ, совмѣстившій въ себѣ гармонически начала поэтическаго и художественнаго творчества и „роль свою сыгравшій мастерски".

Отецъ поэта имѣлъ на него большое вліяніе и первый заронилъ въ душу богато одареннаго сына зерно любви къ искусству, къ поэзіи. Мы имѣемъ свидѣтельство друга семьи Майковыхъ, Ивана Александровича Гончарова, какую симпатичную, свѣтлую личность представлялъ собою Николай Аполлоновичъ. „Онъ былъ,—говоритъ творецъ „Обломова",—

необыкновенно доброй, кроткой души, мягкаго характера, любимый въ семьѣ, друзьями и всѣми, кто только его зналъ. Онъ жилъ, какъ живутъ, или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ живали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, всѣ толпились въ не обширныхъ, не блестящихъ, но пріятныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями наукъ, искусствъ. Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху и всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальнаго или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что̀ доступно было его уму и образованію. Чистый, безупречный человѣкъ, Николай Аполлоновичъ Майковъ своими нравственными качествами, чуткостью души, дарованіями привлекалъ къ себѣ неудержимыя симпатіи; его глубоко уважали, дорожили его мнѣніемъ, подчинялись его огромному художественному вкусу". На вечерахъ у Майковыхъ было тепло, отрадно, весело, оживленно. Здѣсь не было ничего натянутаго, здѣсь не священнодѣйствовали поэты, музыканты, художники, артисты, здѣсь не разыгрывались напыщенныя самолюбія. Простота, сердечность властвовали въ этомъ чудномъ уголкѣ, гдѣ каждаго сюда влекло неудержимо, гдѣ каждый чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома.

Въ такой-то прекрасной, благотворной обстановкѣ росъ и развивался юный Аполлонъ Николаевичъ. Ранніе годы дѣтства его прошли въ деревнѣ, въ помѣстьѣ отца, сельцѣ Никольскомъ, Московской губерніи, неподалеку отъ исторической Троице-Сергіевской лавры. Приходилось ему жить и въ имѣніи бабушки, селѣ Чепчихѣ, въ Клинскомъ уѣздѣ той же губерніи. По душѣ ему была жизнь на лонѣ природы, незамысловатая, патріархальная, среди деревенскаго люда, о. атая родной земли, который былъ доступенъ его пониманію и рано развилъ въ немъ любовь къ народному быту. Природа манила къ себѣ будущаго поэта, шевелила лучшія струны его души. Онъ жадно созерцалъ ее, чувствуя ея красоты, находился въ тѣсномъ, непосредственномъ общеніи съ нею. Она оставила неизгладимый слѣдъ въ его воспріимчивомъ сердцѣ, въ его воображеніи. Объ этомъ у него сохранились самыя отрадныя воспоминанія, и въ зрѣломъ возрастѣ поэтъ писалъ:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня...

И вотъ почему природа играетъ такую видную роль въ поэзіи

Майкова. У него очень мало стихотворений безъ картинъ природы. Если онъ не прямо живописуетъ ихъ, то все-таки всегда находитъ предлогъ хоть слегка коснуться ихъ. „Гармоніи стиха божественныя тайны“ внушило ему созерцаніе природы преимущественно въ тихіе, спокойные, ласкающіе, полные умиротворенія моменты. Вчитываясь въ стихотворенія Майкова, посвященныя природѣ, глубоко вникая въ нихъ, можно смѣло сказать, что —

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна...

Чутко прислушивался юноша къ шептанью тростниковъ и плеску волнъ шумливыхъ, къ звенящимъ струямъ подгорнаго ключа, къ жужжанью колосьевъ, присматривался къ пробуждающемуся утру, къ тѣмъ часамъ, когда на желтѣющія нивы дожитея тѣнь прозрачными клубами, къ морю, пріемлющему лунный лякъ, къ полю, что зыблется цвѣтами, къ осыпавшемуся береговому скату, „съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ“, къ заросшему, запущенному саду. И все, что онъ видѣлъ и слышалъ, преломляется радужными или томными лучами въ его вдохновеніи. Созерцаніе природы было однимъ изъ лучшихъ наслажденій въ его жизни и являлось живымъ неисчерпаемымъ источникомъ его поэзіи. Какъ тонко понималъ онъ природу, ея воздѣйствіе,—это видно изъ письма поэта съ чужбины: „Чувство природы, возбуждаемое въ насъ ея созерцаніемъ,—писалъ Майковъ изъ Флоренціи,—вездѣ одно: и въ болотистыхъ окрестностяхъ петербургскихъ, и гдѣ угодно. У насъ въ русской природѣ это чувство живѣе и непосредственнѣе оттого, что тамъ вокругъ лѣсъ, луга и нивы, и все это жужжитъ, шумитъ, шелеститъ, интересничаетъ съ вами, а здѣсь — камень, декораціи, апельсины, лимоны и оливы... Но этого живого трепета жизни не чувствуете, какъ въ еловомъ или березовомъ лѣсу, или въ лугахъ съ кузнечиками, бабочками“.

Свои дѣтскіе годы въ уединеніи сельской жизни, далекой отъ шума и сутолоки города, Майковъ рисуетъ въ прелестной пьесѣ „Рыбная ловля“, посвященной С. Т. Аксакову, И. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и „всѣмъ, понимающимъ дѣло“. Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ:

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, ввечеру, поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустынымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,

Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Въ этомъ же стихотвореніи поэтъ вспоминаетъ, какъ грустилъ онъ, чувствовалъ себя чужимъ, какъ будто сидящимъ на чуждомъ пирѣ, когда онъ очутился въ Петербургѣ, куда его перевезли на двѣнадцатомъ году жизни и помѣстили у дяди. Это былъ артиллерійскій полковникъ, занимавшійся приготовленіемъ молодыхъ людей въ учебныя заведенія, преимущественно военныя, знатокъ своего дѣла. Не одинъ дядя занимался съ племянникомъ, богато одареннымъ отъ природы: ему помогалъ другъ семьи Майковыхъ—Владиміръ Андреевичъ Солоницынъ, страстный любитель литературы, самъ поэтъ. Несмотря на служебныя занятія, на труды по редактированію „Библіотеки для чтенія", въ качествѣ помощника О. И. Сенковскаго, Солоницынъ всецѣло отдавался дѣлу воспитанія сыновей Николая Аполлоновича—Аполлона и Валеріана—и имѣлъ огромное вліяніе на образованіе характера, на вкусы и наклонности поэта. Человѣкъ большого ума, превосходно образованный, знавшій языки и иностранную литературу, бывавшій за границей, Солоницынъ, чтобы развить вкусъ и любовь къ литературѣ въ своихъ воспитанникахъ, задумалъ въ семьѣ Майковыхъ изданіе рукописнаго журнала „Подснѣжникъ". Тутъ вкладчиками были: Гончаровъ, въ тѣ дни еще молодой кандидатъ московскаго университета, переселившійся, службы ради, въ невскую столицу, извѣстный поэтъ Бенедиктовъ, Евгенія Петровна Майкова, самъ Солоницынъ и всѣ трое братьевъ Майковыхъ: Валеріанъ, Владиміръ и Аполлонъ, и еще кое-кто изъ тогдашнихъ мелкихъ писателей. „Подснѣжникъ" украшенъ былъ множествомъ рисунковъ работы Майкова-отца и Солоницына и издавался три года (1835—1838), а затѣмъ его замѣнилъ рукописный альманахъ „Лунныя ночи". Въ „Подснѣжникѣ" Аполлону Майкову принадлежали, кромѣ прозы, стихотворенія: „Лунная ночь", „В. Г. Бенедиктову", „Венера Медицейская", „Солнце", „Сонъ", „Сомнѣніе", „Кладбище", „Пѣвцу", „Воспоминаніе", „Вечеръ на морѣ", „Молитва", „Призывъ" и „Воробьевы горы". Всѣ эти пьесы немного позднѣе появились въ „Библіотекѣ для чтенія" и другихъ изданіяхъ 1839—1842 гг.

Благодаря большимъ способностямъ и удивительной памяти, Аполлонъ Николаевичъ въ теченіе трехъ лѣтъ прошелъ весь гимназическій курсъ и въ 1837 году, шестнадцати лѣтъ, блестяще выдержалъ экзаменъ, особенно изъ математики, обративъ на себя вниманіе всего математическаго факультета петербургскаго университета. Дивились его знаніямъ и профессора историко-филологическаго факультета. Но ни на этотъ факультетъ ни на математическій онъ не поступилъ. Солоницынъ направилъ своего питомца на факультетъ юридическій, такъ какъ на этомъ факультетѣ, кромѣ правовѣдѣнія, читались предметы, касающіеся общаго образованія: всеобщая исторія и русская словесность. Впрочемъ, исто-

рію литературы еще раньше молодому Майкову преподавалъ Ив. Ал. Гончаровъ и, по отзыву самого Майкова, съ огромнымъ талантомъ. Гончарову помогала мать поэта, Евгенія Петровна, содѣйствовавшая развитію въ сынѣ вкуса къ поэзіи. Въ университетѣ Аполл. Ник. ревностнѣе всего посѣщалъ лекціи П. Д. Калмыкова, читавшаго энциклопедію законовѣдѣнія, и В. В. Шнейдера, профессора римскаго права. Кромѣ того, онъ слушалъ лекціи М. С. Куторги, который читалъ всеобщую исторію, а русскую—у Н. Г. Устрялова, и въ особенности лекціи русской словесности, которую читали тогда старшій профессоръ этого предмета Петръ Александровичъ Плетневъ и его товарищъ по каѳедрѣ Александръ Васильевичъ Никитенко, извѣстные писатели, критики и журналисты. Изучая римское право, Майковъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ латинскій языкъ, давшій ему возможность читать классиковъ въ подлинникѣ. Греческаго языка онъ не зналъ и выучился этому языку уже въ очень зрѣлые годы, а до тѣхъ поръ грековъ-классиковъ изучалъ по французскихъ переводахъ. Исторія римскаго права навела его на мысль изучать философію, а чтеніе греческихъ и римскихъ поэтовъ пробудило въ немъ особый интересъ къ античному міру, который онъ такъ глубоко понималъ и воспѣвалъ съ такой любовью, одно время доходившею до благоговѣйнаго обожанія. Въ дивныхъ строфахъ лирики и драмы воспѣлъ и представилъ онъ этотъ міръ, и воспѣваніемъ его положилъ начало своей славѣ.

Помимо университетскихъ лекцій, Майковъ усердно изучалъ Библію въ славянскомъ переводѣ. Это служило ему подспорьемъ для занятій поэзіей и живописью, любовь къ которой онъ унаслѣдовалъ отъ отца. Всѣ эти занятія, которымъ онъ нерѣдко предавался съ особеннымъ жаромъ, сообщили мало-по-малу его языку ту силу, мощь, которыми онъ въ правѣ былъ гордиться и которыя придавали особенную красоту и прелесть, яркій, своеобразный колоритъ его произведеніямъ. Занятія живописью приносили Майкову не мало горя: его близорукость сильно мѣшала его художественнымъ замысламъ. „Аполлонъ Николаевичъ,—говоритъ одинъ изъ внимательныхъ его біографовъ,—не любилъ мелкой детальной работы. Его фантазія открывалась большіе горизонты, его сюжеты требовали большихъ размѣровъ, а близорукость ставила ему преграды на каждомъ шагу; это его раздражало, заставляло скорбѣть и роптать на судьбу". Эту скорбь выразилъ онъ въ первомъ своемъ стихотвореніи „Разочарованіе", гдѣ юный поэтъ-отрокъ говоритъ:

Когда въ святомъ небесномъ вдохновеньи
Я возношусь въ подоблачный эѳиръ
И создаю въ своемъ воображеньи
Особенный, прекрасный, новый міръ,—
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье,
И прелестью небесной оживить...

Стонъ изстрадавшагося сердца, вопль мощной силы, словно связанной по рукамъ и ногамъ, не находящей себѣ выхода, жалоба на своенравный рокъ, давшій поэту талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяющій ему развернуться во всю ширь, слышатся въ этомъ наивномъ и миломъ стихотвореніи. Оно написано въ 1836 году, когда поэту исполнилось пятнадцать лѣтъ и когда онъ боролся съ самимъ собою, затрудняясь въ выборѣ дороги: быть ли ему живописцемъ или поэтомъ. Но уже со стихотворенія „Разочарованіе“ поэтическое призваніе береть верхъ, и, хотя Майковъ не бросаетъ кисти, его муза на яву и во снѣ нашептываетъ ему сладостныя пѣсни. Юный студентъ, сидя еще на школьной скамьѣ, создаетъ одну за другою свои антологическія пьесы: „Истинное благо“, „Орелъ“, „Картина вечера“, „Воспоминаніе“, „Призывъ“ и др., которыя частью появляются въ „Подснѣжникѣ“, частью остаются въ рукописи, въ завѣтной тетрадкѣ поэта. Кто знаетъ, не вслѣдъ ли за „Разочарованіемъ“ онъ написалъ пьесу „Истинное благо“, и въ ней звучитъ тотъ же скорбный напѣвъ:

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тѣнье.
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится...
И въ двери райскія къ почлегу постучится...

За годъ до окончанія Майковымъ университетскаго курса въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ появились два стихотворенія его, подписанныя буквою *М.*: „Сонъ“ и „Картина вечера“. Бенедиктовъ выпросилъ эти двѣ пьесы у скромнаго автора и послалъ ихъ В. И. Карлгофу для этого альманаха. Чуткій Бѣлинскій, не зная, кому принадлежитъ первая изъ этихъ пьесъ—„Сонъ“—и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь, перепечаталъ ее въ маленькой замѣткѣ объ „Одесскомъ Альманахѣ“, отозвавшись о ней съ похвалою, а спустя годъ, въ критической статьѣ о „Римскихъ элегіяхъ“ Гёте, въ переводѣ Струговщикова, онъ вновь привелъ „Сонъ“—„антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта, въ которомъ выраженно обаяніе сна, или, лучше сказать, усыпленія послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая“. Выписавъ стихотвореніе цѣликомъ, критикъ восторженно восклицаетъ: „Что это такое? Вздохъ музыки, палевый лучъ луны, играющій на поверхности спящаго пруда, поэтическая апотеза простого дѣйствія природы въ фантастическомъ образѣ легкой феи, успокоительной царицы сна? Что бы ни было, вы его понимаете, оно вамъ знакомо, вы не разъ испытали его, это что-то, которому поэтъ далъ и образъ и имя... Это—ощущеніе, всѣмъ близкое и всѣмъ общее въ жизни. А вотъ и картина: вспомните Пушкина „Юноту, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“. Глубокъ смыслъ этой прелестной картины...“

Быстро росъ талантъ Майкова. Когда его стихотворенія еще не печатались, и онъ былъ на второмъ курсѣ, профессоръ Никитенко познакомилъ

своихъ слушателей, петербургскихъ студентовъ, съ двумя пьесами начинающаго поэта, ихъ товарища—„Гнѣвъ Божій“ и „Венера Медицейская“, а другой профессоръ, извѣстный литераторъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, одновременно познакомилъ московскихъ студентовъ съ новымъ выдающимся дарованіемъ, прочитавъ имъ стихи Майкова „Сонъ“. Бесѣдовалъ о произведеніяхъ его и Плетневъ, этотъ удивительно просвѣщенный, изящный, чуткій ко всему прекрасному, знатокъ поэзіи, другъ и совѣтникъ Пушкина. Онъ угадалъ въ Майковѣ сильный, яркій талантъ и старался лелѣять его, ободряя поэта, открывая ему новые горизонты въ его поэтической дѣятельности. Съ начала сороковыхъ годовъ стихотворенія Майкова стали появляться въ „Библіотекѣ для чтенія“ („Орелъ“, „Истинное благо“, „Пустынникъ“, „Сомнѣніе“, „Письмо“, „Лунная ночь“, „Элегія“, „Превращеніе“, „Перерожденіе“, „Барельефъ“, „Предсказаніе“, „Цезарь“), въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Памятникъ“, „Видѣніе“,] „Черногорецъ“, „Призывъ“, „Внимаю ль я порой словамъ любви“, „Тайна“, „Люблю, если тихо къ плечу моему прислонившись“) и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Почти всѣ эти, большею частью антологическія, пьесы были собраны и въ концѣ 1842 года вышли отдѣльной книжкой.

Бѣлинскій встрѣтилъ ее горячими похвалами. „Стихотворенія Майкова,—писалъ критикъ,—хотя и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются въ глазахъ читателя на два разряда, не имѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это—перлъ поэзіи Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе“. И затѣмъ, говоря объ этихъ стихотвореніяхъ, Бѣлинскій останавливается снова на пьесѣ „Сонъ“ („Когда ложится тѣнь прозрачными клубами“), говоря, что „это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ себѣ самой красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть,—вполнѣ основательно восторгается Бѣлинскій:—какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобы признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеей“. А Плетневъ, въ началѣ февраля того же года, писалъ другу своему Я. К. Гроту: „На-дняхъ я получилъ „Стихотворенія Апол-

лова Майкова". Онъ учился у насъ въ университетѣ. Эта книга меня усладила. Кажется, я читалъ идеи Дельвига, переданныя стихами Пушкина". Затѣмъ, 25 марта 1842 года, въ своемъ отчетѣ объ университетской дѣятельности за истекшій годъ, на торжественномъ актѣ Плетневъ упомянулъ о новопавленномъ поэтѣ и прочелъ его пьесу „Горный ключъ". „Это было причиною, — писалъ Плетневъ Гроту, — что министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе лично съ нимъ (Майковымъ) познакомиться и просилъ меня представить ему поэта. Итакъ, Майковъ пріобщился къ моему маленькому кругу. Министръ желаетъ представить государю экземпляръ его стихотвореній".

Вообще, успѣхъ книжки стихотвореній Майкова былъ полный; произведенія поэта читались и въ литературныхъ кружкахъ и даже въ высшихъ сферахъ, гдѣ были очень заинтересованы его личностью. Не одно блестящее дарованіе помогло Майкову выдвинуться, завладѣть общимъ вниманіемъ. Тутъ сослужили ему большую службу и двѣ статьи Бѣлинскаго, разъяснившаго значеніе поэзіи Майкова, давшаго ей отличную оцѣнку. „Отстраняя всѣ гаданія,—писалъ онъ,—которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова, мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ... Если взглядъ нашъ на важность поэзіи, на высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта... Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ". Съ похвалою отозвался критикъ, далеко не щедрый на поощренія и похвалы въ отношеніи начинающихъ писателей, о пьесахъ Майкова: „Октава", „Искусство", „Гезіодъ", „Вакхъ", „Ангелъ и демонъ", „Раздумье", „Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней", „Муза, богини Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты" и другихъ.

И по поводу этихъ и вообще всѣхъ стихотвореній Майкова въ антологическомъ родѣ критикъ приходитъ къ заключенію, что муза Майкова относительно ея возникновенія сродни древне-эллинской музѣ: „подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственно-изящныхъ пѣсенъ". Изучая изящныя произведенія древнихъ классиковъ, Майковъ открылъ богатый источникъ для своихъ вдохновеній, расчистилъ себѣ широкую дорогу и смѣло пошелъ по ней. И такъ много въ его пьесахъ эллинскаго духа, столько антологическаго, что каждая изъ нихъ похожа

на отличный переводъ съ греческаго, и каждую изъ нихъ можно перевести на любой языкъ, въ качествѣ греческаго произведенія. И при хорошемъ художественномъ переводѣ этихъ русскихъ пьесъ Майкова едва ли кто усомнится въ ихъ греческомъ происхожденіи. Подобно древнему греку, черпалъ Майковъ свои вдохновенія изъ явленій природы, полной всевозможныхъ формъ, красочныхъ сочетаній и звуковъ, и, какъ грекъ, созерцалъ ее со спокойствіемъ, тихо, разумно. Но спокойствіе и кротость не всегда свойственны майковской музѣ: „нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительной роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы".

Первая книжка стихотвореній Майкова вышла спустя годъ по окончаніи имъ университета. Онъ окончилъ курсъ въ 1841 году со степенью кандидата правъ. Ему было тогда ровно 20 лѣтъ, и поэтъ тотчасъ былъ зачисленъ въ службу по министерству финансовъ: въ департаментъ государственнаго казначейства, а затѣмъ занялъ мѣсто помощника библіотекаря при Румянцевскомъ музеѣ въ 1844 году. Когда же музей былъ перенесенъ въ Москву, Майковъ сталъ служить въ комитетѣ цензуры иностранной, гдѣ пробылъ около сорока пяти лѣтъ, занимая разныя должности, и наконецъ въ 1875 году былъ назначенъ предсѣдателемъ этого комитета, состоя въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Таковы данныя его служебнаго поприща, которыми почти цѣликомъ исчерпывается его жизнеописаніе съ внѣшней стороны. „Вся моя біографія,—говоритъ Майковъ,—не во внѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные, политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями въ жизни, въ осмысленіи пріобрѣтаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее—вздоръ, труха, формуляръ..."

По выходѣ изъ университета, Майковъ, все еще не бросая кисти, мечталъ серьезно отдаться живописи и для этого посѣтить ту чудную страну, куда издавна стремились и стремятся художники. Но мечта Майкова была послѣдней вспышкой, послѣ чего онъ окончательно предпочелъ кисти перо, и вотъ по какому случаю. Въ мастерской старика Майкова императоръ Николай Павловичъ увидалъ однажды картину работы поэта. Она такъ понравилась государю, что тотъ пожелалъ ее пріобрѣсти для католической капеллы. Молодой Майковъ отказался отъ вознагражденія, и Николай Павловичъ пожаловалъ ему брилліантовый перстень. Вотъ тутъ-то и стала Майкова волновать мысль вновь вернуться къ живописи. Но огромный успѣхъ его стихотвореній рѣшилъ судьбу поэта. Графъ С. С. Уваровъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, счелъ нужнымъ и полезнымъ поощрить молодого поэта: представить государю книжку стихотвореній Майкова, „какъ плодъ студенческаго досуга". На докладѣ императоръ спросилъ, чего желаетъ

Майковъ, и поэтъ отвѣтилъ министру: „ѣхать въ Италію!“. По Высочайшему повелѣнію, Майкову выдана была тысяча рублей на поѣздку за границу и данъ продолжительный отпускъ. Исполнилась мечта Майкова побывать въ Италіи, но онъ ѣхалъ туда не какъ художникъ-живописецъ, а какъ художникъ слова.

За границу онъ отправился, въ сопутствіи отца, моремъ, черезъ Гавръ. Жизнь въ Парижѣ пришлась ему далеко не по сердцу, зато, когда онъ очутился подъ вѣчно-голубымъ небомъ Италіи, дни пребыванія въ дивномъ краю казались ему волшебными днями и навсегда запечатлѣлись въ его памяти, освѣживъ его душу и давъ ему богатый матеріалъ для вдохновенныхъ строфъ. Въ Италіи Майковъ обновилъ свою поэтическую фантазію—задумалъ и частью написалъ цѣлый рядъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ „Очерки Рима“, вышедшихъ отдѣльно года черезъ три. Кто изъ числа настоящихъ любителей и знатоковъ поэзіи не замѣтилъ въ этомъ циклѣ стихотвореній такихъ очаровательныхъ пьесъ, какъ: „Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ“, „На пути“, „Campagna di Roma“, „Ницца“, „Fortunata“, „Тиволи“, „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей“, „Художникъ“, „Антики“, „Сижу задумчиво съ тобой наединѣ“, „Fiorina“? Прекрасные образы древняго Рима, поклоненіе высокому искусству и красотѣ вообще, а женской въ частности, наслажденіе картинами природы, пейзажъ и жанръ, то полные величія, то милые, игривые,— все это мотивы въ прежнемъ духѣ, въ антологическомъ родѣ, чѣмъ такъ сильна муза поэта. Его настроеніе невольно сообщается читателю. Вотъ, напримѣръ, строфы, рисующія впечатлѣнія поэта послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея, наводящія на безконечныя думы:

Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ!.. Мнѣ было дико, странно:
Какъ будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ.
Курился мирры дымъ и нардъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и говорилъ со мной.
Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ скины дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

Какъ ни далеки отъ насъ времена античнаго міра, но Майковъ силою своего поэтическаго генія умѣлъ приблизить его къ намъ, воскресить передъ нами его картины, увлечь насъ своей душевной настроенностью, своими переживаніями, своей созерцательной натурой. Въ „Очеркахъ Рима“, родственныхъ раннимъ произведеніямъ Майкова, лучшимъ его антологическимъ стихотвореніямъ, масса чисто-эллинскаго мастерства, художественныхъ образовъ, яркихъ, богатыхъ сравненій, удачныхъ эпитетовъ. И здѣсь, какъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ,

Майковъ является объективнымъ художникомъ. Кстати сказать, поэтъ признавалъ необходимость объективнаго творчества: содержаніе и самый тонъ рѣчи изображаемаго лица должны строго соотвѣтствовать его духовнымъ особенностямъ и той эпохѣ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. И поэтъ вполнѣ достигалъ этого.

Въ Италіи Майковъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валеріаномъ, и оба ѣздили вторично въ Парижъ, чтобы пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени Аполлонъ Николаевичъ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collège de France и еще болѣе обогатился знаніями, такъ отразившимися на развитіи его творчества. Передъ возвращеніемъ въ Россію поэтъ побывалъ въ чешской Прагѣ. Его тянуло поближе взглянуть на славянъ, присмотрѣться къ ихъ быту, узнать ихъ прошлое, тѣмъ болѣе, что славянство очень занимало его еще и раньше. Знакомство съ славянскимъ міромъ и его юридическими памятниками дало Майкову матеріалъ для его кандидатской диссертаціи—„О первоначальномъ характерѣ законовъ по источникамъ славянскаго права“. Одинъ изъ біографовъ поэта говоритъ: „громадной заслугой этого труда было уже то, что онъ открылъ собою рядъ дальнѣйшихъ университетскихъ работъ по славянской исторіи и славянскому праву“. Какъ первый по времени въ этомъ направленіи, юридическій трудъ А. Н. Майкова обратилъ на себя вниманіе въ университетѣ. Профессоръ Баршевъ замѣтилъ по поводу диссертаціи Майкова, что въ ней много любопытнаго и новаго.

Мы остановились на этой юридической работѣ нашего поэта потому, что она объяснитъ тотъ интересъ, съ которымъ онъ относился къ славянской жизни и который задержалъ его въ Прагѣ. Тогдашняя славянская жизнь и наука сосредоточивались въ этомъ городѣ: здѣсь жили писатели и ученые, здѣсь Вячеславъ Ганка и Шафарикъ составили тѣсный кружокъ своихъ единомышленниковъ, въ которомъ уже чувствовалось пробужденіе національнаго чувства, зарожденіе славянской самобытности, идеи самостоятельности. Майковъ познакомился съ обоими славянскими дѣятелями и нашелъ въ кружкѣ ласковый, дружественный пріемъ. Онъ написалъ чешскую пѣсню, переведенную Шафарикомъ и тогда же положенную на музыку:

Чехъ сидитъ надъ Лабой горной,
Къ чеху соколъ прилетѣлъ:
„Что сидишь ты съ думой черной?
Ты бы пилъ, да ты бы пѣлъ!“
— Радъ бы пить я, да не пьется,
Радъ бы пѣть, да не поется!..

Посѣтилъ Майковъ и Дрезденъ, гдѣ изучалъ памятники искусства въ художественной галлереѣ. Пробывъ за границей съ 29 іюня 1842 г. по 8-е марта 1844 г., онъ вернулся на родину и началъ знакомиться съ многими выдающимися писателями: Тургеневымъ, Григоровичемъ, Панаевымъ, Некрасовымъ, Бѣлинскимъ, кружокъ котораго онъ одно

время дѣятельно посѣщалъ и невольно отдавался его настроенію. Оно отразилось въ двухъ его поэмахъ: „Машенька“ и „Двѣ судьбы“, въ которыхъ поэтъ касается вопросовъ, уже волновавшихъ общественное самосознаніе, и которые, по собственному признанію поэта, относятся къ его „средней эпохѣ“, въ особенности „Двѣ судьбы“, съ героемъ поэмы Владиміромъ—отголоскомъ славянофильскихъ идей съ одной стороны и западничества Бѣлинскаго—съ другой.

Въ этой поэмѣ, вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, Майковъ сдѣлалъ попытку представить положеніе молодого, развивающагося поколѣнія среди неразвитого, закоснѣвшаго въ старыхъ привычкахъ общества. Герой поэмы, Владиміръ, пламенный поклонникъ природы, красоты, любящій науку, искусство, еще молодой человѣкъ, но уже достаточно разочаровавшійся въ своихъ самыхъ свѣтлыхъ надеждахъ, допытывается у судьбы о томъ, какая тайна кроется въ медленности развитія нашей общественной жизни. Онъ вдумывается въ причины своего душевнаго разлада, охлажденія — и горячо молится за родину, прося Творца, для счастья родины, послать новаго пророка, чтобы этотъ пророкъ, подобно царю Петру, живымъ, мощнымъ словомъ двинулъ незрѣлое общество впередъ, пробудилъ въ немъ жизнь. Онъ горько упрекаетъ тѣхъ, кто не понялъ идеи великаго преобразованія:

Ужель, когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудилъ и міръ открылъ вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ—
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынѣ прозвучалъ?
И, грустные, идете вы, какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнію окованнымъ позорно,
Не по плечу вамъ мысли блескъ живой?..

Много прекрасныхъ страницъ разсѣяно въ этой поэмѣ, но въ общемъ она показала, что ея духъ, настроеніе не сродни Майкову, его чисто-художественному таланту.

Въ кружкѣ Бѣлинскаго Майковъ чувствовалъ себя чужимъ, „гостемъ“ и отдыхалъ душой въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ среди товарищей и друзей: П. М. Цейдлера, впослѣдствіи извѣстнаго педагога, С. С. Дудышкина, извѣстнаго критика и соредактора „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскаго, И. А. Гончарова и Ѳ. М. Достоевскаго, съ которымъ Аполлонъ Николаевичъ былъ друженъ до самой кончины послѣдняго, глубоко цѣнившаго талантъ своего друга. Къ этому времени относится и знакомство поэта съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, извѣстнымъ, но мало оцѣненнымъ у насъ критикомъ, который высоко цѣнилъ впослѣдствіи талантъ Майкова. И вотъ что писалъ Григорьевъ о поэтѣ въ „Москвитянинѣ“ 1853 года: „Мы ставимъ высоко Аполлона

Майкова—поэта, съ яснымъ преобладаніемъ объективности въ творчествѣ, но въ дѣятельности котораго нельзя подмѣтить непріятно дѣйствующей на читателя фальши равнодушія или столько же непріятно дѣйствующей форсированной пластичности... Майковъ никогда не насилуетъ себя на античное воззрѣніе, хотя, какъ истинный художникъ, по натурѣ горячо сочувствуетъ античной красотѣ, тонко понимаетъ ее и сознаётъ, что удобнѣе было быть художникомъ во времена непосредственности, неразорванности созерцанія. Онъ самъ высказалъ чрезвычайно искренне и вѣрно свое отношеніе къ искусству, какъ поэта новаго:

Былъ глупъ когда-то человѣкъ:
Младенцемъ жилъ и умеръ грекъ,
И въ простотѣ первоначальной,
Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?..
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь
И, *мучась тяжкой пустотой*,
Богинь Олимпа къ намъ низводишь,
Забывъ, что была въ нихъ душой...

И, не имѣя ни малѣйшей нужды, какъ поэтъ новый, хотя съ жаркимъ и тонкимъ чувствомъ пластической красоты, прибѣгать къ неистовому ей поклоненію, а съ другой стороны, не мучась душевной пустотой,—онъ художническими, часто литыми чертами выражаетъ то, что поражаетъ его, какъ художника и мыслителя, не обходя никакихъ вопросовъ современности, если они дѣйствительно возбудятъ въ немъ живое художническое сочувствіе. Съ другой стороны, г. Майковъ чуждъ и противоположной напряженности, напряженности субъективной... Ему чужда всякая фальшь и форсировка, но изъ этого не надобно заключать, чтобы Майковъ наклоненъ былъ впадать въ крайности объективности, въ тупое равнодушіе, или, чтобы даже лирикамъ его отличался особеннымъ спокойствіемъ; ничуть не бывало: страстнѣе многихъ стихотвореній Майкова, иногда даже тревожнѣе ихъ — вы не много найдете; но всегда въ нихъ типично и чувство и выраженіе... Насколько міросозерцаніе Майкова, при всей объективности, далеко отъ тупого спокойствія, всего очевиднѣе въ его поэмахъ... Въ послѣднее время, сколько мы знаемъ, вопросы и интересы (современности), глубоко принимаемые впечатлительной натурой нашего поэта, обрѣли и въ этомъ родѣ надлежащія стройныя и вмѣстѣ строгія художническія формы". И въ заключеніе проницательный критикъ пророчески говоритъ: „Майкову въ этомъ родѣ, какъ намъ кажется, тѣсны рамки обыч-

вой дѣйствительности, нужны грандіозные размѣры и характеры древняго или, по крайней мѣрѣ, средневѣковаго міра: таково уже свойство его таланта, что у него не выйдетъ лица изъ героя „Двухъ судебъ“, Владимира, но зато выйдетъ живой образъ изъ эпикурейца, напримѣръ, Люція, который въ послѣдній часъ хочетъ упиться „дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ, и солнцемъ, въ волны заходящимъ, и Лиды лѣной красотой...“, что, однимъ словомъ, онъ останется лирикомъ, хотя и въ высокой степени объективнымъ“.

Крымская война, настроеніе, охватившее русское общество, невольно сообщилось чуткому поэту, образъ мыслей котораго достигъ полной зрѣлости. Свои тогдашнія чувства, свои думы онъ ярко выражаетъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Писемскому, появившемся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1854 года. Поэтъ пишетъ: „Нынѣшняя война въ нашей частной жизни, въ исторіи нашихъ убѣжденій—событіе столько же рѣшительное, столько же важное, какъ и въ политическомъ мірѣ. Надобно быть слѣпымъ упрямцемъ, улиткоподобною флегмой, чтобъ не отозваться на ту электрическую искру, которая потрясла всѣ сословія русскаго народа. Съ какимъ-то судорожнымъ напряженіемъ ожидаю, что изъ этого будетъ, и не могу еще обхватить мыслью и связать въ одно стройное цѣлое, въ одну картину того, что внутреннее сознаніе цѣлаго народа говоритъ ему, что онъ такое, на что онъ призванъ и какія силы въ немъ хранятся. Я готовъ пророчить, что нынѣшнія событія—величайшій шагъ въ нашемъ развитіи: съ нихъ начнется новый періодъ нашей исторической жизни уже потому, что они заставили всѣхъ и каждаго вдругъ, внезапно остановиться и спросить себя: „кто же ты?“. И каково бы ни было образованіе каждаго, изъ какихъ бы источниковъ ни почерпнулъ онъ свои знанія и мнѣнія, всѣ въ одинъ голосъ, въ одинъ мигъ должны были разрѣшить этотъ вопросъ и единодушно, передъ судомъ совѣсти, отвѣтить: „Я —русскій!“... Ничто не подавило въ нашемъ сознаніи, что можно быть ученымъ и образованнымъ человѣкомъ и чувствовать, что мы въ то же время русскіе, и что въ насъ превыше всего одно святое чувство любви къ отечеству!.. На насъ, писателяхъ, лежитъ великій долгъ —увѣковѣчить то, что мы чувствовали со всѣми. Намъ слѣдуетъ уяснить и осязательно нарисовать тотъ идеалъ Россіи, который ощутителенъ всякому...“

Благодаря такому настроенію, такому восторженному порыву, Майковъ написалъ рядъ стихотвореній, которыя онъ напечаталъ въ разныхъ журналахъ, а затѣмъ собралъ и выпустилъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „1854 годъ“. Къ нимъ какъ бы прелюдіей является стихотвореніе, написанное въ декабрѣ того года и до извѣстной степени одухотворенное мыслями, которыя поэтъ отчасти высказываетъ въ открытомъ письмѣ Писемскому—

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!

Меня гармоніи тогда плѣняли тайны,
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я...
Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой,
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой,
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открылся предо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю...

Самъ Некрасовъ въ своемъ „Современникѣ“ встрѣтилъ эту книжку стихотвореній Майкова полнымъ одобреніемъ и писалъ между прочимъ: „Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова — отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ.

Г. Майковъ созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Онъ смѣло приступилъ къ исполненію этой обязанности и послѣ нѣсколькихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ журналахъ, даритъ намъ небольшую книжку съ заглавіемъ: „1854 годъ“, къ событіямъ котораго относится ея содержаніе“. И, выписавъ пьесу „Пастухъ“. Некрасовъ говоритъ далѣе: „Эти прекрасные опыты въ чисто-народномъ духѣ показываютъ намъ, что талантъ г. Майкова столь же гибокъ, какъ и силенъ... Если стихъ г. Майкова прибавилъ хотя единую искру одушевленія къ той массѣ патріотическаго энтузіазма, которымъ преисполнены русскія сердца, то поэтъ, измѣнивъ направленіе согласно требованіямъ современности, поступилъ прекрасно и благородно—даже и въ такомъ случаѣ, если бъ эта перемѣна послужила въ ущербъ его таланту“.

Но не таковъ поэтическій геній Майкова. Онъ нимало не пострадалъ отъ временнаго порыва поэта. Вдохновенный пѣвецъ остался вѣренъ себѣ, задачамъ истиннаго художника, поклоненію красотѣ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого понятія. Изъ-подъ его пера вылились такія пьесы, какъ „Мечтанія“, „Подъ дождемъ“, „Нива“, „Въ лѣсу“, „Поле зблеется цвѣтами“, „Весна“, „Мать и дочь“, „Розы“, „Импровизація“, „Звуки ночи“, „Вотъ бѣдная чья-то могила“, „Ласточки“, „Осень“ и проч. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется прежній антологистъ и созерцательный, пытливый художникъ съ волшебною палитрой, съ удивительнымъ рѣзцомъ въ античномъ духѣ. Какая прелесть стиха, сколько художественности въ образахъ, какія богатыя поэтическія мысли, какая глубина чувствъ! Пятидесятые годы, на рубежѣ шестидесятыхъ особенно плодотворны въ дѣятельности Майкова, пластичность и картинность поэзіи котораго всегда была ея характерной чертой. Не измѣ-

вился талантъ Майкова, но творчество его расширилось, обогатилось новымъ содержаніемъ. Это вызвано было и тѣми стремленіями, которыя съ половины пятидесятыхъ годовъ окрѣпли въ поэтѣ, и оживленіемъ въ обществѣ послѣ Крымской войны. Новымъ пламенемъ, еще болѣе яснымъ, еще болѣе горючимъ, вспыхнула въ поэтѣ, въ его отзывчивой душѣ, любовь къ родинѣ, къ ея природѣ, къ быту „непросвѣщеннаго народа"...

Не одной внѣшней красотой, не одними милыми, прелестными картинами полны пѣсни Майкова, вызванныя его обожаніемъ родины, не бурнымъ и стремительнымъ, а тихимъ, спокойнымъ. Въ нихъ выступаетъ выпукло лирическая философія, идейность: ощутителенъ здѣсь и лирическій пантеизмъ поэта, существенно разнящійся отъ объективнаго пантеизма. Образчикомъ стихотвореній, въ которыхъ ярко сквозитъ какая-нибудь мысль, порою глубокая, могутъ служить такія пьесы, какъ „По нивѣ прохожу я узкою межой", „Журавли", „Болото", „Облачка", „Картинка", „Поля" и т. д. Въ пьесѣ „Журавли" поэтъ говоритъ:

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальнемъ
Какъ будто благовѣстъ идетъ—
Привѣтъ лѣсамъ патріархальнымъ,
Привѣтъ знакомымъ плесамъ водъ!..
Здѣсь этихъ водъ и лѣсу вволю,
На нивахъ сочное зерно...
Чего жъ еще? вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано...

Еще рельефнѣе въ этомъ отношеніи стихотвореніе „Облачка", гдѣ поэтъ сравниваетъ тучки небесныя со страстями сердца, съ бредомъ вдохновенья и дѣлаетъ заключеніе, что безъ этихъ жизненныхъ облачковъ былъ бы чуждъ и страшенъ Божій судъ.

Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда—
Силъ слѣпыхъ, законовъ нѣчныхъ
Вѣчная вражда...

Еще Бѣлинскій, разбирая антологическія стихотворенія Майкова, писалъ, между прочимъ: „придетъ время—и, можетъ-быть, въ душѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества"... И Бѣлинскій не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Если поэтъ и не опускался въ тину житейскихъ дрязгъ, то, при совершавшихся въ дорогомъ ему отечествѣ событіяхъ, откликался на нихъ, черпалъ отсюда сюжеты для своихъ произведеній. Но и тутъ всегда оставался онъ самимъ собою, не шелъ въ угоду какимъ-либо партіямъ, вѣяніямъ и, твердо помня, что „свобода — только въ царствѣ духа", не измѣнялъ своимъ идеаламъ, служенью красотѣ. Но больше всего его плѣняли духовныя черты прошлаго Россіи, стойкость родного

народа, подвиги и страданія „двухъ сялъ“, шедшихъ рука объ руку въ государственномъ дѣлѣ: князя народа, вождей земли, многолѣтнія судьбы строителей русскаго царства, видавшихъ на своемъ вѣку столько страданій ради любви къ народному краю. Съ необыкновенной любовью, съ большимъ подъемомъ рисуетъ Майковъ картины этого прошлаго. Такихъ стихотвореній у Майкова не много, но въ нихъ поэтъ сказалъ гораздо больше, чѣмъ кто-либо изъ его собратьевъ по перу о чувствахъ и настроеніяхъ, двигавшихъ нашимъ народомъ. Невольно вспоминается прелестная пьеса поэта „Упраздненный монастырь“, гдѣ представлена богатая картина отечественной средневѣковой обители. Эта картина озарена глубокимъ пониманіемъ всего сдѣланнаго ею для русскаго общества. Глубоко вѣритъ поэтъ въ призваніе родной Руси и умиляется ея долготерпѣнію, выносливости, крѣпости. Онъ говоритъ:

...и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что̀ посылалъ
Тебѣ Господь,—всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ...
Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ, любя,
Тебя каралъ—и тѣмъ крѣпка!

Въ эпоху умственнаго движенія русскаго общества стоявшій во главѣ морского министерства великій князь Константинъ Николаевичъ, желая оживить органъ министерства „Морской Сборникъ“ расширеніемъ его программы и привлеченіемъ къ сотрудничеству въ немъ извѣстныхъ литераторовъ, рѣшилъ устроить ихъ поѣздки по Россіи съ тѣмъ, чтобы писатели изслѣдовали разныя мѣстности ея въ географическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ и результаты своихъ изслѣдованій помѣщали въ „Морскомъ Сборникѣ“. Для поѣздки по Россіи приглашены были: Островскій, Потѣхинъ (А. А.), Писемскій, Гончаровъ, М. Л. Михайловъ, С. В. Максимовъ, Афанасьевъ-Чужбинскій и другіе. Августѣйшій генералъ-адмиралъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ командировать Аполлона Николаевича на годичный срокъ въ морское вѣдомство и зачислить въ составъ морской экспедиціи, отправляемой въ Грецію и Архипелагъ на корветѣ „Баянъ“. Прежде чѣмъ отправиться въ эту экспедицію, Майковъ со свойственной ему добросовѣстностью сталъ приготовляться къ путешествію и прежде всего выучился, подъ руководствомъ Георгія Спиридоновича Дестуниса, извѣстнаго ученаго и писателя, новогреческому языку. Майковъ быстро усвоилъ этотъ языкъ, чему много способствовала его даровитая натура, и недаромъ Гротъ когда-то писалъ Плетневу, что у Майкова много талантовъ: „онъ поэтъ, живописецъ, музыкантъ, полиглотъ“. Корветъ „Баянъ“ началъ плаваніе съ августа 1858 года съ греческихъ водъ, затѣмъ, постоявъ въ Рагузѣ, отправился въ Палермо и Неаполь. Плодомъ этой

поэзіи Майкова явился рядъ его стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ: „Неаполитанскій альбомъ“, написанныхъ въ легкомъ прозаическомъ тонѣ, въ шутливой формѣ и съ присущимъ поэту изяществомъ. Въ „Неаполитанскомъ альбомѣ“ онъ вѣрно и живо отразилъ, по замѣчанію одного критика, черты красивой страсти, вольнаго веселья Италіи, къ которымъ не остается равнодушенъ поэтъ. Но въ глубинѣ каждой пьески „альбома“ вы видите скептически-насмѣшливое лицо поэта, не вѣрящаго ни въ эту красоту ни въ эту волю. Что касается „Новогреческихъ пѣсенъ“, внушенныхъ Майкову тою же поѣздкой, то въ нихъ онъ воспѣваетъ героевъ маленькаго народа, отстаивавшихъ свою вѣру, свою свободу въ непрестанной борьбѣ съ азіатскими варварами-угнетателями. Безхитростны эти греческія пѣсни, но прекрасно характеризуютъ духъ народа, его настроеніе и своеобразную мудрость: онѣ полны милой искренности, настроенія и тихой прелести. Воинствующимъ клефтамъ, „палликарамъ“ поэтъ отдаетъ свои симпатіи. Картинно разсказываетъ онъ о гадальщицѣ-египтянкѣ, предсказывающей молодой дѣвушкѣ гибель женщины-красавца, ея милаго, или о воинственномъ городѣ Сули, гдѣ „въ рядахъ мужей воюютъ жены, дѣвицы и дѣти“.

И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавелиха ихъ въ поле...
На плечахъ съ грудянымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ...

Благородной натурѣ поэта мила и героиня-дѣвушка, боровшаяся съ врагами, переодѣтая мальчикомъ и обнаружившая свой полъ нечаянно при метаніи камней. Когда присутствующіе остолбенѣли,

Зардѣлася красавица, отъ гнѣва чуть не плачетъ—
„Чего глядите?—крикнула,—три года были слѣпы!“
Свой фесъ и ножъ имъ бросила, и скрылася изъ виду.
Съ тѣхъ поръ пропалъ и слухъ о ней въ горахъ, у палликаровъ.
Но во святой обители, между бѣлицъ смиренныхъ,
Смиреннѣй всѣхъ ихъ новая бѣличка появилась.

Къ 1858 году относится появленіе второго сборника стихотвореній Майкова. Новый сборникъ, въ двухъ томахъ, изданъ былъ извѣстнымъ тогда меценатомъ гр. Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко, причастнымъ къ литературѣ, писавшимъ разсказы подъ псевдонимомъ *Гриппо Григоренко*, и основателемъ журнала „Русское Слово“, и встрѣтилъ сочувственные отзывы въ печати. Появленіе его дало поводъ страстному любителю литературы, большому ея знатоку, критику А. В. Дружинину сдѣлать характеристику перелома въ образѣ мыслей Майкова, „когда онъ обнаруживалъ столько чуткости къ коренъ-нымъ началамъ русской жизни и къ общественному возбужденію, послѣдовавшему въ Крымскую войну и за нею“. „Отвѣчая всему живому

и человѣческому, — писалъ Дружининъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, — Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго, вполнѣ призналъ основы и серьезность вліянія, какое всякій поэтъ можетъ имѣть на общество, ему современное. Навсегда отстранившись отъ партій въ дѣлѣ поэзіи, онъ не только поставилъ свое признаніе превыше всякой временной партіи, но, такъ сказать, подчинилъ себѣ все временное и преходящее, мирно замыкая въ свои пѣсни лишь одно то, что вѣчно и всесторонне“. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь и тѣ слова самого поэта, которыми уясняется „средняя“ эпоха его творческой дѣятельности и которыя характеризуютъ міросозерцаніе, взгляды поэта. Майковъ разсказываетъ, какъ эпоха реформъ, брань на старое ошеломляли его, „но уже тутъ было столько жизненнаго, независимаго отъ литературы“, что онъ возрадовался, когда „великія идеи новаго царствованія открыли новые горизонты“. Майковъ около того времени познакомился съ такъ называемой „молодой редакціей“ „Москвитянина“, которую составляли Аполлонъ Григорьевъ, Островскій, Писемскій, мало оцѣненный у насъ критикъ-эстетикъ Эдельсонъ, Тертій Филипповъ и другіе, и сблизился со славянофилами. „Здѣсь,— признается Майковъ, — показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ; но, принявъ кое-что изъ идей старыхъ славянофиловъ, я не могъ вполнѣ принять ихъ ученья, принялъ основы, почуя въ нихъ историческую правду, но отвергъ выводы, какъ фантастическіе и отвергающіе исторію, а въ ней и цѣлую россійскую имперію...“ „Затѣмъ,— говоритъ далѣе Майковъ, — знакомство съ Ѳ. И. Тютчевымъ и его расположеніе ко мнѣ, все скрѣпленное пятнадцатилѣтнею службою вмѣстѣ и частыми бесѣдами и свиданіями, окончательно поставило меня на ноги, дало высокія точки зрѣнія на жизнь и міръ, Россію и ея судьбы въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и сообщило тотъ устой мысли, на коемъ стою и теперь и на коемъ воспиталъ свое семейство. Этотъ устой далъ мнѣ при этомъ еще одно благо: полную независимость и свободу мысли отъ посторонннихъ вліяній. Напротивъ, самъ вывелъ многихъ изъ мрака и шатанія. Такимъ образомъ завершился періодъ исканій правды въ философіи, религіи, политикѣ. Нравственная евангельская правда одна съ малолѣтства не была поколеблена, плюсъ нѣкоторыя рыцарскія фамильныя преданія. Когда все это установилось и отошло на задній планъ, тогда только началось настоящее творчество, въ связи отчасти съ непредвидѣнными событіями жизни, отчасти съ ходомъ внутренней работы мысли“. Эти искреннія строки находятся въ письмѣ Майкова изъ Константинополя къ одному изъ близкихъ пріятелей его и сослуживцевъ по комитету цензуры иностранной, М. Л. Златковскому, и очень цѣнны для уясненія нравственнаго облика поэта, который, познавъ себя, утвердившись въ идеалахъ, уже неуклонно съ тѣхъ поръ шелъ своей дорогой.

Разбирая собраніе стихотвореній Майкова, вышедшее въ 1858 г.

Дружининъ чрезвычайно лестно отзывается о „въ высшей степени замѣчательныхъ“ пьесахъ: „Нива“, „Осень“, „Импровизація“, „Звуки ночи“, „Рыбачья довля“, на этихъ шедеврахъ музы Майкова и на поэмахъ: „Савонарола“ и „Три смерти“, которыя обозначаютъ собою „новую ступень развитія поэта и новую область для всей его дѣятельности“. Талантъ Майкова онъ опредѣляетъ такъ: „Это,—говоритъ критикъ,—поэтъ-художникъ, поэтъ-пластикъ, но не лирикъ; писатель, замѣчательный мастерскою спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, онъ съ перваго своего появленія передъ русскою публикою сталъ поэтомъ мысли и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ званіемъ“. Въ этихъ двухъ томахъ,—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ критикъ—„едва ли найдется неловкая рифма, неровный стихъ, небрежный оборотъ рѣчи или торопливо набросанное заключеніе... Въ настоящемъ изданіи авторъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ дѣльныя указанія критиковъ (иногда очень темныхъ), округлилъ и сгладилъ всѣ стороны, носившія въ себѣ отпечатокъ несовершенства, и, вставивъ всѣ неточныя выраженія, замѣнивъ всѣ тирады, замѣченныя въ нѣкоторой сухости, новыми образами, отличающимися рельефностью изложенія или сжатой силою слога. Къ поэту, до такой степени строгому и чуткому на всякое полезное указаніе, только самая презрѣнная критика можетъ отнестись съ излишнею строгостью“. Въ изданіе стихотвореній Майкова гр. Кушелева-Безбородко вошла и написанная за годъ передъ выходомъ этого изданія поэма „Савонарола“. На нее критика обратила особенное вниманіе, какъ на глубоко-задушевное произведеніе, выразившее такъ ярко, такъ ясно весь микрокосмъ мыслей поэта, его убѣжденія. Здѣсь Майковъ является поборникомъ науки, приверженцемъ искусства; здѣсь обнаруживаетъ онъ свое восхищеніе античнымъ міромъ, цивилизацію котораго онъ такъ уважалъ, свою высокую человѣчность, истинно-христіанское отношеніе даже къ языческому міру, стремленіе примирить двѣ культуры—христіанскую и языческую; здѣсь онъ является поэтомъ съ философской подкладкой, поэтомъ-ученымъ. Надо сказать, что Майковъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ подчеркивалъ необходимость науки и для поэта, потому что, по его словамъ, поэтъ безъ науки, что человѣкъ безъ хлѣба. „Крѣпокъ мой даръ въ огнѣ науки“, говоритъ онъ въ посвященіи книги стихотвореній своихъ матери.

Бездну книгъ прочелъ Майковъ, цѣлые годы просиживалъ надъ изученіемъ эпохи, изъ которой у него взяты поэмы „Три смерти“ и „Два міра“, знакомился съ народнымъ эпосомъ и нашимъ, и сербскимъ, и новогреческимъ, и другими памятниками народнаго творчества; четыре года изучалъ „Слово о полку Игоревѣ“; много поглотилъ онъ матеріаловъ, чтобы написать свою поэму „Странникъ“ или стихотвореніе изъ славянской жизни „Любуша и Премыслъ“, долго корпѣлъ онъ надъ изученіемъ греческаго текста подлинника,

прежде чѣмъ сдѣлать переводъ нѣсколькихъ главъ Апокалипсиса. „Бальдуръ", „Брингильда", „Кассандра"—это не только плоды вдохновенія, это и результаты изученія скандинавской и греческой литературъ. Такъ и для поэмы „Савонарола" Майковъ немало потрудился надъ изученіемъ эпохи и личности этого сурового реформатора-аскета, крутого монаха, что „въ столицѣ шумной и живой, какъ геній смерти воцарился", сжигая все мірское — античныя статуи, картины, всякіе памятники дивнаго древняго искусства, столько говорящіе душѣ вдохновеннаго поэта. Майковъ глубоко понялъ психологію итальянскаго реформатора съ его обожаніемъ религіи, любовью къ сирымъ и убогимъ, но сердце поэта не лежало къ фанатизму, который, пронесясь какъ вихрь степной, пытался разметать и науку, и литературу Возрожденія, истребить философію, творенія Аристотеля, Платона, Филона, всѣхъ древнихъ мудрецовъ, на томъ основаніи, что, по словамъ Савонаролы, „послѣдняя христіанка умнѣе Платона", и что всякіе міровые мудрецы „идутъ въ царство дьявола". Въ коротенькомъ стихотвореніи поэтъ ярко, красочно изобразилъ фигуру монаха-реформатора, желавшаго всѣхъ итальянскихъ женщинъ облечь въ монашескія одежды, требовавшаго пытокъ для игрока, сожженія развратника и т. п. Картинно представлена у Майкова сцена уничтоженія бѣсовскаго навожденія — карнавала. Чудно озаряло солнце фигуру Джироламо Савонаролы.

Онъ крестъ держалъ, главу склоня:
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтилися глаза:
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины крутомъ...

Монахъ дерзко ссорился съ папой и въ концѣ концовъ очутился на кострѣ. И, задыхаясь въ пламени, произнесъ то имя, по славу котораго онъ умиралъ:

Христомъ былъ духъ его напитанъ,
И за Него на казнь онъ шелъ:
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ...

Его сожгли именемъ Христа, Который проповѣдывалъ терпимость, всепрощеніе, высокую любовь ко всему живому. А у знаменитаго реформатора, тоже дѣйствовавшаго именемъ Христа, не было ни этой любви ни терпимости. Надо ли говорить, какая глубокая мысль озаряетъ это стихотвореніе, въ особенности его заключительныя строфы. Родственными этой мысли идеями проникнута и пьеса „Приговоръ" (легенда о Констанцскомъ соборѣ). Религіозность не показная, а истинная, глубокая, сквозитъ въ этихъ и другихъ стихотвореніяхъ Майкова, вводившаго христіанское настроеніе въ большинство своихъ произведеній и

глубоко убѣжденнаго въ томъ, что религія является общечеловѣческимъ, общегосударственнымъ дѣятелемъ, основою нашей исторической жизни. Подобно неизсякаемому источнику живой воды, она всегда утоляла духовную жажду русскаго человѣка, и Майковъ неоднократно отмѣчалъ въ своей поэзіи всю благость, всю важность этого свѣтозарнаго источника. Христіанское настроеніе русской души часто воодушевляло поэта, давало пищу его вдохновенію. Онъ благоговѣйно относился къ набожности православнаго русскаго народа и съ любовью говорилъ о его храмахъ, обителяхъ, святителяхъ, благочестивыхъ князьяхъ и подвижникахъ земли русской. Въ стихотвореніи „Нива", созерцая будущую жатву, „Божью благодать", поэтъ съ одушевленіемъ восклицаетъ:

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба.
Но, хлѣбомъ золоти просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!..

Когда онъ входитъ въ храмъ и видитъ массы возженныхъ свѣчей передъ иконами, онъ умиляется духомъ. Свѣчи пылаютъ, гармонируя съ торжественнымъ пѣніемъ клироса, и поэту кажется, будто свѣтлый ангелъ упованья витаетъ надъ толпою молящихся. Знаменованье этихъ восковыхъ свѣчей—говоритъ поэтъ—

Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ-быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

Глубоко-вѣрующій христіанинъ въ личной жизни и вполнѣ уяснившій себѣ значеніе христіанства, Майковъ такимъ христіаниномъ весь отразился и въ своихъ произведеніяхъ, воспѣвалъ ли онъ родную природу, нѣкъ и народы, историческія событія и вообще былое родины и чужбины. Сумѣвъ своей чуткой душой понять не только событія, но и уразумѣть вполнѣ ихъ истинный смыслъ, Майковъ, по выраженію Бестужева-Рюмина, старался „вознестись къ высшему религіозному началу и въ немъ слиться со своимъ народомъ". Подобно другу своему и до извѣстной степени единомышленнику Тютчеву, онъ „считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ и хранительницей истиннаго христіанскаго духа". Характеризуя поэта, проникновеннаго религіознымъ духомъ, поэта, въ творчествѣ котораго ярко отразились христіанскіе взгляды и идеалы, проф. Е. В. Барсовъ говоритъ: „Небеса поведали славу Божію"—вотъ вѣра, изъ которой всегда исходила творческая мысль Аполлона Николаевича и которою проникнуто его вдохновенное слово".

Къ пятидесятымъ годамъ относится и стихотвореніе Майкова „Дурочка Дуня“, „идиллія“, какъ назвалъ ее поэтъ, философская вещь, наводящая на цѣлый рядъ вопросовъ и считающаяся къ числѣ образцовыхъ произведеній его. Это — разсказъ бабушки о своей внучкѣ, которую она называетъ дурочкой. Дуня страстно любила природу, отъ общенія съ которой у нея сильно развилось чувство, воображеніе, фантазія. „Она не умѣла разсуждать, не умѣла задумываться, а быстро отзывалась только на то, что непосредственно вліяло на ея чувство и воображеніе; всѣ порывы ея души тотчасъ переходили въ дѣйствіе. Кромѣ природы, любила она дѣтей, няньчилась съ ними, „все имъ сказки говорила про русалокъ да князей“. И откуда у ней брались слова при разсказахъ? Разговаривала она съ животными, съ птицами, точно знала ихъ языкъ, по крайней мѣрѣ, она воображала, что птицы понимаютъ ее. Свобода ей была всего дороже; „дурочка“ уходила изъ дому, а если ее удерживали и возвращали домой, пряталась куда-нибудь въ уголокъ и плакала... Ей —

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ...

Она была наивна до крайности, до самозабвенія, благодаря чему умственныхъ силъ ей недоставало. Страховъ она не вѣдала: не боялась спать въ одной комнатѣ съ мертвецами, не боялась отдаваться и стремительнымъ порывамъ души: находилъ на нее веселый стихъ, и она хохотала, плясала, рѣзвилась. Сливая съ природой свою жизнь, Дуня не могла вообразить, насколько ея слабыя силы несоразмѣрны съ громадными силами природы, и при первомъ столкновеніи съ ними погибла. Ее потянуло куда-то вдаль, къ иной жизни, какую рисовало ей пылкое воображеніе, въ какую-то волшебную страну. Дуня ушла отъ родныхъ, отправилась въ путь зимой и замерзла. Бабушка, отъ лица которой ведется разсказъ, утѣшала себя тѣмъ, что, видно, ея внучкѣ „не жилось на свѣтѣ“, потому что Богъ не долго даетъ жить юродивымъ. Они Божьи дѣти, „прямо въ рай Онъ ихъ беретъ“. Разсказчица-бабушка признаётся, что, хотя у ея внучки мало было соображенія и вся ея жизнь была бредомъ, а все-таки безъ Дуни пусто стало въ семьѣ: какъ будто не стало души въ домѣ. Прекрасно проведена въ этомъ стихотвореніи мысль о наивномъ отношеніи къ жизни. Наивна была Дуня въ своихъ порывахъ и дѣйствіяхъ, наивно разрѣшала всѣ вопросы, согласно съ религіозными чувствами своего сердца, и ея бабушка, представительница помѣщичьей семьи средняго достатка, идиллію которой такъ мастерски набросалъ поэтъ. Помимо характера „юродивой“ дѣвушки, обрисованнаго нѣсколькими штрихами, чрезвычайно выпукло, красиво поэтъ мимоходомъ отмѣтилъ и ничтожность человѣка передъ

силами природы—то, что другой поэтъ-философъ, Тютчевъ, высказалъ въ своей пьесѣ „Пожары":

Предъ стихійной грозной силой
Молча руки опустя,
Человѣкъ стоитъ уныло —
Безпомощное дитя...

Большое вниманіе тогдашняя (конца пятидесятыхъ годовъ) критика обратила на знаменитую поэму Майкова „Три смерти", въ которой съ такою красотой изображена картина языческаго Рима временъ упадка, съ величественными фигурами его представителей. Поэта давно занимало переходное время отъ античнаго римскаго міра къ міру христіанскому, самое интересное въ ряду историческихъ моментовъ человѣческаго бытія, являющееся событіемъ первой важности. Богатый матеріалъ для изслѣдованій и наблюденій этого событія, которое легло въ основу нашего нравственнаго и общественнаго строя, будучи тѣсно связано съ высшими интересами нашего существованія, не могло не занимать вдумчиваго поэта. Множество вопросовъ и соображеній, ставшихъ предметомъ научныхъ изысканій, возникали его. Онъ понялъ, что не сухія, хотя бы и всесторонніе изслѣдованія могутъ создать полную картину этой знаменательной эпохи, а искусство; только ему, исполненному творческаго смысла, дано приподымать завѣсу, за которой сокрыта отъ насъ даль минувшихъ вѣковъ, только художнику, съ помощью науки, доступно воспроизведеніе прошлой жизни, такъ сказать, воскрешеніе ея души. Поэтъ хорошо зналъ, что попытку изображенія выродившагося и умирающаго Рима и зарождающейся новой жизни на началахъ христіанства уже дѣлали многіе западно-европейскіе писатели, тѣмъ не менѣе, надѣясь на свой талантъ, онъ рѣшилъ наглядно изобразить эту эпоху распада, за которой уже свѣтлѣла эпоха возрожденія. Глубоко заинтересованный своей задачей, онъ поглотилъ немалое количество изслѣдованій, и все яснѣе вставала передъ нимъ задуманная имъ картина, которую онъ и осуществилъ въ своей поэмѣ „Два міра". Но первоначальныя идеи поэмы, по собственному признанію поэта, зародившіяся въ немъ въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности, онъ долго не могъ выразить такъ, какъ хотѣлъ. Онъ только пытался, и этого рода попытки его мы видимъ сперва въ римскихъ сценахъ временъ пятаго вѣка христіанства подъ заглавіемъ: „Олиней и Эсенирь", а затѣмъ въ поэмѣ „Три смерти" и какъ бы ея окончаніи—„Смерть Люція".

„Олиней и Эсенирь" написана Майковымъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ и мало удовлетворила слишкомъ строгаго къ себѣ автора. Въ этой драматической поэмѣ, написанной прекрасными, звучными стихами, представленъ контрастъ и взаимныя отношенія гибнущаго міра языческаго и торжествующаго народившагося міра христіанскаго. Пер-

вый—это Римъ, „огромный бассейнъ, въ которомъ слилось и смѣшалось безчисленное множество ручьевъ. Вмѣсто разныхъ народовъ и государствъ, явилось одно человѣчество подъ названіемъ римскихъ гражданъ: престолъ римскаго императора былъ источникомъ законовъ вселенной, Пантеонъ — ея храмомъ". Это была огромная сила. Второй міръ—это та немногочисленная семья, которая дерзнула, явившись нежданно среди него, начать великую борьбу на жизнь и смерть съ великаномъ, существовавшимъ цѣлые вѣка. На борьбу безъ крови и гнѣва, въ которой оружіемъ были слово и свѣтъ истины, шли христіане. „Два діаметрально-противоположныя начала не могли остаться въ мірѣ: чувственность и духовность, жизнь внѣшняя и внутренняя явились во враждѣ, въ противодѣйствіи". Въ то время, какъ Римъ представлялъ собою олицетвореніе разложенія, малочисленное общество христіанъ явилось, въ противоположность ему, началомъ созидательнымъ, съ его созерцаніемъ Божества и духа, съ его добродѣтелями. Такова мысль поэта. Вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, въ ней много трагическаго. Превосходны послѣднія сцены спасенія Олинфомъ Эсоири, которую, съ небеснымъ вѣнцомъ вокругъ чела, невредимо провелъ архангелъ брани сквозь волны дыма, осѣнивъ своимъ крыломъ. Очень оригиналенъ эпилогъ поэмы, блестящимъ поэтическимъ стихомъ написана пиршественная пѣсня римлянъ-язычниковъ. „Олинфъ и Эсоирь"—зародышъ „Двухъ міровъ", и, если прочесть ее и поэму „Три смерти", можно видѣть постепенный ростъ идеи поэта, приближеніе къ совершенству задуманнаго имъ плана.

Любопытно отмѣтить, что Бѣлинскій какъ бы внушилъ поэту мысль къ созданію величаваго образа Деція, героя поэмы „Два міра". Разбирая поэму „Олинфъ и Эсоирь", критикъ говоритъ въ заключеніе, что Майковъ долженъ былъ бы, въ противоположность христіанству, „избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы—сколько стоическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества—все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ". Эти слова были какъ бы пророческимъ желаніемъ критика, которое исполнилось, хотя и спустя много лѣтъ. И нужно ли говорить, какъ дивно создалъ поэтъ величавую, глубоко-трагическую фигуру „послѣдняго римлянина", его образъ, цѣльный, живой, какъ будто возставшій изъ гроба и явившійся передъ нами изъ тьмы вѣковъ во всеоружіи своей античной своеобразной красоты. Но прежде, чѣмъ создать этотъ совершенный, удивительный образъ на фонѣ великолѣпной картины нероновскаго Рима, поэтъ пытался свои силы въ поэмѣ „Три смерти". Она читалась въ литературныхъ кружкахъ, но по цензурнымъ условіямъ довольно долго не могла явиться въ печати. Это видно, между прочимъ, изъ переписки Плетнева съ Я. К. Гротомъ. 31 октября 1851 года Плетневъ писалъ своему другу: „Оба новыя стихотворенія

ген Майковъ читалъ у меня самъ: одно—„Выборъ смерти“, а другое—„Савонарола“. Они историческія, и это придаетъ имъ особенное достоинство, не говоря уже о томъ, что написаны они энергическими стихами. Только теперь и думать нельзя о напечатаніи: цензура покажетъ полосы на удавъ, который инстинктивно бросается душить все, что дышетъ!“. Лирическая поэма „Три смерти“ явилась, спустя шесть лѣтъ, въ „Библіотекѣ для чтенія“ (1857 г., октябрь), а „Савонарола“—за нѣсколько мѣсяцевъ раньше въ томъ же журналѣ.

По возвращеніи изъ-за границы, изъ путешествія по Италіи, Майковъ, интересовавшійся отечественной исторіей, познакомился и скоро сблизился съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ и Евгеніемъ Александровичемъ Бѣловымъ. Это знакомство много способствовало занятіямъ поэта исторіей, уяснило ему историческія событія въ родной странѣ. При содѣйствіи Мельникова-Печерскаго, онъ свелъ знакомство кое-съ-кѣмъ изъ старовѣровъ и другихъ раскольничьихъ сектъ, съ извѣстнымъ отцомъ Пареніемъ. Въ преданіяхъ „людей древляго благочестія“ Аполлонъ Николаевичъ увидѣлъ новый источникъ для своихъ поэтическихъ вдохновеній и задумалъ большую поэму „Жаждущій“. Но, долго работая надъ нею, онъ успѣлъ написать лишь первую часть, которую посвятилъ Тютчеву и напечаталъ въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь выразились его воззрѣнія на своеобразный міръ сектантства, на исканіе Бога представителями этого міра, упорными въ своемъ исканіи и фанатизмѣ, его отношенія къ старинѣ русской, которою поэтъ заинтересовывался все больше и больше и все чаще выбиралъ изъ нея сюжеты для своихъ произведеній. И надо удивляться здѣсь его работѣ, его генію. Часто воображеніе помогало ему восполнять скудный матеріалъ, добытый имъ изъ разнообразныхъ источниковъ, создавать цѣльные живые образы. По его собственному признанію, тутъ онъ доходилъ до того, что мнилось ему, будто онъ видитъ воочію эти образы, эти фигуры князей русскихъ разныхъ періодовъ, ихъ физіономіи даже, и настолько ясно, что, кажется, могъ бы ихъ нарисовать. Для дѣтей и для народа написалъ онъ свои „Разсказы изъ русской исторіи“: о Петрѣ и Алексѣѣ, митрополитахъ московскихъ, о славномъ Мамаевомъ побоищѣ, о взятіи Константинополя турками, объ Іоаннѣ Грозномъ, о покореніи Казани и Астрахани и завоеваніи Сибири. Майковъ не придавалъ особеннаго значенія своимъ произведеніямъ въ прозѣ, тѣмъ не менѣе и въ „Разсказахъ изъ русской исторіи“ чувствуется подъемъ духа поэта, его стильность, его прекрасный языкъ.

Занятія Майкова отечественной стариной, русскимъ эпосомъ привели его къ огромному труду—къ переводу „Слова о полку Игоревѣ“. Какимъ образомъ Майковъ пришелъ къ мысли перевести этотъ замѣчательный образчикъ нашей древней поэзіи, объ этомъ есть любопытный разсказъ у одного изъ біографовъ поэта. По увѣренію г. Златковскаго,

это вышло совершенно случайно. Старшему сыну поэта пришла въ гимназіи пора проходить это произведеніе. „Аполлону Николаевичу вздумалось прочесть этотъ интересный памятникъ вмѣстѣ съ сыномъ. Началъ онъ разбирать его по екатерининскому списку, изданному Пекарскимъ, сталъ дѣлить на части, руководясь единственно ходомъ творчества самого пѣвца. Построеніе „Слова“ привело его въ восхищеніе, но для справки въ темныхъ мѣстахъ пришлось взять русскіе переводы. Оказалось, что всѣ иначе дѣлятъ и понимаютъ „Слово“, чѣмъ нашъ поэтъ; всѣ дробятъ памятникъ, и онъ является чѣмъ-то безсвязнымъ, отрывочнымъ. Аполлонъ Николаевичъ наскоро набросалъ свой переводъ и пошелъ къ И. И. Срезневскому показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. „Сами добивайтесь!“—отвѣчалъ строгій и осторожный ученый“. Этого было достаточно, чтобы Майковъ сразу загорѣлся и началъ изучать подлинникъ и сидѣть надъ литературой, помогающей этому изученію, дѣлая сравненія съ поэтическими памятниками подобнаго характера у другихъ народовъ. Онъ перечиталъ и „Шахъ-Намэ“, и „Рамайяну“, и „Эдду“ и проч. Четыре года работалъ надъ этимъ переводомъ нашъ поэтъ и сдѣлалъ его блестящимъ, снабдивъ свой трудъ цѣннымъ введеніемъ, изъ котораго видно, какъ прекрасно понялъ поэтъ свою задачу, насколько уяснилъ себѣ духъ этого перла отечественной древней поэзіи. Будучи истиннымъ знатокомъ изящнаго, поэтъ какъ нельзя лучше проникся поэтической стороной „Слова о полку Игоревѣ“, въ которой видитъ и реальность красокъ и ихъ вѣрность, жизненность. Вотъ почему переводъ Майкова сдѣланъ такъ близко къ подлиннику, такъ удивительно тонко передана его поэзія, его настроеніе.

Здѣсь кстати сказать, что занятія Майкова исторіей имѣли большое значеніе въ его поэтической дѣятельности и въ ходѣ развитія его внутренней жизни занимали видное мѣсто. Поэтъ показалъ себя историкомъ, стоящимъ на высотѣ науки, которому доступно было пониманіе философскаго смысла исторіи. По свидѣтельству проф. Овсянникова, во взглядѣ Майкова на происхожденіе „Слова о полку Игоревѣ“ выразилось вполнѣ современное положеніе науки исторіи русской литературы семидесятыхъ годовъ. То же самое говорили по этому поводу ранѣе Буслаевъ, Аѳанасьевъ и другіе ученые: „миѳически-восточное происхожденіе многихъ нашихъ былинъ тогда всѣми признавалось“. Былины, какъ замѣчаетъ Майковъ въ своемъ введеніи къ переводу, сперва были пѣснями о богахъ и сложены въ ту отдаленную эпоху, когда аріи находились на Иранской возвышенности, такъ какъ въ былинахъ говорится о божествѣ солнца и великой матери-земли, то-есть о божествахъ, признаваемыхъ и чтимыхъ каждымъ изъ народовъ европейскаго семейства. Съ какой стати,—замѣчаетъ поэтъ,—на полѣ, засѣянномъ пшеницей, выросъ пышный розанъ, то-есть какъ могло появиться „Слово“ среди памятниковъ письменности XII вѣка, рядомъ съ поученіями и житіями святыхъ, рядомъ съ лѣтописью, въ той средѣ, въ которой мы не находимъ

ничего другого похожаго, и не служитъ ли это доказательствомъ его поддѣлки? Нѣтъ, Майковъ не видитъ въ немъ поддѣлки и относитъ „Слово“ къ устнымъ памятникамъ творчества нашей старины, къ тѣмъ народнымъ былинамъ, съ которыми „Слово“ наиболѣе въ гармоніи. Переводъ Майкова признанъ образцовымъ многими знатоками древней нашей литературы. Поэтъ старался сохранить слова и выраженія подлинника. Иногда встрѣчаются у него прибавки лишнихъ словъ. Это онъ дѣлалъ въ виду одного: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который былъ задуманъ древнимъ пѣвцомъ и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка. Прибавки эти, впрочемъ, относятся лишь къ тѣмъ темнымъ мѣстамъ „Слова“, которымъ каждый изслѣдователь и переводчикъ даетъ свое толкованіе.

Майковъ называлъ „вторымъ университетомъ“ по филологическому факультету свою четырехлѣтнюю работу надъ приготовленіями къ переводу „Слова“ и надъ самымъ переводомъ. Въ это время онъ особенно дружилъ съ молодымъ писателемъ-филологомъ и поэтомъ Мстиславомъ Викторовичемъ Праховымъ. Этотъ чрезвычайно даровитый, чуткій, съ богатыми знаніями литераторъ, безвременно сошедшій въ могилу, въ раннемъ возрастѣ, былъ и совѣтчикомъ поэта, и его поклонникомъ, и „нянькою всѣхъ его тогдашнихъ произведеній“ и нѣкоторыхъ поэмъ, и части стихотвореній, вошедшихъ въ отдѣлъ „Отзывы исторіи“, и переводовъ сербскихъ пѣсенъ, былинъ и преданій, въ которыхъ поэтъ фактически доказалъ свою любовь къ изученію славянскаго міра, свои симпатіи къ славянству. Вспоминая о Праховѣ, столь глубоко понимавшемъ изучаемыхъ имъ поэтовъ, Майковъ въ одномъ изъ писемъ говоритъ: „Такого пониманія я ни до, ни послѣ него не встрѣчалъ!.. Увы! не надолго сводитъ судьба насъ съ людьми, которыхъ внутренняя жизнь вызываетъ и въ насъ подъемъ духа и изъ которыхъ этотъ духъ жадно впитываетъ въ себя то чужое, что имъ далось, и претворяетъ потомъ въ свое! Тютчевъ умеръ, Праховъ умеръ... Пошли новыя связи, — тѣхъ уже не замѣнили: пошли люди, уже болѣе молодые, которые, можетъ-быть, въ свою очередь отъ насъ, стариковъ, взяли что-нибудь для своего развитія, какъ мы усваивали когда-то отъ другихъ ушедшихъ!.. Счастливъ, кому выпало на долю быть хоть звеномъ, соединяющимъ „Славы обоеполы“ своего времени!..“

Чтеніе памятниковъ народнаго эпоса скандинавовъ, встрѣча со шведами и норвежцами въ городкѣ Аренделѣ, большею частью населенномъ моряками, „морскими волками“, куда заходилъ корветъ „Баянъ“, на которомъ плавалъ Аполлонъ Николаевичъ, внушили ему поэму „Бальдуръ“ — пѣснь о солнцѣ по сказаніямъ скандинавской Эдды. Это также одно изъ видныхъ произведеній Майкова, гдѣ такъ мастерски переданы красоты западно-европейскаго эпоса, гдѣ столько силы и энергіи—этихъ качествъ, свойственныхъ таланту его. „Бальдуръ“ написанъ въ 1870 году. Около того времени появились „Двѣ

бѣлорусскія пѣсни", „Любуша и Премыслъ", чешское преданіе, „Сабля царя Вукашина", „Сербская церковь", „Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ", „Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя", „Пульчинель", „Кассандра", „Емшанъ", „Кто онъ?", „Сказаніе о Петрѣ Великомъ", „Изъ Апокалипсиса", „Странникъ" и др. Этими стихотвореніями начинается послѣдній періодъ поэтическаго творчества поэта, когда идейный элементъ является въ немъ преобладающимъ, когда пластика мало-по-малу исчезаетъ, „міръ его поэзіи становится все болѣе и болѣе безтѣлеснымъ". На смѣну беззаботности, артистическаго эпикуреизма, стремленія къ наслажденію жизнью выступаютъ думы о подвигахъ духа, размышленія о высшихъ вопросахъ человѣческаго бытія. Совершается превращеніе: Майковъ все сильнѣе проникается религіознымъ духомъ, все ярче отражаетъ христіанскія воззрѣнія и идеалы; поэтъ образовъ уступаетъ мѣсто поэту-мыслителю. Поэтъ возрожденный, обращаясь къ своему собрату по лирѣ, проситъ у него „нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ"; онъ въ другомъ стихотвореніи восклицаетъ, что слова: „не отставай отъ вѣка"— лживый лозунгъ,

Коранъ толпы. Нѣтъ,—выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы,
Нѣтъ! мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширитъ, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!..

Самосозерцаніе, вдумчивость, размышленіе надъ сущностью жизни, надъ ея задачами, высшее парѣніе духа, скорбныя думы о многихъ явленіяхъ современности,—вотъ содержаніе большинства произведеній Майкова этого періода, каковы, напримѣръ, „Вопросъ", „Для нихъ свобода — что видѣнье", „Мани-факелъ-фаресъ", „Ex tenebris lux", „Разсказъ духа", „Изъ письма", „О, море!", рядъ стихотвореній „Изъ Аполлодора Гностика" и пр. Между произведеніями этого періода перлами брызжутъ поэмы „Брингильда" и „Кассандра", и надо всѣмъ возвышается, какъ пышный расцвѣтъ могучаго таланта, лирическая трагедія „Два міра", начатая въ 1872 году и оконченная въ 1881-мъ, наслѣдница „Олинфа и Эсенри" и „Трехъ смертей", гордость всякой литературы, всякаго народа, на языкѣ котораго она была бы написана, вещь, возбудившая много толковъ въ печати и обществѣ, вызвавшая обѣлую литературу о ней и все-таки не въ такой степени оцѣненная, какъ оцѣнено было бы подобное произведеніе въ западно-европейской литературѣ.

И „Три смерти" и „Два міра" взяты изъ одной и той же эпохи, эпохи Нерона, но замѣтно разнятся по характеру содержанія. Создавая первую поэму, Майковъ еще не могъ отрѣшиться отъ восхищенія античнымъ

строгость, внѣшнюю красоту котораго онъ и отразилъ въ „Трехъ смерт[illegible]“ вмѣстѣ съ представителями его, тогда какъ внутреннее содержаніе, сущность этого міра какъ будто отошли на второй планъ. Нравственное паденіе Рима читатель видитъ лишь изъ рѣчей юноши-поэта Лукана, извѣстнаго философа Сенеки и эпикурейца Люція, возмущенныхъ разложеніемъ общества римскаго, растлѣніемъ нравовъ. Всѣ трое дѣйствуютъ въ драматическій моментъ: въ тотъ, когда они готовятся покинуть этотъ суетный міръ, стоя у края могилы. Въ такую важную минуту въ ихъ жизни черты характера каждаго изъ этихъ типичныхъ героевъ своего вѣка являются особенно рельефными. Такъ, Луканъ, безгранично преданный культу красоты, ея жизнерадостный пѣвецъ, которому такъ хочется жить и любить, страшится близости смерти и, возмущенный, рѣшается бѣжать отъ нея. Его удерживаетъ только извѣстіе о самоубійствѣ Эпихариды, „души безумныхъ сатурналій“, которая, какъ ни пытали ее открыть сообщниковъ заговора противъ Нерона, „подъ колесомъ“,

Въ жестокихъ мукахъ не винилась
И никого не предала...

Въ противоположность Лукану, привязанному къ жизни, богатый патрицій Люцій настолько пресытился ею, земными наслажденіями, что не страшится перехода въ иной міръ и заботится лишь о томъ, чтобы усладить послѣднія минуты, задаетъ роскошный пиръ, во время котораго онъ долженъ принять ядъ. Наконецъ Сенека, какъ подобаетъ философу, равнодушенъ къ небытію, потому что смерть не считаетъ небытіемъ. Останавливая споривщихъ Люція и Лукана, онъ наставительно говоритъ имъ, что неприлично „свои послѣднія мгновенья“ посвящать безумнымъ рѣчамъ, что смерть—великій шагъ, и проситъ вѣрить, что

Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьи,
Что это—мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ,
Но, какъ мерцаніе Авроры,
Какъ милый чистый вяміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ!
Въ душѣ за симъ земнымъ предѣломъ
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства, роемъ цѣлымъ,
Которымъ органа здѣсь нѣтъ...

Какъ ни различны характерныя черты всѣхъ троихъ: жизнелюбца, эпикурейца и философа, вѣрящаго въ загробную жизнь,—но они сходны однимъ: культомъ своей личности, своего я, какъ яркимъ выразителемъ крайняго индивидуализма, къ которому привело античный міръ его разложеніе въ то время, когда все то, что нѣкогда нравственно связывало людей, объединяло ихъ, распалось. И въ то время, какъ

погибалъ отживший міръ, возникшій новый проявлялъ силу и мощь, именно благодаря нравственному силоченію людей, одушевленныхъ и обновленныхъ христіанствомъ. Столкновенію этихъ діаметрально противоположныхъ другъ другу міровъ и посвящена трагедія „Два міра“.

Новое высокое настроеніе поэта, глубоко-духовное, сказалось въ этой великолѣпной трагедіи съ особенной силой. Въ ней сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи. Мѣсто дѣйствія—тотъ „вѣчный городъ“, которому поклонялся весь классическій міръ, какъ яркому отраженію высшей цивилизаціи, представителю высокаго разума, не подозрѣвая, что рухнетъ это отживающее начало. Время—конецъ шестидесятыхъ годовъ I-го столѣтія, когда царила тиранія въ лицѣ одного изъ бичей человѣчества—Нерона, утонченнаго развратника, кровожаднаго властолюбца. Главное дѣйствующее лицо—Децій—язычникъ-мудрецъ, философъ-эстетикъ, молодой богатый патрицій, „сохранившій“ въ себѣ доблестный духъ классическаго гражданина, пламенѣющій любовью къ Риму, человѣкъ обаятельный, въ которомъ отразилось все изящество греческой образованности, ея неотъемлемая прелесть. Онъ истинный патріотъ—и потому „полонъ скорби безутѣшной“ о томъ ужасномъ растлѣніи, до котораго дошелъ Римъ—„Римъ гетеръ, шута и мима“. Колоссомъ кажется Децій въ сравненіи съ окружающей его толпой, разнузданной, безнравственной до ужаса, подлой, алчной и злобной, съ толпой пигмеевъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Все Децій совмѣщаетъ въ себѣ. И тѣмъ не менѣе эта богато одаренная натура носитъ на себѣ печать своего вѣка. Гордыня и самообожанія исполнена душа Дедія. Въ ней не живетъ высокая любовь, облагораживающая человѣка, всепрощающая, внушающая ему сознаніе долга по отношенію къ ближнимъ. Когда христіанинъ Марцеллъ напоминаетъ ему о нихъ и говоритъ, что „милліоны ближнихъ надо было“ ему себѣ взять въ подножье, чтобъ стоять въ высотѣ, Децій надменно отвѣчаетъ ему:

Мильоны ближнихъ!.. Что такое
Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!

— Во мнѣ есть божество, и если для его полнаго раскрытія необходимо, чтобъ гибли тысячи тупыхъ, несмыслящихъ слѣпыхъ существъ,—пусть гибнутъ!—восклицаетъ Децій.

Его эгоизмъ ясенъ и неприкрашенъ, и христіанка Лидя, любящая его и смотрящая въ то же время на него съ ужасомъ, говоритъ:

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ—Боже!—никого не любитъ!..

Этимъ однимъ восклицаніемъ Лида показываетъ, кто она, какую противоположность Децію представляетъ эта раскаявшаяся „прелестница", исполненная высокой нравственной красоты. Она воплотила въ себѣ тотъ новый міръ, который повелъ человѣчество къ свѣту, освободилъ его отъ мрака и тлѣнія, отъ языческаго эгоизма. Кромѣ Лиды и Марцелла представителями христіанства въ „Двухъ мірахъ" являются обитатели разныхъ странъ, люди всевозможныхъ общественныхъ положеній: тутъ и варвары—Дакъ и Готъ, сиріецъ—Іовъ, греки—Дидима, Главкъ, Менипиа и друг. Свѣточемъ своей поэзіи Майковъ озаряетъ передъ читателями встрѣчу двухъ міровъ, одного, уже выполнившаго свое назначеніе и приближающагося къ небытію, и другого, готовящагося расцвѣсти пышнымъ, дивнымъ цвѣтомъ, стать, такъ сказать, высшей небесной точкой въ судьбахъ человѣчества. Изъ этого видно, какая глубокая мысль положена поэтомъ въ основу его замѣчательнаго произведенія, оцѣненнаго выдающимися критиками русскими и иностранными. Объявляя въ публичномъ засѣданіи второго отдѣленія Академіи Наукъ, 19 октября 1882 года, о присужденіи творцу „Двухъ міровъ" полной Пушкинской преміи, академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ сказалъ въ заключеніе: „Поэма г. Майкова въ цѣломъ составѣ своемъ, и съ внутренней и съ внѣшней стороны, представляетъ столь крупное и замѣчательное явленіе, столь зрѣло обдуманное и тщательно обработанное художественное созданіе, что его нельзя не причислять къ тѣмъ пріобрѣтеніямъ нашей литературы, которыми она въ правѣ гордиться".

Разборъ этой поэмы Академія поручила Николаю Николаевичу Страхову, извѣстному философу, истинному цѣнителю всего изящнаго, глубокому знатоку литературы, который въ отзывѣ своемъ говоритъ о поэмѣ слѣдующее: „Въ выпуклыхъ образахъ, въ яркихъ краскахъ и живыхъ движеніяхъ выступаютъ передъ нами всякаго рода характерныя черты двухъ міровъ; изображеніе такъ многосторонне, что, если бы мы задумали дѣлать смѣту этимъ чертамъ, намъ слѣдовало бы заняться не вопросомъ, что тутъ изображено, а, наоборотъ, вопросомъ, чего тутъ не изображено. Съ одной стороны, сенаторы, временщики, философы, гетеры, развратъ, рабство, эгоизмъ, жестокость и ненависть, — съ другой стороны — рабы, дѣти, матери, раскаявшіеся грѣшники и грѣшницы, любовь, смиреніе, прощеніе и самоотверженіе... Лица и сцены не нанизаны на нить одной какой-нибудь идеи, одного настроенія, а живьемъ выхвачены изъ дѣйствительности во всей ея пестротѣ и рѣзкомъ разнообразіи... Всѣ разговоры не только представляютъ необыкновенную живость и естественность, но каждый говорящій выдерживаетъ свой тонъ и свой слогъ. Старики Фабій, Публій, Эмилій говорятъ коротко, просто, съ нѣкоторымъ старческимъ пренебреженіемъ къ красотѣ рѣчи; но и тутъ есть оттѣнки. Эмилій торжественнѣе, Фабій ворчливѣе, Марцеллъ и Харидемъ говорятъ плавно, съ пошлой изысканностью, обна-

руживающей ихъ лицемѣріе. Лида и Децій говорятъ съ безукоризненнымъ изяществомъ и полной гибкостью выраженій. Галлусъ и Гиппарисъ краснорѣчивы; Цинискъ—вульгаренъ; Дакъ и Гетъ—просты; Дидима—поетъ... Достоинства „Двухъ міровъ“ слишкомъ велики и очевидны; это — самое крупное произведеніе нашего поэта. Оно до такой степени крупно, что обыкновенныя сравненія и измѣренія для него даже излишни и неумѣстны“.

Профессоръ Никитенко, ветеранъ нашей словесности, тонко понимавшій художественныя произведенія, посвятилъ „Двумъ мірамъ“ обстоятельную статью и въ ней подробно разсматриваетъ основное содержаніе поэмы — встрѣчу двухъ началъ, изъ которыхъ христіанское побѣдило своего врага проповѣдью добродѣтели, чистой, какъ кристаллъ, вѣрой въ вѣчную истину, въ благое Провидѣніе съ братской ко всѣмъ любовью. Онъ даетъ оцѣнку характерамъ и типамъ, выведеннымъ въ поэмѣ, и, такъ сказать, даетъ руководящую нить читателю. По его замѣчанію, „у творца поэмы во всемъ видна его волшебная кисть, и гдѣ только коснулся онъ хоть кончикомъ этой кисти, тамъ рождается какая-нибудь живая характеристическая черта или часть образа, которая тотчасъ, при другомъ прикосновеніи кисти, превращается въ цѣлый, стройный гармоническій образъ“. По мнѣнію критика, цѣлью поэта, написавшаго „Два міра“, было поставить насъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи человѣчества и возбудить въ насъ сочувствіе къ тѣмъ нравственно-духовнымъ силамъ, которыя являлись главными его двигателями. Поэтъ этого достигъ. А задаваться такими цѣлями и достигать ихъ свойственно только таланту, глубоко одушевленному важностью предмета и обладающему значительными средствами художественнаго творчества. Глубоко-жизненная идея „Двухъ міровъ“ является главенствующей въ поэтической дѣятельности Майкова за ея послѣдній періодъ. Это новое настроеніе убѣдило его въ справедливости мысли, что Божество олицетворяется и въ поэзіи, что она—„вѣнецъ познанья, надъ зломъ и смертью торжество“, въ ней полнѣйшее, всесовершенное воплощеніе красоты, переносящей насъ въ царство вѣчнаго духа. Его знаменательный подъемъ виденъ сталъ во всѣхъ произведеніяхъ творца „Двухъ міровъ“, и историческихъ и посвященныхъ природѣ, которую онъ созерцалъ просвѣтленнымъ взоромъ. Она навѣвала ему „въ полночный тихій часъ“ столько отрадныхъ воспоминаній, проливающихъ цѣлебный бальзамъ въ усталую душу, въ часъ кроткаго сіянья заката внушала высокія думы объ „иной ступени бытія“ въ надзвѣздномъ мірѣ, гдѣ духъ, снявъ свои временныя тѣлесныя оковы,

Первоначальный образъ приметъ,
И съ вѣчныхъ тайнъ предъ нимъ подыметъ
Завѣсу Смерть — какъ старый другъ—
И возвратитъ ему прозрѣнье

Сквозь всѣ преграды вещества
Во все духовное въ твореньѣ...

Впрочемъ, Майковъ и прежде былъ полонъ тихаго созерцанія природы, спокойно отдавая себя во власть окружающаго, когда онъ вдохновлялся или природой, или памятниками древности, или воспоминаніями о быломъ. Къ природѣ онъ не рвался, не бѣжалъ „дикій и суровый, и звуковъ и смятенья полнъ“. Звуки онъ посылъ въ себѣ, но смятенья у него не было, и когда его охватывало волненье, онъ оставался въ границахъ; въ свои спутницы бралъ онъ тихую грусть, и если отдавался радости, то также тихой, спокойной. И всегда, когда поэтъ платилъ дань особенностямъ своего уравновѣшеннаго, гибкаго и многосторонняго дарованія, онъ не насиловалъ своего чувства, и въ звукахъ его красивой лиры часто слышались

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ
И первыя грезы
О счастьѣ иномъ.

Такимъ же подъемомъ духа, какой ощущается въ „Двухъ мірахъ“, проникнута и самая послѣдняя по времени поэма Майкова „Бринхильда“— „дитя снѣговъ и сѣверныхъ сіяній“, какъ опредѣлилъ ее самъ поэтъ, дѣйствительно отразившій въ ней суровую природу сѣвера, съ ея жестокими зимами, длительными ночами и еще болѣе длительными блѣдными днями лѣта, когда мимо воли чувствуется, что тамъ, за горизонтомъ непривѣтнаго холоднаго неба есть міръ новый, иной. Въ этой поэмѣ представленъ величавый образъ валкиріи съ ея могучими страстями, которыхъ она является покорною рабой, съ ея дикимъ мщеніемъ за отвергнутую любовь. Это Сигурдъ отвергъ ея любовь и тѣмъ страшно оскорбилъ ее. Бринхильда отомстила за это оскорбленіе: руками наущенныхъ ею родственниковъ убила оскорбителя, но не умертвила въ себѣ оставшагося къ нему чувства и надъ тѣломъ Сигурда сама закололась. Поэта давно плѣняли дочери скандинавскаго сѣвера, прекрасныя валкиріи, которыми полны преданія скандинавовъ, и онъ съ особенной любовью остановился на Бринхильдѣ. Въ этой поэмѣ, помимо ея красоты, поэтъ едва ли не впервые проявилъ не встрѣчавшійся у него прежде женственный элементъ. Онъ создалъ два глубоко поэтическихъ женскихъ образа — самой валкиріи и Гудруны, супруги Сигурда, два разныхъ характера, въ которыхъ поэтъ показалъ истинное, тонкое пониманіе чертъ капризной женской природы. Майковъ, по опредѣленію одного изъ критиковъ, „слишкомъ мужественный поэтъ“, и потому въ прежнихъ, въ особенности раннихъ его произведеніяхъ — лирическихъ пьесахъ и поэмахъ—женщины играли незначительную роль. Онѣ были прекрасны по-своему, но въ нихъ чувствовалось что-то не родное поэту, чисто-внѣшнее, словно поэту онѣ нужны были единственно какъ объектъ. Въ „Бринхильдѣ“ женщина уже дѣйствуетъ самостоятельно, одна во

всей ея прелести, и это придаетъ созданію поэта еще болѣе смысла, еще болѣе очарованія.

Въ одинъ годъ съ появленіемъ въ печати этой поэмы праздновался юбилей полувѣковой поэтической дѣятельности Аполлона Николаевича. Праздникъ роднаго слова былъ устроенъ по почину тогдашняго Литературно-Драматическаго Общества, 30-го апрѣля, и на немъ присутствовало много народу и едва ли не всѣ представители изящной словесности русской. Юбиляру объявлена была Монаршая милость — производство въ тайные совѣтники и увеличеніе ежегодной пенсіи до 3.500 рублей. Кромѣ привѣтствій отъ всевозможныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, было прочитано стихотвореніе великаго князя Константина Константиновича и лично присутствовавшими поэтами Я. П. Полонскимъ, К. К. Случевскимъ, гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ стихотворныя привѣтствія. Профессоръ А. И. Незеленовъ прочелъ стихотворенія, присланныя А. А. Фетомъ-Шеншинымъ, кн. Д. Н. Цертелевымъ и кн. Э. Э. Ухтомскимъ, а также письмо И. А. Гончарова, стараго друга семьи Майковыхъ, гдѣ престарѣлый писатель, выражая поэту свои чувства неизмѣнной пріязни, пожелалъ ему достичь, по примѣру отца и дѣда, „глубокихъ предѣловъ жизни, оставаясь вѣчно юнымъ и славнымъ пѣвцомъ, яркимъ свѣтильникомъ нашей поэзіи". Знаменитый историкъ, другъ молодежи К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, съ глубокой теплотой и душевнымъ пониманіемъ отмѣтилъ характерныя особенности поэтическаго дарованія Майкова и, указавъ на поэму „Два міра", какъ на самое выдающееся произведеніе поэта, прибавилъ: „Предъ нами въ яркихъ образахъ предстало два міра, и ясно стало для умственнаго взора каждаго, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало нашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи „Изъ темныхъ долинъ..." Кто живетъ мыслію, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно его заключительныя слова:

„Туманомъ міръ внизу объятъ,
Но надо мною все гудитъ,
Во весь широкій небосклонъ,
Сюда, сюда!—все тотъ же звонъ..."

Хотя и послѣ своего пышнаго праздника поэтъ написалъ немало стихотвореній, но съ этимъ праздникомъ уже подводился итогъ его служенія музамъ, давшій такіе блестящіе результаты, какихъ достигаютъ рѣдкіе изъ нашихъ поэтовъ съ Пушкинымъ во главѣ, завѣты котораго такъ свято блюлъ Майковъ, удивительно строго относившійся къ своему призванію, вѣчно недовольный собою и заботившійся о самоусовершенствованіи. Въ этомъ итогѣ оказалось, что Майковъ оставилъ богатое наслѣдіе. Видное мѣсто занимаютъ въ немъ антологическія стихотво-

ранній, ранѣе всего оцѣненныя Бѣлинскимъ, немного позднѣе Дружининымъ и наконецъ новѣйшей критикой. Дружининъ отмѣтилъ, какъ лучшія изъ первыхъ опытовъ поэта, пьесы: „Раздумье“, „Сонъ“, „Вхожу я смущеніемъ въ забытыя палаты“, „Картина вечера“, „Вакханка“, „Зимнее утро“, „Дорида“, „Эхо и молчаніе“ и друг. Во многихъ изъ нихъ онъ находилъ высокія мысли, выраженныя высоко-поэтическими словами („Раздумье“), художественное изображеніе сельской природы, мастерскіе пейзажи („Картина вечера“, „Зимнее утро“), картинность положенія, доходящую до изумительной степени („Вакханка“); пьеса „Дорида“, по его мнѣнію, наводитъ на мысль самыя горячія изъ антологическихъ пьесъ Шенье, причемъ она ничуть не вдается въ чувственность, характеризующую собой лучшія произведенія французскаго поэта. „Книжка первыхъ стихотвореній Майкова,—говоритъ критикъ,—изданная еще въ то время, когда лучшіе изъ современныхъ намъ русскихъ поэтовъ едва закладывали основаніе своей извѣстности, была встрѣчена громкими похвалами критики и восторгомъ читателей. Самымъ взыскательнымъ дилетантамъ какъ будто снова послышался голосъ навсегда замолкнувшей музы Пушкина. Въ этомъ картинномъ стихѣ, въ этомъ художественномъ спокойствіи поэта, въ его неизысканномъ обращеніи со своими темами,—всякому смыслящему дѣло критику сказалось нѣчто могучее, яркое, самостоятельное. Майкова даже нельзя было, по обычаю стараго времени, произвести въ поэты, подающіе великія надежды,—онъ сразу сталъ выше всего круга лицъ, занимающихся подаваніемъ надеждъ по разнымъ отраслямъ словесности... Въ книжкѣ Майкова не встрѣчалось неѣрнаго лепета голоса музы, колеблющейся или неувѣренной въ своемъ призваніи“.

Затѣмъ Дружининъ разсматриваетъ дальнѣйшія стихотворенія Майкова, видитъ въ нихъ, какъ много боролся съ собою поэтъ, сознавая отвѣтственность, налагаемую на него дарованіемъ, и не задремалъ на лаврахъ своей молодости; какъ испытывалъ себя на всѣхъ поприщахъ, отыскивая вдохновеніе въ мірѣ исторіи, увлекаясь временными и насущными требованіями общества, передавая на русскій языкъ мысль и духъ знаменитѣйшихъ чужеземныхъ поэтовъ, зорко слѣдя за всѣми моментами нашей вседневной жизни, обращаясь къ разительнѣйшимъ явленіямъ древняго міра. Майковъ все болѣе и болѣе расширялъ кругъ своего міросозерцанія и полнѣе понималъ самую сущность того, что на языкѣ нашемъ зовется поэтическимъ призваніемъ — и наконецъ сталъ видимымъ поэтомъ мысли. Огромной заслугой Майкова Дружининъ считаетъ поэму „Три смерти“, поразительную по замыслу, блестящую по формѣ и лиризму. Поэма эта напоминаетъ собою мастерски отдѣланный барельефъ, въ которомъ, можетъ-быть, и встрѣчаются два-три украшенія не совсѣмъ классическаго стиля, но который истинно поразителенъ по правильности каждой фигуры, по строгости и грандіозности постановки. Въ послѣднемъ монологѣ философа Сенеки, по заключенію кри-

тика, „божественнымъ огнемъ вспыхиваетъ и горитъ возвышеннѣйшій лиризмъ, какого невозможно было даже предвидѣть въ дарованіи Майкова за первую пору дѣятельности". Отзывъ Дружинина о дѣятельности поэта, о характерѣ его таланта представляетъ большую цѣну. И не даромъ его мнѣніе о Майковѣ повторяли чуть не слово въ слово многіе позднѣйшіе обозрѣватели дѣятельности поэта, „историки литературы, некрологисты".

О стихотвореніяхъ Майкова въ антологическомъ родѣ и вообще о произведеніяхъ его той же эпохи сочувственно отозвалась и критика новѣйшаго времени, находя въ нихъ прекрасную форму, пластичность, объективно-зрительный характеръ, любованіе красотою жизни въ художественномъ преображеніи послѣдней; въ этихъ произведеніяхъ онъ — настоящій лирико-живописецъ, могущій служить образцомъ для поэтовъ. И такимъ живописцемъ въ лирикѣ онъ остался навсегда. „Любованіе красотою жизни" наиболѣе отразилось въ эпикурейскихъ пѣсняхъ поэта: „Мирта Киприды мнѣ дай", „Блеститъ чертосъ, горитъ елей" и „Остроумица, плясунья". Однако и тутъ невольно бросается въ глаза болѣе глубокая подкладка, ужасъ поэта предъ неизбѣжными роковыми силами дѣйствительности и восторгъ передъ тайной, вольной красотой внутренняго міра человѣка. Поэтъ отворачивался отъ всего, что лишено истинной красоты, отъ унылой и пошлой прозы, гдѣ „одна случайность роковая являлась въ ней и намъ самимъ".

Рѣдко выступающій въ критикѣ представитель яркаго прогрессивнаго направленія въ литературѣ К. К. Арсеньевъ лестно отзывается объ антологическихъ пьесахъ Майкова и находитъ, что въ нихъ полная гармонія между содержаніемъ и формой встрѣчается на каждомъ шагу. „Въ миніатюрномъ рисункѣ,—говоритъ маститый критикъ,—нѣтъ ни одного лишняго штриха, краски блестятъ ровнымъ, спокойнымъ блескомъ; все просто, знакомо, и вмѣстѣ съ тѣмъ все ново и чудно въ своемъ поэтическомъ колоритѣ. Здѣсь точно разстилается лѣсъ или садъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ; тамъ точно слышится музыкальный аккордъ, прилетѣвшій издалека. Въ этомъ чудесномъ мірѣ не составляетъ диссонанса даже ветхій миѳологическій аппаратъ, не рѣжутъ уха давно наскучившія имена Вакха, Пана, Авроры; дѣйствительность и фантазія сливаются въ одно стройное цѣлое. Изрѣдка сквозь изящную оболочку сквозитъ глубокая мысль, но это вовсе не необходимо для эффекта картины: вѣдь никому же не приходитъ въ голову требовать мысли отъ пейзажа". И, сравнивая пьесы „Октава" и „Искусство" съ пьесой „Пріапу", критикъ затрудняется, которой изъ нихъ отдать преимущество. По замѣчанію критика, „лучшія антологическія стихотворенія Майкова ничего не теряютъ даже при сопоставленіи съ Андре Шенье, изъ всѣхъ европейскихъ поэтовъ наиболѣе, быть-можетъ, близкимъ къ античному духу; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть помѣщенный рядомъ съ ними превосходный переводъ превосходной пьесы

„J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle“ („Я былъ еще дитя: она уже прекрасна“)“.

На ряду съ стихотвореніями Майкова въ антологическомъ родѣ критикъ ставитъ его поэму „Три смерти“, гдѣ поэтъ проявляетъ свои эстетическіе инстинкты во всей силѣ и гдѣ древній міръ рисуется передъ нимъ во всей своей величественной цѣлости, не затемняемый никакой предвзятой мыслью. „Отсюда необыкновенная объективность, составляющая главную прелесть „Трехъ смертей“. Сенека, Луканъ, Люцій являются здѣсь такими, какими они могли быть на самомъ дѣлѣ, авторъ не возвышаетъ одного на счетъ другихъ, не морализируетъ, не критикуетъ ни стоицизма ни эпикуреизма, оттѣняя ихъ только путемъ естественнаго внутренняго ихъ контраста. Люцій такъ же симпатиченъ, какъ и Сенека; если въ любви поэта созданіямъ его фантазіи и можно уловить степени, оттѣнки, то развѣ въ смыслѣ невольнаго влеченія къ веселому, спокойному, безстрашному эпикурейцу“. Не лишено интереса добавленіе г. Арсеньева къ этой оцѣнкѣ „Трехъ смертей“, написаныхъ звучнымъ, сильнымъ стихомъ, обличающимъ настоящаго художника. „Пишущій эти строки,—говоритъ онъ въ примѣчаніи,—принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые выучили „Три смерти“ наизусть еще въ то время, когда поэма, по цензурнымъ причинамъ, не появлялась въ печати, и не забылъ ея до сихъ поръ. Первоначальнаго ея печатнаго текста у насъ нѣтъ подъ руками, но въ рукописи, обратившейся въ публикѣ, послѣдняя часть предсмертнаго монолога Сенеки была изложена не такъ, какъ въ настоящемъ изданіи. Теперь Сенека прямо указываетъ на христіанъ и допускаетъ возможность вредной ошибки въ собственномъ своемъ ученіи:

Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы ледянимъ, какъ вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей,—

тогда онъ ограничивался слѣдующимъ восклицаніемъ:

Міръ палъ и нашихъ жертвъ не приметъ,
И только Богъ своей рукой
Изъ мрака падшаго подниметъ
И обновитъ въ немъ образъ Свой...

Когда Майковъ былъ ближе къ исторической и поэтической правдѣ,—это не требуетъ поясненія“. По поводу двухъ редакцій монолога Сенеки, которая изъ нихъ ближе къ истинѣ,—мы не будемъ вдаваться въ разсужденія. Но изъ этихъ передѣлокъ Майкова можно только заключить, какъ усиленно работалъ онъ надъ своей поэмой, какъ обдумывалъ въ ней чуть не каждую строку. Есть свидѣтельства этой напряженной работы поэта надъ своими произведеніями въ большей части рукописей поэта, въ корректурахъ его. Автору этихъ строкъ удалось видѣть нѣ-

которыхъ имъ сдѣланы безчисленныя и, что называется, „не оставлено камня на другомъ“ Майкова Гончаровъ, который съ нимъ былъ „одного поля ягода“: безпощадно уничтожалъ цѣлыя страницы въ своихъ произведеніяхъ и замѣнялъ ихъ новыми, передѣланными до неузнаваемости.

Въ наслѣдіи Майкова играетъ видную роль поэма „Брингильда“. Въ новѣйшей критикѣ она также оцѣнена по достоинству. Самый сюжетъ ея признанъ въ высокой степени интереснымъ, располагающимъ къ себѣ богатствомъ своего содержанія, тѣмъ богатствомъ, которое намъ раскрылъ еще незабвенный историкъ Грановскій, освѣтивъ со всѣхъ сторонъ этотъ мрачный скандинавскій эпосъ. Братъ Всеволода Гаршина, Евгеній Михайловичъ, извѣстный своими историко-литературными работами и критическими этюдами, подробно разобралъ эту чудесную поэму, гдѣ Майковъ ярко выразилъ свое тонкое и глубокое проникновеніе міросозерцаніемъ старой сѣверной миѳологіи. Критикъ видитъ заслугу Майкова, какъ творца этой грандіозной картины скандинавскаго міра сѣдой старины, въ томъ, что поэтъ сумѣлъ со всей силой поэтической живописности воспроизвести ту „трагическую красоту страданія“, на которую указывалъ въ своей великолѣпной характеристикѣ древнѣйшаго скандинавскаго эпоса еще Грановскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ читателя отъ трудностей, съ какими, по словамъ того же восторженнаго истолкователя этихъ перловъ истиннаго романтизма, сопряжено воспріятіе образовъ древней скандинавской поэзіи. „Въ обработкѣ Майкова,—по замѣчанію Гаршина,—дивный старо-сѣверный сюжетъ производитъ впечатлѣніе геніальной реставраціи, подобно той, которая поражаетъ насъ, когда мы остановимся въ сосредоточенномъ вниманіи передъ какой-нибудь античной статуей: все въ ней цѣльно, изящно, законченно, и, только взглянувъ въ каталогъ съ подробнымъ описаніемъ статуи и присмотрѣвшись, вы видите, что она найдена въ кускахъ. Проанатомировать майковскую поэму, показать каждое звено этой чудной поэтической цѣпи —дѣло, возможное для всякаго критика, сколько-нибудь вооруженнаго соотвѣтствующей литературой предмета; но это то же, что начинать изученіе антиковъ не съ непосредственнаго своего впечатлѣнія, а съ исчисленія реставрированныхъ частей по подробному каталогу. Насколько же требованія исторической критики могутъ быть предъявлены къ художественной работѣ нашего поэта въ томъ отношеніи, остался ли онъ вѣренъ духу воспроизводимой имъ эпохи,—Майковъ здѣсь безупреченъ: въ немъ сказался ревнивый знатокъ старо-сѣверной миѳологіи и выливщагося въ ней міросозерцанія, тѣсно связаннаго съ обрядовой стороной жизни древняго германца“.

И эстетическая критика, подобно исторической, должна быть вполнѣ удовлетворена этой поэмой. Гаршинъ отличаетъ безукоризненность, точность языка Майкова. Его искусное перо сочетало въ

„Брингильдѣ“ теченія родного языка „въ свободно льющіяся синтаксическія цѣлыя“. Здѣсь языкъ поэта пріятно поражаетъ своей простотой, живостью и характерностью; въ немъ отчеканены индивидуальныя черты каждаго дѣйствующаго лица и отрадно нѣжатъ слухъ всѣми переливами различныхъ тоновъ рѣчи, отъ непосредственнаго лиризма до возвышенно-царственнаго пафоса. Истинныя лирическія красоты, словно извлеченныя изъ богатѣйшей сокровищницы поэтическихъ представленій народа, критикъ находитъ въ словахъ королевы Медеи, которыми она пытается утѣшить Гудруну, супругу Сигурда. „Самый словарь этого чуднаго монолога,—восхищенно говоритъ Гаршинъ,—блещетъ живописью выраженій, взятыхъ непосредственно изъ нѣдръ народной рѣчи, но дивно пріуроченныхъ къ цѣлямъ изящнаго творчества; изъ того же источника—всѣ поэтическіе обороты этого отрывка“. Такой же красотой блещетъ и страстная рѣчь Брингильды, восхваляющей Сигурда, впервые представшаго передъ очарованной валкиріей. Вообще, разныя мѣста поэмы представляютъ поразительное завоеваніе творчества. „Ни одинъ штрихъ,—говоритъ далѣе Гаршинъ,—не пропадаетъ у нашего поэта даромъ, и разборъ внѣшней формы его произведенія обнаружилъ уже передъ нами и всю глубину его психологическаго анализа. Съ поразительной правдой рисуется душевный міръ Брингильды и Гудруны въ ихъ отношеніяхъ къ Сигурду, какъ живая, выступаетъ королева Герварда, когда она разсказываетъ о времени своего плѣна у Алана и о невольномъ замужествѣ“.

Новѣйшая критика еще не сказала своего послѣдняго слова о Майковѣ, но она подробно коснулась исторіи міросозерцанія поэта, религіознаго начала въ его творчествѣ, особенностей его таланта, литературнаго направленія и художественнаго настроенія въ зависимости отъ занятій поэта исторіей вообще и русской въ частности. Намѣтила она, въ какой мѣрѣ отразились важнѣйшія событія русской жизни и современности въ поэзіи Майкова, его близость къ природѣ, подчеркнула педагогическое значеніе его произведеній и отвела ему въ исторіи литературы самыя видныя страницы, признавъ, что творецъ „Двухъ міровъ“ оставилъ намъ замѣчательное литературное наслѣдіе, которое всегда будетъ жить въ народной памяти. Но Майковъ такъ всеобъемлющъ, его творчество—такой неисчерпаемый кладезь красоты и мудрости, дающій обильную пищу для ума, матеріалъ для познанія его творчества, что о достойномъ преемникѣ Пушкина можно писать долго, не исчерпывая этой увлекательной, интересной темы. И, безъ сомнѣнія, критика еще не разъ вернется къ славному имени поэта, къ тайнамъ его творчества.

Здѣсь уже было упомянуто о замѣчательной, богато одаренной натурѣ Майкова, о томъ, что онъ проявилъ способности, какъ живописецъ. Но, вѣроятно, не многимъ извѣстно, что Аполлонъ Николаевичъ не былъ чуждъ и музыкальной дѣятельности. Тонкимъ пониманіемъ и большимъ эстетическимъ чутьемъ обладалъ онъ въ этой области и самъ хорошо

игралъ на скрипкѣ. И музыка занимала вообще въ семействѣ Майковыхъ далеко не послѣднее мѣсто, являясь однимъ изъ насущныхъ элементовъ ихъ жизни. Музыкальность Майкова несомнѣнно много способствовала поэту, когда онъ чуть не отрокомъ познавалъ „мелодіи стиха божественныя тайны“, а позднѣе довелъ до такого совершенства свой поэтическій языкъ. Слухъ у него былъ превосходный, и, когда композиторъ Александръ Николаевичъ Сѣровъ приходилъ къ Майкову съ партитурой своей оперы „Юдиѳь“, поэтъ сдѣлалъ композитору цѣнныя замѣчанія, указалъ въ его твореніи на отсутствіе мелодіи и въ концѣ концовъ много способствовалъ его оживленію. „Необходимо замѣтить,—разсказываетъ біографъ Майкова,—что, пока Сѣровъ исполнялъ (въ домѣ Майковыхъ) свою оперу, Аполлонъ Николаевичъ замѣчалъ про себя: „вотъ тутъ бы хорошо дать Юдиѳи арію; здѣсь бы дуэтъ: Олоферну только кричать, надо бы ему спѣть“ и т. д. И въ ту же ночь Аполлонъ Николаевичъ принялся сочинять слова для этихъ арій, дуэтовъ и пр. Здѣсь онъ написалъ: „Я одѣнусь въ виссонъ“, потомъ „Горы наши бѣды“—для Юдиѳи; „Знойной мы степью идемъ“ — для Олоферна и проч., всего номеровъ семь или восемь. Утромъ приходитъ Сѣровъ за либретто (оставленнымъ имъ у Майкова). — „А что, Александръ Николаевичъ, если бы тутъ Юдиѳи спѣть ноть это?.. а тутъ — вотъ это, а Олоферну, который вѣдь все только рычитъ, спѣть бы вотъ это: „Знойной мы степью идемъ“... Какъ вы думаете? Было бы это хорошо?“ Сѣровъ былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, чего недоставало его произведенію“. И опера была имъ передѣлана, получила иной, болѣе живой и рельефный характеръ, благодаря словамъ поэта, введеннымъ въ „Юдиѳь“. Таковъ былъ чуткій поэтъ, жизнерадостный, цвѣтущій, рѣдко жаловавшійся на недостатокъ здоровья. Онъ работалъ и почти не чувствовалъ усталости, несмотря на свой достаточно преклонный возрастъ. Еще 26 февраля 1897 года, когда поэту было болѣе семидесяти пяти лѣтъ, на торжественномъ собраніи Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III Майковъ прочелъ свое извѣстное стихотвореніе: „20 октября 1894 года“, и присутствующіе были поражены той бодрой силой, тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ убѣленный сѣдинами старецъ-поэтъ произнесъ свое вѣщее слово, и никто не могъ предположить, что это было послѣднее публичное выступленіе поэта, и что, спустя нѣсколько дней, онъ уйдетъ изъ „міра печали и слезъ“. Аполлонъ Николаевичъ неожиданно простудился, заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и такъ же неожиданно скончался 8 марта, въ 7 часовъ утра. Прахъ поэта былъ преданъ землѣ 11 марта 1897 года на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря при огромномъ стеченіи народа. Много рѣчей было произнесено надъ его свѣжей могилой; нѣсколько молодыхъ поэтовъ проводили стараго пѣвца въ вѣчное успокоеніе стихами, въ которыхъ охарактеризовали его музу. Не самъ усопшій поэтъ

ровно за четыре года до своей кончины приготовилъ себѣ надгробное слово, въ которомъ такъ задушевно сказалъ:

...Говоритъ мнѣ тайный голосъ,
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила и боролась:
Въ ней есть свое живое „я"...
И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье,
Нѣтъ! Это—пламенникъ святой,
Мнѣ озарившій на мгновенье
Міръ и небесный и земной.
И смерть—не мигъ уничтоженья
Во мнѣ того живого „я",
А новый шагъ и восхожденье
Все къ высшимъ сферамъ бытія...

Петръ Быковъ.

Царское Село.
Декабрь 1913 г.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

(Е. П. Майковой).

Тебѣ, которой были милы
Мой первый лепетъ, первый стихъ,
Кто въ звукахъ слабыхъ и простыхъ
Провидѣлъ дремлющія силы,
Кто сердца трепетомъ слѣдилъ,
Какъ крѣпъ мой даръ въ огнѣ науки,
Я вдохновеній вольныхъ звуки
Тебѣ смиренно посвятилъ.
Привѣтствуй ихъ своей улыбкой
И словомъ мира и любви
Ихъ въ новый путь благослови.
Дорогой скользкою и зыбкой!
Такъ скромные дары боговъ,
Кошницы собранныхъ плодовъ,
Богамъ же чтитель ихъ приноситъ;
Ихъ оросивъ виномъ златымъ,
Глядитъ, какъ съ камня вьется дымъ,
И даръ пріять въ молитвѣ проситъ.

1842.

I.

ВЪ АНТОЛОГИЧЕСКОМЪ РОДѢ.

ОКТАВА.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору: ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

1841.

РАЗДУМЬЕ.

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ его заблещетъ; нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засеребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ...
Не грозенъ для него свѣтильникъ Эвменидъ:
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ, не дрожа, плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ борьбѣ мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

1841.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь, —
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

1839.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ;
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье нѣмѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья: пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ — въ забытые чертоги
Вселились, — новые, невѣдомые боги!

Ораніенбаумъ.
1839.

КАРТИНА ВЕЧЕРА.

Люблю я берегъ сей пустынной
Когда съ зарею лоно водъ
Его, ласкаясь, обойметъ
Дугой излучистой и длинной.
Тамъ въ мелководье, по песку,
Стада спустилися лѣниво;
Тамъ темные сады въ рѣку
Глядятся зеленью стыдливой;
Тамъ ива на воды легла,
На вервяхъ мачта тамъ уснула,
И въ глади водяного стекла
Ихъ отраженье потонуло.

1838.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Въ забытой тетради забытое слово!
Я все прожитое въ немъ вижу опять:
Но странно, неловко и мило мнѣ снова
Во образѣ прежнемъ себя узнавать...
Такъ путникъ приходитъ чрезъ многіе годы
Подъ кровли отеческой мирные своды.
Заборъ его дома травою обросъ,
И привязи псовъ у крыльца позабыты;
Крапива въ саду прорастаетъ межъ розъ,
И ласточекъ гнѣзда надъ окнами свиты;
Но все въ тишинѣ ему кажется вкругъ —
Что живъ еще встарь обитавшій здѣсь духъ.

1838.

ГЕЗІОДЪ.

Во дни минувшіе, дни радости блаженной,
Лились млеко и медъ съ божественныхъ холмовъ
Къ долинамъ бархатнымъ Аонія священной
И силой дивною, какъ нектаромъ боговъ,
Питали геніи младенческія силы;
И нимфы юныя, тропою легкокрылой,
Покинувъ Геликонъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,
Руками сплетясь у мирной колыбели,
Вѣнчанной розами, плясали вкругъ и пѣли,

Амброзіей дитя поили и въ густыхъ
Дубравахъ, гдѣ шумятъ изъ урнъ каскада-воды,
Лелѣяли его младенческіе годы...
И рано лирою пѣвецъ овладѣвалъ:
И лѣсъ и водопадъ предъ нею умолкалъ,
Наяды, всплывъ изъ волнъ, внимали ей стыдливо,
И львы къ стопамъ пѣвца златой склонялись гривой.

1839.

ЭХО И МОЛЧАНІЕ.

Осень срывала поблекшіе листы
Съ блѣдныхъ деревьевъ, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящаго льда...
Грустный, блуждая въ лѣсу обнаженномъ,
Въ чащѣ глубокой подъ дубомъ и елью
Мирно уснувшихъ двухъ нимфъ я увидѣлъ.
Вѣтеръ игралъ ихъ густыми власами,
Вѣялъ, клубилъ ихъ зеленыя ризы,
Нѣжно ихъ жаркія лица лобзая.
Вдругъ за горами послышался топотъ,
Лаянье псовъ и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумомъ испугана, въ чашу сокрылась,
Робко дыханье тая: а другая,
Съ хохотомъ рѣзкимъ, съ пригорка къ пригорку,
Съ холма на холмъ, изъ лощины въ лощину,
Быстро сидалась, и вотъ, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лѣсу голосъ ея повторялся.

1840.

Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ.
Но день померкъ; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальціоны:
Напрасно!.. Мѣсяцъ всталъ, серебрился и угасъ;
Рѣдѣла ночь: любовница Кефала,
Облокотясь на рдяныя врата
Младого дня, изъ косъ своихъ роняла
Златыя зерна перловъ и опала
На синія долины и лѣса:
Ты не явилась...

ПУСТЫННИКУ.

Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которую рѣжешь ты самъ на досугѣ;
Ставь передъ нами изъ глины кувшины простые
Съ влагой студеной, почерпнутой въ полдень палящій
Въ этомъ ручьѣ, что такъ звонко межъ камнями льется,
Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью дуплистыя липы!
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и кореньевъ;
Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой;
И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Шутку порой перекинемъ мірскую.

1841.

ПРИЗЫВЪ.

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ:
На главахъ смоляного бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора;
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Заливъ почіетъ въ берегахъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели.
А тамъ, вкругъ хо̀лма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ...
Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ сосенъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!
О, други! Въ поле! Силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ...
Чу! Въ рощѣ голосъ заунывной
Весенней иволги гремитъ!

1838.

ПРІАПУ.

Садъ я разбилъ; тамъ подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ.
Въ мракѣ прохладномъ, статую воздвигъ я Пріапу.
Онъ, воздѣлатель мирный садовъ, охранитель
Гротовъ и рощъ, и цвѣтовъ, и орудій садовыхъ.
Юнымъ деревьямъ даетъ силу расти, увѣнчаетъ
Листьемъ душистымъ, плодомъ сладкосочнымъ обвѣситъ.
Подлѣ статуи, изъ грота шумя, упадаетъ
Ключъ свѣтловодный; его осѣняютъ вѣтвями
Дубы; на нихъ свои гнѣзда дрозды укрѣпляютъ...
Будь благосклоненъ, хранитель пустыннаго сада!
Ты, увѣнчанный вѣнкомъ изъ лозы виноградной,
Плюща и желтыхъ колосьевъ! Пролей свою благость
Щедрой рукою на эти орудья простыя,
Заступъ садовый и серпъ полукруглый, и соху,
И нагруженныя туго плодами корзины.

1840.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его возлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

1840.

Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ:
Лѣса пустынные, гдѣ сумракъ обитаетъ,
И гротъ таинственный, откуда струйка водъ
Межъ камней падаетъ, звенитъ и брызги бьетъ,
То прыгаетъ змѣей, то нитью изъ алмаза
Журчитъ между корней раскидистаго вяза,
Потомъ, преграду пней и камней раздробивъ,
Бѣжитъ средь длинныхъ травъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
Разрозненныхъ въ корняхъ, но сплетшихся вѣтвями...

Я вижу, кажется, въ чашѣ, поросшей мхомъ,
Дріадъ, увѣнчанныхъ дубовыми листами,
Надъ урной старика съ осоковымъ вѣнкомъ,
Сильвана съ фавнами, плетущаго корзины,
И Пана кротнаго, который у ключа
Гирлянды вѣшаетъ изъ розъ и изъ плюща
У входа тайнаго въ свой гротъ темнопустынный.

1840.

ОВИДІЙ.

Одинъ, я погребенъ пустыней снѣговою.
Здѣсь всѣмъ моихъ стиховъ гармонія чужда,
И некому надъ ней задуматься порою,
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзыва и слѣда.
Зачѣмъ же я пою? Зачѣмъ же я слагаю
Слова въ размѣрный стихъ на языкѣ родномъ?
Кто будетъ ихъ читать и чувствовать?.. О, знаю,
Ихъ вѣтеръ разнесетъ на берегъ пустомъ!
Лишь эхо повторитъ мои мечты и муки!..
Но все мнѣ сладостно обманывать себя:
Я жажду услыхать страны родимой звуки,
Свои элегіи читаю громко я,
И думаю—дитя!—что это голосъ друга,
Что я въ кругу друзей... зову ихъ имена, —
И вотъ—мнѣ кажется, что дымная лачуга
Присутствіемъ гостей невидимыхъ полна.

1841.

ИСКУССТВО.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживился порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя!..
Горькій безумецъ! Ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

1841.

ВАКХАНКА.

Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракъ деревъ;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоилась, къ рукѣ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
Съ аканѳомъ и плющомъ власы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая...
Какъ дышитъ виноградъ на персяхъ у нея,
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечутъ, полныя томленья и огня!
Какъ тихо все вокругъ! Лишь слышны изъ-за дали
Тимпанъ и звуки флейтъ и плески вакханалій...

1841.

ГОРНЫЙ КЛЮЧЪ.

Откуда ты, о, ключъ подгорный,
Катишь звенящія струи?
Кто вызвалъ васъ изъ бездны черной,
Вы, слезы чистыя земли?
На горныхъ главахъ лучъ палящій
Кору ль льдяную растопилъ?
Земли ль изъ сердца ключъ шипящій
Истоки тайные пробилъ?
Откуда бъ ни былъ ты, но сладко
Въ твоихъ сверкающихъ зыбяхъ
Дремать наядѣ, иль украдкой
Свой ликъ купать въ твоихъ водахъ:
Отрадно пастырямъ долины
У водъ твоихъ въ свой рогъ играть,
И дѣвамъ звонкіе кувшины
Въ студеной влагѣ погружать.
Таковъ и ты, о, стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То тайно всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой трепетъ складной,
Въ тебѣ усладу почерпать.

1841.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель
Пасъ земля пріемлетъ:
Міра бѣдный житель отдохнуть приляжетъ
На груди родимой.
Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ,
И сотрется имя;
Но для тѣхъ безсильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузить въ раздумье и изъ сердца слезы
Сладкія исторгнетъ.

1841.

ОРЕЛЪ.

Когда пернатыхъ царь стремится
Въ страны безоблачны парить,
Кавказъ его подножьемъ зрится,—
Кто смѣетъ съ нимъ себя сравнить?
Могучимъ, быстрымъ крылъ размахомъ
Къ зениту простираетъ путь.
Ничто объять не можетъ страхомъ
Его безтрепетную грудь.
Онъ къ солнцу близиться дерзаетъ,
И вѣждъ предъ нимъ онъ не смыкаетъ,
Пьетъ взоромъ блескъ его лучей;
А тамъ, перуномъ воружённый,
Своимъ величьемъ упоенный,
Онъ вержется, стрѣлы быстрѣй,
На долъ съ превысперенихъ зыбей.

(1835).

МЫСЛЬ ПОЭТА.

О, мысль поэта! Ты вольна,
Какъ пѣсня вольной гальціоны!
Въ тебѣ самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажетъ молніи: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажетъ горному орлу:
Ты не ширяй подъ небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блескѣ розовой зари?

1839.

ВАКХЪ.

Въ томъ гротѣ сумрачномъ, покрытомъ виноградомъ,
Сынъ Зевса былъ вручёнъ элидскимъ ореадамъ.
Сокрытый отъ людей, сокрытый отъ боговъ,
Онъ росъ подъ говоръ водъ и шелестъ тростниковъ.
Лишь мирный богъ лѣсовъ, надъ тихой колыбелью,
Младенца услаждалъ волшебною свирѣлью...

Какой отрадою, средь сладостныхъ заботъ,
Онъ нимфамъ былъ! Глухой внезапно ожилъ гротъ.
Тамъ, кожей барсовой одѣтый, какъ въ порфиру,
Съ тимпаномъ, съ тирсомъ онъ являлся божествомъ.
То въ играхъ хмелемъ и плющомъ
Опутывалъ рога, при смѣхѣ нимфъ, сатиру,
То гроздія срывалъ съ изгибистой лозы,
Ихъ связывалъ въ вѣнокъ, вѣнчалъ свои власы,
Иль нектаръ выжималъ, смѣясь, своей ручонкой
Изъ золотыхъ кистей надъ чашей сребровонкой,
И тѣшился, когда струей ему въ глаза
Изъ ягодъ брызнетъ сокъ, прозрачный, какъ слеза.

1840.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздумьи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На долы, крытые ковромъ младого снѣга,
На зеркало рѣки, застылувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпуримъ блеститъ снѣговъ серебро:
Игристымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узоръ,
Картиной новою увеселять свой взоръ:
Люблю въ тиши смотрѣть, какъ раннею порою
Деревня весело встрѣчается съ зимою:
Тамъ по льду гладкому и скользкому рѣки
Свистятъ и искрятся визгливые коньки;
На лыжахъ звѣроловъ спѣшитъ къ лѣсамъ дремучимъ;
Тамъ въ хижинѣ рыбакъ предъ пламенемъ трескучимъ
Сухого хвороста худую сѣть чинитъ,
И сладостно ему воспомнить прежній бытъ,
Взирая на стекло окованной пучины—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярыя и волнъ мятежный взрывъ,
И свой хранительный подъ ивами заливъ,
И про счастливый локъ въ часы безмолвной ночи,
Когда лишь мѣсяца задумчивыя очи
Проглянутъ, озлатятъ пучины спящей гладь
И свѣтятъ рыбаку свой неводъ подымать.

1839.

ДУМА.

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы.
Тамъ—солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ и сладость слезъ!

1841.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Өетидѣ въ пурпурный чертогъ;
Пусть такъ! Но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такою любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

ПЛЮЩЪ.

Зачѣмъ, о, плющъ, лозой своей
Гробницы мраморъ повиваешь,
И прахомъ тлѣющихъ костей
Свой корень темный ты питаешь?
Не лучше ль тамъ, у звонкихъ струй,
У грота, подлѣ водопада,
Гдѣ тайно юношѣ наяда
Даритъ свой влажный поцѣлуй,
Тебѣ гранитовый осколокъ
Кудрявой зеленью убрать,
Или надъ ними брачный пологъ
Прозрачныхъ листьевъ разостлать?
„Прекраснѣ звукъ рѣчей нескромныхъ
Свиданья тайныя въ тѣни;
Но мнѣ милѣй на листьяхъ темныхъ
Слеза прощальная любви:
Прилвъ на зелень молодую,
Ее какъ жемчугъ я храню;
Объемля урну гробовую,
Я всѣмъ забытое люблю!"

1841.

ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

О, други! прежде, чѣмъ покинемъ мирный кровъ,
Гдѣ тихо протекли дни нашего бездѣлья
Вдали отъ шумнаго движенья городовъ,
Ихъ скуки злой, ихъ ложнаго веселья,
Послѣдній кинемъ взглядъ съ прощальною слезой
На бывшій нашъ эдемъ!.. Вотъ домикъ нашъ укромной:
Пусть вѣкъ благой пенатъ хранитъ его покой
И грустная сосна объемлетъ вѣтвью темной!
Вотъ лѣсъ, гдѣ часто мы внимали шумъ листовъ,
Когда сквозитъ межъ нихъ лучъ солнца раскаленной...
Склонитесь надо мной съ любовью вождельной,
О, вѣтви мирныя таинственныхъ дубровъ!
Шуми, мой свѣтлый ключъ, изъ урны подземельной,
Шуми, напомни мнѣ игривою струей
Мечты настроены подъ сладкій говоръ твой,
Унывно-сладкія, какъ пѣсни колыбельны!..
А тамъ,—тамъ, на концѣ аллеи липъ и ивъ,

Колодецъ межъ деревъ, гдѣ часто, ночью звѣздной,
Звенящій свой кувшинъ глубоко опустивъ,
Дочь поля и лѣсовъ, склонясь надъ темной бездной,
Съ улыбкой образъ свой встрѣчала на водахъ
И любовалась имъ, и тайно помышляла
О стройномъ юношѣ,—а небо обвивало
Звѣздами ликъ ея на зыблемыхъ струяхъ.

1841.

СВИРѢЛЬ.

Вотъ тростникъ сухой и звонкой...
Добрый Панъ! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ наяду приманить.

1840.

Я знаю, отчего у этихъ береговъ
Раздумье тайное объемлетъ духъ иловцовъ:
Тамъ нимфа грустная съ распущенной косою,
Полузакрытая пѣвучей осокою,
Порою пѣснь поетъ про шелкъ своихъ власовъ,
Лазурь заплаканныхъ очей, жемчугъ зубовъ,
И сердце, полное любви нераздѣленной.
Проѣдетъ ли челнокъ—иловецъ обвороженный,
Ея заслушавшись, перестанетъ грести;
Замолкнетъ ли она—но долго на пути
Ему все чудятся напѣвы надъ водою
И нимфа въ камышахъ съ распущенной косою.

ГОРЫ.

Люблю я горныя вершины,
Среди небесной пустоты
Горятъ ихъ странныя руины,
Какъ недоконченны мечты
И думы Зодчаго природы.
Тамъ недосозданные своды,
Тамъ великана голова
И неизваянное тѣло,
Тамъ пасть разинутая льва,
Тамъ профиль дѣвы онѣмѣлый..
1841.

ДІОНЕЯ.

Право, завидно смотрѣть намъ, какъ любитъ тебя Діонея.
Если ты въ циркѣ на бой гладіаторовъ смотришь, иль внемлешь
Мудрымъ урокамъ въ лицеѣ, иль учишься мчаться на коняхъ,—
Плачетъ, ни слова не скажетъ! Когда же въ пыли ты вернешься,
Вдругъ оживетъ, и соскочитъ, и кинется съ воплемъ,
Крѣпче, чѣмъ плющъ вкругъ колонны, тебя обвиваетъ руками:
Слезы на длинныхъ рѣсницахъ, въ устахъ поцѣлуй и улыбка.
1840.

НА ПАМЯТНИКѢ.

Онъ рано ужъ умѣлъ перебирать искусно
Свирѣли скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; онъ пѣлъ про плескъ ручья,
Помоной щедрою убранныя поля,
Про ласки юныхъ дѣвъ и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожныя заботы.
1842.

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно...
Ужъ полно! Не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;

По утренней росѣ ужъ зорекъ не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ легкіе пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не вереск, не цвѣты пестрѣютъ по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

1841.

Пусть полудикіе скиѳы, съ глазами налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьянаго пира —
Други! Оставимте имъ, дикарямъ кровожаднымъ, обычай
Сладкія Вакховы вина румянить пирующихъ кровью...
Бранныя копья средь кубковъ и факеловъ пира!..
Гдѣ мы, скажите?.. Какое безуміе! Веселье—и битва!
Полноте спорить! Умолкните, други! Вражду утопите
Въ чашахъ, у конхъ, чѣмъ болѣе пьете, все глубже и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите и пейте смиренно,
На руку мудрыя головы важно и тяжко уставивъ.

1841.

ЧЕРЕПЪ.

Глухо мой заступъ, о черепъ ударясь, заѣнитъ. Замогильный
Гость, выходи-ка! Вокругъ тебя папоротникъ, перчатки и бердышъ —
Пусть истлѣваютъ! Тебя жъ отлучу я, о, черепъ, отъ тлѣнья!
Ты не услышишь ни кликовъ воинскихъ, ни бранныхъ ударовъ.
Мирно лежи у подножія лиры эллинской и миртомъ
Вѣчно-зеленой Эллады вѣнчайся, порой наполняясь
Гулкимъ отвѣтомъ на струны ея, потрясенныя нѣтромъ.
Также не въ вѣчныхъ ли миртахъ, не въ звукахъ ли горнихъ гармоній,
Прежній хозяинъ твой, духъ, утонетъ теперь?..

1840.

ПОЭЗІЯ.

Люби, люби каменъ, кури имъ ѳиміамъ!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы намъ
Панорма небеса, Ѳетиды блескъ невѣрный,
И виноградники богатаго Фалерна,
И розы Пестума, и въ раскаленный день
Бландузія кристаллъ, и миръ его прохлады,
И Рима древняго священныя громады,
И утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень.

1840.

Свершай служенье музъ въ священной тишинѣ.
Пускай рожденія гармоніи высокой,
Рожденія стиха не узрить смертныхъ око.
Ты самъ, творецъ, пріими дитя свое, свой стихъ;
Ты воспитай его и, въ латахъ золотыхъ,
Ужъ мужемъ, не дитей, введи въ арену міра.
Такъ зрѣетъ молнія на пажитяхъ эѳира,
Во чревѣ грозныхъ тучъ; ихъ огнь мутитъ и мучитъ,
Но грянули, и вотъ стрѣльчатая летитъ
Огне-змѣистая, струится и сверкаетъ,
И рѣжетъ небеса и море обагряетъ.

(1842).

БАРЕЛЬЕФЪ.

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стопи его
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни Кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ.
Отчекань: въ саду пустынномъ,
Между лозъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти возлѣ бочки винной;

Фавны съ хмелемъ на челѣ;
Вакхъ подъ тигровою кожей
И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.

1842.

SCHOLIA.

Не мирты съ лаврами, а грустный кипарисъ
Срываемъ на пути сей жизни скоротечной;
Любимыхъ сверстниковъ не портики безшечны,
А гробы ихъ вкругъ насъ печально вознеслись...
Что жъ, други, унывать! И наши дни не вѣчны!
Возьми Горація, у древнихъ научись
Итти—не замѣчать потери безконечной,
Подъ сводомъ древнихъ липъ, гдѣ дружно сплелись
Темнозеленый плющъ и тополь блѣднолистый,
Гдѣ катится, журча, источникъ серебристый,
Вели связать вѣнковъ, принесть столѣтнихъ винъ,
И пей классически, на зло судьбамъ упрямымъ
И Вакха чествуя: ему тамъ будетъ храмомъ
Навѣсъ деревъ, а гимнъ—отзвучіе долинъ!

(1842).

Внимаю ль я порой словамъ любви,
Такъ искренно ліющимся изъ сердца,
Какой-то духъ мнѣ говоритъ: „Не вѣрь,
Не вѣрь,—во всемъ обманъ жестокій.
Ты придалъ самъ имъ милое значенье,
Вокругъ себя самъ разлилъ чудный блескъ,
Довѣрчивой душой и пылкимъ чувствомъ
Ты чувство далъ тому, въ чемъ нѣтъ его".—
Прочь, адскій духъ, оставь меня въ покоѣ,
Оставь мой сонъ; пройдетъ его волшебство,
И я, сказавъ: все въ мірѣ суета,
Его порой оплачу и скажу:
Какъ я любилъ разрушенный обманъ,
Горячихъ чувствъ волшебное безумье!..

(1842).

ТАЙНА.

Не вамъ, о, юные наперсники любви,
Не вамъ я укажу души моей царицу:
Смутятъ, сынъ праха, взоръ и помыслы твои
Селеній ангельскихъ младую голубицу.
Взгляните на все, вы, духи горъ, лѣсовъ,
Вы, нимфы легкія дубравы тихогласной, —
Но, чуръ! не повторять названія прекрасной
Ни хитрому ловцу, ни пастырю дубровъ,
Ни этой вѣтреной жилицѣ гротовъ темныхъ,
Измѣнницѣ всѣхъ словъ и скромныхъ, и нескромныхъ.

1842.

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Я зналъ тебя, когда любви
Твоя душа еще не знала,
И буря сердца не смущала
Сны безмятежные твои;
И грудь твоя, во дни и ночи,
Вздымалась мѣрной чередой,
И не увлаживались очи
Любви загадочной слезой.
А нынѣ?.. Быстрыми очами
Ты искры льешь, полна тревогъ,
И вдохновенными устами
Незримо движетъ нѣкій богъ.
Такъ, дрекнѣ, жрица Аполлона,
Дотолѣ имъ не призвана,
У мрачныхъ капищъ Геликона
Нѣма, спокойна, холодна.
Но онъ воззвалъ: она трепещетъ.
По жиламъ огнь бѣжитъ струей,
И вдохновенной красотой
Лицо божественное блещетъ;
Въ движеньяхъ косы по плечамъ;
Рѣчетъ—дрожатъ пещеры своды,
И внемлютъ съ ужасомъ народы
Ея пророческимъ рѣчамъ.

(1842).

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВНѢ МАЙКОВОЙ.

Люблю я цѣлый день провесть межъ горъ и скалъ...
Не думай, чтобы я въ то время размышлялъ
О благости небесъ, величіи природы,
И, подъ гармонію ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющія воды
Лѣсного озера и верхи соснъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безсмысленно гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ...

Но послѣ, далеко отъ милыхъ сихъ явленій,
Въ ночи, я чувствую, передо мной встаютъ
Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальныхъ горъ ступени,
И озеро... Тогда я слышу, какъ кипитъ
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли...

1842.

ЧУДНЫЙ ВѢКЪ.

Былъ чудный вѣкъ, но вѣкъ сей золотымъ
Не нарекли потомки въ ослѣпленьи,
Хотя ему хвалы и славы дымъ
Они кадятъ въ нѣмомъ благоговѣньи,
Хотя и ихъ сіяніемъ своимъ
Объемлетъ онъ, какъ ангелъ вдохновенья.
Въ тотъ вѣкъ, въ его горнилѣ закаленъ,
Былъ новый міръ изъ пепла возрожденъ.

Тотъ чудный вѣкъ не Греціи блаженной
Ниспосланъ былъ Юпитеромъ съ небесъ:
Онъ возсіялъ въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь блатъ и тундръ; въ той храминѣ священной,
Гдѣ льды горятъ, какъ въ храминѣ чудесъ,
При заревѣ и пламенномъ блистаньи
На сѣверѣ кроваваго сіянья.

Не пастыремъ скитался человѣкъ:

Онъ злато пивъ въ степяхъ разлилъ волнами;
Не бѣдный челнъ скользилъ по лону рѣкъ:
Котломъ мори вскипали подъ судами,
И Беринга могучій руль разсѣкъ
Ледяную грань между двумя мірами,
И царство вдругъ возстало, дрогнулъ врагъ,
И загулялъ въ моряхъ нашъ бѣлый флагъ.

Въ тѣни дубовъ коломенскихъ, смиренно
Возросъ небесъ помазанникъ младой.
Тамъ изучалъ, въ тиши уединенной,
Всѣ язвы онъ страны своей родной,
И, прадѣдовъ ошибкой наученный,
Онъ скипетръ пріялъ, какъ Бога жезлъ святой,
Небесъ мечомъ перепоясалъ чресла,
Воззвалъ... и Русь изъ бездны тьмы воскресла!

И самъ вѣнецъ онъ слилъ ей на главу;
Сардамскій млатъ скрѣпилъ ея основы
И выковалъ ей мечъ и булаву;
Петра топоръ громовый сбилъ оковы
Съ широкихъ вратъ въ Европу; а въ Неву
Пріялъ гостей младенецъ-городъ новый...
Былъ чудный вѣкъ, но золотымъ сей вѣкъ
Потомковъ гласъ въ смущеньи не нарекъ.

(1842).

Туда, гдѣ море спитъ у скалъ пирамидальныхъ,
Въ священной дикости лѣсовъ патріархальныхъ,
Въ пустынной глубинѣ таинственныхъ дубровъ,
Сокрой святую скорбь, питомецъ злополучья!
На торжищѣ суетъ, при оргіяхъ пировъ,
Ты не найдешь душѣ своей созвучья.
Но тамъ, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ вкругъ запечатлѣнъ
Еще Господень перстъ въ гармоніи созданья,
Падп на грудь скалы, ей вѣрь свои страданья
И, голову склоня у царственныхъ колѣнъ,
Повѣдай тайну ей. Ни пѣнистыя волны,
Ни темный сводъ деревъ ее не разнесетъ:
Она ее навѣкъ въ груди своей запретъ...
Ея участіе глубоко и безмолвно!

(1841).

ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ *).

„Невольницы мои младыя!
Курите чистый ѳиміамъ,
Развѣсьте ткани шелковыя,
Разсыпьте по цвѣтнымъ коврамъ
Гирлянды розановъ душистыхъ
И померанцовыхъ цвѣтовъ,
И, выжавъ брызги водъ струистыхъ
Изъ золотыхъ моихъ власовъ,
Ихъ благовоньемъ умастите,
И, діадимой осѣнивъ,
На грудь высокую пустите
Змѣистыхъ локоновъ разливъ.
Пусть изумрудъ и жемчугъ млечный
По шеѣ цѣпью упадетъ,
Порфира алая безпечно
Тунику бѣлую повьетъ.
На тріумфальной колесницѣ
Златовѣнчанною царицей
Я вниду въ семихолмный Римъ.
Пусть, преклоненъ къ стопамъ моимъ,
Тогда народъ его упрямый
Меня богиней наречетъ
И рабски мнѣ изъ рода въ родъ
Жжетъ ѳиміамъ и зиждетъ храмы!
Чья грудь такъ гордо, высоко
Вздымаетъ волны сиѣговыя?
Чьи гуще косы золотыя?
И чьи ланиты такъ легко
Сіяютъ заревомъ денницы?..
Гдѣ мнѣ соперницы, о, Римъ?
Не вы ли, съ блескомъ подкупнымъ,
Продажныя порока жрицы?..
Предъ строгой гордостью моей,
Предъ блескомъ нравственной осанки,
Замретъ невольно ядъ рѣчей
И взоръ неистовой вакханки.
Сразитъ ли онъ, сей взоръ нѣмой,
Молніеметательныя очи?..

*) Между археологами и художниками существуетъ повѣрье, что статуя, извѣстная подъ названіемъ «Венеры Медицейской», есть изображеніе одной римской императрицы.

Прочь, прочь! Вы блѣдны предо мной,
Какъ блѣдны звѣзды синей ночи
Передъ денницей молодой!
Я въ Римъ явлюсь, какъ къ рощамъ Книда
Являлась пышная Киприда
На колесницѣ золотой,
Влекомой плавно лебедями,
И жертвъ веселыми огнями
Горѣлъ алтарь ея святой".
Такъ говорила молодая
Царица Рима, покидая
Купальни мраморной струи,
Волнами легкой кисеи
Роскошно члены обвивая,
И, сладкимъ трепетомъ полна,
Въ ковры кидалася она.
И вотъ красавицы надменной
Мечты сбылись: перенесло
Волшебство мысли вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды,
И стройный станъ, и снѣгъ грудей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!
Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ;
Взнесенный къ небу мраморъ гордый
Перунъ завистливый сразилъ;
Миѳологическіе боги
Забыли пышный Пантеонъ,
И бродитъ нищій, тать убогій,
Въ пыли дорическихъ колоннъ.
Какъ трупъ, какъ остовъ молчаливый,
Лежатъ въ пескахъ златыя Ѳивы:
Тамъ блещетъ змѣй, иль бѣглый рабъ,
Степной скрывается арабъ...
Но вы, обломки величавы,
Которымъ геній чистоты
Лучами вѣчной красоты
Одѣялъ мраморныя главы!
Какъ завѣщаніе вѣковъ,
Вы сохранились средь гробовъ.
Не жертвы кровь, не блѣдный пламень,

Не виміама легкій дымъ
Объемлетъ жертвенный вашъ камень:
Нѣтъ, блещетъ даромъ онъ инымъ!
На немъ сіяетъ вдохновенье,
Восторгъ, какъ виміамъ, горитъ,
И, чуя бога, въ умиленьи
Душа трепещетъ и кипитъ.
(1842).

РАДОСТЬ.

Долго ль радости сіянье
Озаряетъ темный міръ?..
Други! Сядемъ ли за пиръ,
Сотворивши возліянья
Винъ на жертвенникъ боговъ
По начаткамъ отъ плодовъ;
Пышно чаши золотыя
Темнымъ миртомъ обовьемъ;
Осѣнимъ чело вѣнкомъ
Алыхъ розъ; струи живыя
Кипра пѣной осеребримъ;
Храмъ веселья ярымъ воскомъ
Озаримъ, и огласимъ
Пирныхъ пѣсенъ отголоскомъ:
Что жъ?.. Еще горятъ огнемъ
Розы свѣжія Пестума,
А, какъ воронъ черный, дума
Тѣнью вьется надъ челомъ!
(1842).

ИЗМѢНА.

Алой розою играя,
Быстро Цинтія младая
Покидала небеса.
„Подожди, богиня тѣни,
Оставлять восточны сѣни,
Тьмить долины и лѣса.
Въ часъ, какъ Гесперъ засеребрится
И въ густые тростники
Бѣлый лебедь удалится,
И вечерній лучъ, съ рѣки,

Плеща крыльями, окликнетъ,—
Подъ скалою въ этотъ гротъ
Нимфа рѣзвая прійдетъ
И къ груди моей приникнетъ...
Но ужъ гаснетъ синій сводъ,
Спитъ тростникъ въ поморьѣ дикомъ,
Гесперъ свѣтитъ, рощи спятъ,
Бѣлый лебедь томнымъ кликомъ
Ужъ привѣтствовалъ закатъ...
Подожди, богиня тѣни,
Покидать восточны сѣни,
Росы долу разсыпать,
Горы мракомъ устилать!"
Я молилъ; но въ тверди чистой
Вѣя мантіей звѣздистой,
Съ синимъ факеломъ въ рукахъ,
Ночи мирная царица
Мнѣ явилась въ небесахъ:
Быстры кони, колесница
Черной тканью обвиты;
Сонмы блѣдныхъ привидѣній,
Грёзы, призраки и тѣни
Вкругъ вились средь темноты;
Въ кудри дѣвы макъ росистый,
Зыбкій колосъ вплетены
И звѣздой серебролучистой,
Какъ вѣнцомъ, озарены.
И небесная съ любовью
Улыбалась мнѣ въ тиши,
И бросала къ изголовью
Маки пестрые свои...
„О, помедли въ быстромъ бѣгѣ,
Дщерь небесъ, не улетай!
И лобзаньемъ тихой нѣги
Ты лобзай меня, лобзай!"
Я молился, но сіяла
Ужъ Аврора въ небесахъ,
Солнце пышно восплывало
Утра въ розовыхъ лучахъ.

(1842).

ДОРИДѢ.

Дорида милая, къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный гибкій станъ и перси наливныя?..
Нѣтъ, милая! Оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ту розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! Какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

(1842).

МАГДАЛИНА.

Посмотри: прикрывъ власами
И косматой кожей льва
Станъ свой, въ гротѣ, межъ скалами,
Дѣва, Блѣдная глава
Оперлась въ изнеможеньи
Грустно на руку; въ другой—
Сей символъ уничтоженья,
Бѣлый черепъ гробовой.
Злато, пышныя одежды
Топчетъ съ гордостью нога,
Очи подняты съ надеждой
Ко кресту изъ тростника.

(1842).

СЛАВА.

Какой таинственною силой
Влечешь насъ, дивная, къ себѣ?
Старикъ надъ бездною могилы
Еще мечтаетъ о тебѣ;
Тебя безумно юность ловитъ,
Подъявъ Алкидовы труды,
Тебѣ на жертвенникъ готовитъ
Ихъ многоцѣнные плоды.
Ирисы лентой лучезарной
Предъ ней ты стелешь жизни путь...
Сирена пышная! Коварной
Твоя любовью дышитъ грудь!
Сіяя въ ризахъ триумфальныхъ,
Въ коронѣ звѣздъ и пальмъ вѣнчальныхъ
Ты передъ жадною толпой
Поешь, прельстительница, пляшешь,
Зеленымъ лавромъ гордо машешь
И ослѣпленныхъ манишь рой
Къ тобой воздвигнутому храму:
Но горе тѣмъ, кто за тобой
Идетъ къ вѣнцу и онміаму
Злачеными тропіевъ тропой!
Такъ змѣй, на солнцѣ грѣясь, блещетъ
Сребромъ и златомъ чешуи;
Свиваясь кольцами, трепещетъ,
Какъ влаги свѣтлыя струи.
Но не ходи, о, путникъ дальный,
Къ его броней сизокристальной,
Къ его блистательнымъ красамъ:
Тебя приманитъ онъ, а тамъ
Столпомъ подымется, съ размаху
Клубами обовьетъ тебя,
И, жало въ сердцѣ утопя,
Съ тобой покатится по праху.

(1842).

ПѢВЦУ.

Когда поноситъ чернь хулою
Тебя, божественный пѣвецъ,
И святотатственной рукою
Съ главы срываетъ твой вѣнецъ,

Еще ты можешь сладкимъ мукамъ
Ожесточенныхъ грудь открыть,
Священной арфы яркимъ звукомъ
Подъятую длань окаменить,
И, разволнованы и сжаты,
Сердца почуютъ твой напѣвъ,
И, укрощенъ, приляжетъ левъ
Къ твоимъ стопамъ главой косматой.

Но если, буйные, они
Глагола мира и любви,
Какъ гробы хладные, не слышатъ:
Когда, подъ гимнъ молебный твой,
Какъ предъ архангельской трубой,
Они коварной злобой дышатъ:
Въ послѣдній разъ ты обойми
Златую арфу со слезами
И струны нѣжныя перстами
Со звонкимъ грохотомъ порви!

(1842).

КОНЕЦЪ МІРА.

Пируй въ огнѣ и вихряхъ,
Порокъ, вѣнчайся на землѣ!
Витійствуй въ дерзостной хулѣ
Богопротивными устами!
Свой тронъ златой воздвигнулъ ты
Въ обломкахъ падшія святыни:
Въ чаду убійства и гордыни,
До этой грозной высоты
Тебѣ ступени были—трупы!
И ты воспѣлъ, какъ нѣкій богъ,
На святотатственный чертогъ,
Попралъ ливанскихъ кедровъ купы;
Къ твоимъ стопамъ повергъ Офиръ
Трудами купленное злато,
Янтарь и пурпуръ гордый Тиръ,
Питомецъ степи и булата
Стада кипучихъ кобылицъ.
Какъ остовъ тлѣющій гробницъ,
Ты отвратительность порочу
Одѣлъ въ виссонъ и ткань златую,
И жертва буйства твоего

Обрызганъ кровью, стонетъ правый...
Но небо зритъ твой пиръ лукавый
И язвы тяжкія его:
И прійдетъ мигъ—міры вселенной
Вдругъ остановятся въ пути;
Соборъ творенія мгновенно
Отчетъ великій принести
Предъ ликъ божественный предстанетъ...
О! неожиданно тогда,
Свѣтло, торжественно настанетъ
Святой и грозный часъ суда!
Творецъ речетъ, громоподобно
Архангелъ брани возгремитъ,
Труба усопшихъ пробудитъ,
И камень ринется надгробный,
И червь отпрянетъ отъ костей,
И кости вновь соединятся
И вновь изъ праха облачатся
Земною ризою своей...
Блаженъ, подъ знаменемъ любови
Чья ярко блещетъ правота,
Чья риза бѣлая чиста
Отъ жгучихъ пятенъ братней крови!

(1842).

МЫСЛЬ.

Все божество являетъ въ ней,
Въ ея торжественности стройной,
Въ улыбкѣ устъ, въ игрѣ очей
И въ этой гордости спокойной.
Она слетитъ: какъ серафимъ,
Наполнитъ блескомъ все святымъ.
Люблю смотрѣть ей въ ясны очи,
Какъ въ глубь небесъ бездонныхъ ночи,
И видѣть въ нихъ, какъ огнь порой
Въ душѣ горитъ и гаснетъ чистой—
То брезжетъ тихою звѣздой,
То брызжетъ молніей огнистой.

(1842)

ЗАРЯ.

Замолкъ и рогъ и топотъ стадъ;
Скирды на пажити стоятъ;
Дымясь, отъ зелени росистой
Курится тихій испаръ
И съ рощи, пылью серебристой,
По синимъ вѣется небесамъ;
А небо облито волнами
Вечернихъ пурпурныхъ лучей,
Скользящихъ ввысь межъ облаками
И отраженныхъ зеркалами
Безмолвно дремлющихъ зыбей.
Спѣшитъ все къ нѣгѣ благодатной
Подъ кровомъ мирной темноты...
Чего жъ ты медлишь, лучъ закатный?
Зачѣмъ же вдругъ не гаснешь ты?
Иль подъ шатромъ листовъ росистыхъ
Ты не дослушалъ до конца
Напѣвовъ звонко-серебристыхъ
Лѣсовъ пустынныхъ пѣвца?
Порою такъ краса младая,
Шнуровку тѣсную скидая
И косу распустивъ на грудь,
Готовясь пышно утонуть
Въ пуху дѣвической постели,
Вдругъ внемлетъ—съ шопотомъ синели
И розы, арфы тихій звонъ
Въ окно зефиромъ занесенъ.
„Не онъ ли!..“ И рука нѣмѣетъ
Передъ застежкой золотой,
И сонный взоръ ея свѣтлѣетъ,
Утаенъ вздохъ, забытъ покой.
(1842).

ДВА МОРЯ.

Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли
Два моря есть—разрозненные братья:
Одно полно божественной любви,
А на другомъ лежитъ клеймо проклятья.
Одно легло игривою волной,
Подъ сѣнью пальмъ, на берегъ утучненный,
И города, какъ перлы многоцѣнны,

Оно вплело въ вѣнецъ свой голубой,
Покрытыя лазурными снѣгами,
А по пятамъ увитыя кругомъ
Богатыхъ лозъ янтарными кистями,
Глядятся горъ ледяныя цѣпи въ немъ,
Подъ кровомъ ихъ манящіе грады
По яхонту полуденныхъ зыбей
Другъ къ другу шлютъ вѣтрила кораблей,
Какъ лебедей бѣлѣющее стадо.
И зелены сады густые ихъ;
Какъ жаръ горятъ ихъ мраморныя кровли;
И зыблется въ заливахъ голубыхъ
Игривый флагъ дѣятельной торговли.
Какъ нѣженъ звукъ гитаръ и мандолинъ
Въ тѣни оливъ и темной сикоморы!
И теплыхъ волнъ какъ сладкозвучны хоры
По берегамъ у дремлющихъ руинъ!
Одинъ звучатъ аккордами Россини,
Тѣ вторятъ клики алжирскихъ удальцовъ,
А тамъ онѣ, своею цѣпью синей,
Журчатъ вокругъ эллинскихъ городовъ.
И, мнится, тамъ, вокругъ пустынныхъ мысовъ,
Въ развалинахъ, подъ тѣнью кипарисовъ,
Хоръ нереидъ при мѣсячныхъ лучахъ
Родныхъ руинъ оплакиваетъ прахъ—
Сей дивный край, жемчужину природы,
Блестящій перлъ на поясѣ земли...
И съ ропотомъ полуденныя воды
Ихъ скорбный плачъ далеко разнесли.

Но есть вдали другое море. Дико
Стоитъ оно на рытвинѣ великой;
Оно горитъ какъ сизое стекло
Межъ голыхъ скалъ, среди пустыни спящей,
Недвижимо, лазурно и блестяще,
Проклятіемъ навѣкъ заклеймено!
По немъ, воздѣвъ шеломъ среброкосматый,
Станица волнъ не ратуетъ вокѣкъ;
И не снѣжитъ асфальтовые скаты,
И не клеймитъ жемчужной пѣной брегъ.
Не рѣзалъ руль воды его лѣнивой,
Орелъ къ нему съ небесъ не ниспадалъ,
И съ ревомъ левъ своей златистой гривы
Въ его водахъ зловонныхъ не купалъ.

(1842).

ВИДѢНІЕ.

Прійди, товарищъ думъ, мой стихъ благоуханный!
И вижу нѣкій блескъ чудесно разлінянный;
Прійди... Ты видишь ли въ сіяньи семъ кумиръ
Какъ будто мраморный? Ты слышишь горнихъ лиръ
Невѣдомые намъ магическіе звуки?
Глядись, какъ движутся уста и грудь, и руки,
И кровь вдругъ мраморны ланиты обожгла?
Повязка падаетъ... Съ лилейнаго чела
На плечи хлынули віющіяся волны
Каштановыхъ кудрей... Глаза движенья полны...
Колебля тихо свой холодный пьедесталъ,
Статуя сходитъ внизъ. Я руки простиралъ
Къ нему: но все блѣднѣй, блѣднѣе призракъ странный...
Рисуй его, рисуй, мой стихъ благоуханный!..

(1842)

ПЕРЕРОЖДЕНІЕ.

Немного надобно, чтобъ миръ во мнѣ вселить,
Судьбу и жизнь мою веселымъ озарить!
Давно ли я глядѣлъ съ печалью и тоскою
На свой убогій кровъ?.. Забыта на стѣнѣ
Висѣла арфа; сводъ деревъ, любимыхъ мною,
Мечтанья сладкаго ужъ не будилъ во мнѣ;
Меня пугаяся, наяды мнѣ не пѣли
Въ водахъ источника; и листьями деревъ
Внезапно надо мной дріады не шумѣли,
И въ гроты не манилъ ихъ нимфъ незримыхъ зовъ.
Все было чуждо мнѣ: и алый блескъ аврора
И тайный полумракъ іюльскихъ вечеровъ...
Теперь опять не то: опять лѣса и горы
Проснулися; звучитъ свободно пѣснь моя;
Опять населена природа существами
Знакомыми; опять веду бесѣду я
Съ скалами черными и темными дѣсами,
И имъ передаю, безпеченъ какъ дитя,
Стиховъ таинственныхъ волшебные напѣвы
Про взоры томные явившейся мнѣ дѣвы.

(1842).

МИНУТНАЯ МЫСЛЬ.

Когда всеобщая настанетъ тишина
И въ куполѣ небесъ затеплится луна,
Кидая блѣдный свѣтъ на портики нѣмые,
На дремлющій гранитъ и воды голубыя,
И мачты черныя недвижныхъ кораблей, —
Какъ я завидую, зачѣмъ въ душѣ моей
Не та же тишина, не тотъ же міръ священный,
Какъ въ лунномъ сумракѣ спокойствіе вселенной.

(1843).

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Тебѣ пятнадцать лѣтъ. Я вѣрю, ты — ребенокъ.
Румянецъ на щекахъ; твой смѣхъ, твой голосъ — звонокъ
Но, знай, мой другъ, близка, близка пора любви!
Все говоритъ о ней,—и тайное желанье,
И очи влажныя, и въ дымѣ кисеи
Полуразвитыхъ формъ живое очертанье.

(1842).

ИСПЫТАНІЕ.

Я помню этотъ мигъ... При шумѣ водопада,
Подъ сѣнью миртовой полуденнаго сада,
Я съ милой дѣвою наединѣ сидѣлъ.
Я тихо въ очи ей лазурныя глядѣлъ
И слушалъ дѣтскія ея мечты, признанье,
Младенческой души святое изліянье.
И нѣжность чувствъ ея, порывовъ чистота,
И пылкость страстныхъ словъ, могущество стыда,
Въ которомъ ей была ограда отъ позора,
Надежды ясныя, покой души глубокій,
Довѣрчивость, съ какой она вѣрила мнѣ
Невинность, дивныя красы наединѣ,—
Смиряя бѣшенство любви моей кипучей,
Меня тревожили... Томимый жаждой жгучей,
Въ волненьи я главой на грудь ея упалъ;
Я не рыдалъ собой и горько зарыдалъ.
О чемъ? Сказать не смѣлъ предъ дѣвой я прекрасной...
Я плакалъ, что не могъ, подобно ей, такъ ясно
Глядѣть на міръ и жизнь, что чувство у меня

Уже такъ замерло: что прежде назвалъ я
Сочувствіе двухъ душъ несбыточной мечтою,
Игрушкой слабости пустой и смѣшною;
Что для меня тяжка въ сей мигъ наединѣ
Довѣрчивость, съ какой она ввѣряла мнѣ
Всю будущность свою, свои красы младыя,
Уста и гибкій станъ, и кудри золотыя...

(1844).

ДИКАРКА.

Дитя свободныхъ горъ и дѣвственныхъ долинъ,
Ты, рощей пальмовыхъ младая голубица,
Глухого острова пустынная царица!
Какъ чудно увилать для бѣгуна пучинъ
Тебя, пустыни перлъ, цвѣтокъ скалы гранитной,
Прекрасное дитя природы первобытной!
Не ты ли образъ тотъ, въ которомъ рождена
Первосозданная отъ Господа жена.
Тщеславья чуждая, не знающая силы
Ни огненныхъ очей, ни устъ улыбки милой?
Такой являлась мнѣ она: ея красы
Одѣты въ пышный шелкъ распущенной косы;
Ни лилій нѣтъ, ни розъ, ни перловой повязки;
Въ очахъ лучъ разума; въ лантахъ нѣги краски
И непритворнаго невинности слѣда;
Улыбкою любви оживлены уста,
Неизвѣдомый огонь ей тихо перси движетъ;
Ей птицы гимнъ поютъ, а тигръ ей ноги лижетъ,
И пусто все вокругъ, какъ дикій островъ твой,
И властвуетъ она, какъ ты надъ сей скалой,
Надъ сей природою и дѣвственной, и дикой...
Но что?—У грота ты срываешь лилики,
Ліану съ розами, сплетаешь ихъ въ вѣнокъ—
Вѣнчаешься; жемчугъ нанизши ожерельемъ,
Ты смотришься въ ручьѣ съ младенческимъ весельемъ,
Подымешь, оторвешь въ цвѣтѣ своемъ листокъ,
Откинешь на плечо искусно локонъ гибкій,
Глядишь, какъ предъ тобой блѣднѣютъ чаши розъ,
И гордо чувствуешь весь блескъ своей улыбки,
Могущество очей, богатство длинныхъ косъ...

(1845).

Полно притворяться,
Юноша счастливый!
Повинись, признайся:
Что ты такъ встревоженъ
И хитришь неловко?
Я попалъ некстати?
Видѣлъ я, мелькнуло
Бѣленькое платье
Посреди деревьевъ;
Изъ сада да къ дому
Убѣжала Нина,
По цвѣтамъ ступая,
Порти и ломая
Милыя ей розы,
Макъ и гіацинты...
Знаешь ли ты, вѣтеръ
Вьется вокругъ розы,
Вдругъ, какъ бы спугнулъ кто,
Отъ нея умчится,
Все еще исполненъ
Запахомъ чудеснымъ
Благовонной розы:
Что же ты стыдишься?
Очи блещутъ нѣгой,
На душѣ такъ ясно,
Голова весеннимъ
Счастіемъ сіяетъ —
Не бывалъ ты лучше!
Годы страсть уносятъ,—
И, повѣрь, успѣешь
Ты еще быть старцемъ...
А ужъ что за юность
Безъ любви и счастья!
(1853).

ВСТРѢЧА.

Случается порой, въ весенній ясный день,
Когда къ намъ вѣтерки съ полудня прилетаютъ,
Съ крышъ капли быстрыя какъ золото мелькаютъ,
И на душѣ твоей томленье, сонъ и лѣнь;
И смотришь, какъ народъ идетъ толпой шумящей,

Какъ вздулось синее стекло замерзшихъ рѣкъ,
Какъ скачутъ вѣроны, коня рыхлый снѣгъ...
Вдругъ посреди толпы, какъ метеоръ блестящій,
Идетъ красавица... внезапно предъ тобой
Какъ будто бы пахнетъ цвѣтами и весной,
И словно обожжетъ тебя, какъ гордо взглянетъ
Въ лицо тебѣ, и ждетъ, что ты потупишь взоръ
И, какъ царицѣ, дашь стопамъ ея просторъ:
О, какъ тутъ хорошо и вмѣстѣ стыдно станетъ!
Вся жизнь въ груди въ тотъ мигъ воспрянетъ ото сна,
И знать хотѣлось бы, что думаетъ она —
Межъ тѣмъ, какъ ослѣпленъ, потерянъ и встревоженъ,
Ты кажешься такъ малъ, незначащъ и ничтоженъ...
Стоишь какъ вкопанный, а взоръ за ней слѣдитъ
Въ толпѣ, во множествѣ мелькающихъ нарядовъ,
И все въ душѣ твоей какъ струнный гулъ дрожитъ
Подъ электричествомъ двухъ встрѣтившихся взглядовъ...
Вотъ такъ рождается и мысль твоя, поэтъ,
Какъ образъ пламенный, какъ мимолетный свѣтъ.
И только силишься, при трепетѣ блаженства,
Запомнить рѣзкихъ чертъ красу и совершенство,
Покуда не прошла та творческая дрожь
И душу не объялъ художническій холодъ:
Прочь, зодчій! Планъ готовъ, размѣренъ и хорошъ,
И плотничать иди пила, топоръ и молотъ!

(1854)

II.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

САФО.

I.

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила
И лиру миртовъ убрала?..
Такъ! Мнѣ оракулъ Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу мукъ:
Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи, какой умѣла властью?
Ничто, ни мысль ни чувство, въ ней
Границъ холодныхъ не преступитъ;
Она безсмысленныхъ очей
Не озаритъ огнемъ страстей
И вдругъ стыдливо не потупитъ;
Но можетъ локономъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ какъ бы случайно
Широко ризы разметать.

1841.

II.

Звѣзда божественной Киприды!
Люблю я ранній твой восходъ,
Въ часы, какъ ночь своей хламидой
Востокъ туманный обовьетъ.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотитъ.
Гдѣ Вакхъ, въ вѣнцѣ изъ винограда
И тигра кожею покрытъ,
Съ кипящей чашей предсѣдаетъ.
Ты миръ вселяешь средь дубровъ,

Гдѣ нимфа робко пробѣгаетъ,
За ней влюбленный богъ лѣсовъ.
Твой лучъ дрожащій вызываетъ
Гимнъ Филомелы надъ ручьемъ.
Милѣй въ сіяніи твоемъ
Любви мечтательность и нѣжность,
И взоромъ отраженный взоръ,
Одежды легкая небрежность
И полускромный разговоръ.

1841.

АНАКРЕОНЪ.

Пусть гордится старый дѣдъ
Внуковъ рѣзвою семьею,
Витязь — плѣнниковъ толпою
И трофеями побѣдъ;
Красота морей зыбучихъ —
Паруса судовъ летучихъ;
Честь народовъ — мудрый кругъ
Патріарховъ въ блескѣ власти;
Для меня жъ милѣй, мой другъ,
Въ пору бури и ненастій,
Въ теплой хижинѣ очагъ,
Пня дубоваго отрубокъ
Да въ рукахъ тяжелый кубокъ,
Въ кубкѣ хмель и хмель въ рѣчахъ.

1843.

ПРОПЕРЦІЙ.

I.

Тулу.

Ты счастливъ, Тулъ, сиди безмолвно
Подъ сельскимъ портикомъ своимъ
За чашей греческою, полной
Лесбійскимъ сокомъ золотымъ.
Ты взоромъ слѣдишь спокойно
За бѣгомъ дождя по рѣкѣ,
Ловцовъ внимая пѣснѣ стройной,
Ловя ихъ парусъ вдалекѣ,
Или любуясь важнымъ ходомъ

Влекомыхъ вервіями судовъ,
И на привѣтствія пловцовъ
Главой киваешь мимоходомъ.
Но, другъ мой, Пафоса жрецу,
Мнѣ не вкусить тѣхъ наслажденій!
Зато, когда на ложѣ лѣни,
Склонясь ко мнѣ, лицомъ къ лицу,
Задремлетъ Цинтія; когда я
Въ ея запутаю власахъ
Свои персты, въ тиши внимая
Сквозь сонный лепетъ на устахъ,
И ей любуясь: что Пактолы
Златая розсыпь для меня,
Всемірный скипетръ, вѣнецъ тяжелый
И бармы пышныя царя!

1841.

II.

Цинтіи.

О, Цинтія! Вдали отъ друга своего,
Когда взираешь ты на волны голубыя,
Обнявшія брега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мнѣ ль летятъ твои игривыя мечтанья?
Меня ли ищетъ взоръ на этихъ челнокахъ,
Мелькающихъ вдали на бѣлыхъ парусахъ?
Все та же ль ты, какъ въ часъ послѣдняго свиданья?
Быть-можетъ... страшная мечта!.. передъ тобой
Иной на гимнъ любви киоары строй наладилъ...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Онъ имя Цинтіи въ стихахъ моихъ изгладилъ...
Быть-можетъ, на брегу зелено-теплыхъ водъ,
Подъ тѣнью маслины, густымъ плющомъ увитой,
Довѣрчиво ему внимаешь ты—и вотъ,
Моя любовь и я, тобою все забыто!..
Прочь! Прочь, коварный сонъ! Разсѣйся ты, какъ дымъ!
Иль лучше ты яви мнѣ Цинтію младую,
Какъ бродитъ, грустная, надъ озеромъ лѣснымъ,
И, въ легкомъ челнокѣ, равнину водяную
Бразда весломъ, собой любуется въ водахъ,
Теряя розаны въ взволнованныхъ струяхъ;
Иль въ полдень у ручья, за рощею зеленой,

Одежды сбросивши на бархатъ луговой,
Спускается въ ручей робѣющей ногой,
Невольнымъ визгомъ вдругъ долину оглашаетъ,
И, воды расплеснувъ, какъ лебедь выплываетъ.

1841.

ГОРАЦІЙ.

I.

Скажи мнѣ: чей челнокъ къ скалѣ сей приплываетъ?
Кто этотъ юноша, въ вѣнкѣ изъ алыхъ розъ,
Укрывъ свой челнъ въ кустахъ, взбѣгаетъ на утесъ
И въ гротѣ на скалѣ тебя онъ обнимаетъ?..
Какъ счастливъ онъ!.. Любовь въ очахъ его горитъ!..
Но онъ, неопытный, не знаетъ, какъ невѣрно
То море! Какъ оно обманчиво блеститъ,
Подобно женщинѣ, темно и лицемѣрно!
Твоя златая рѣчь—крыло его ладьи.
Онъ думаетъ найти любовь и наслажденье,
Но, Боже мой! онъ бурь не слышитъ приближенья,
Свирѣпыхъ моря бурь и страшныхъ бурь любви!
Но мнѣ ужъ стихъ грозъ не страшно дуновенье:
Я вышелъ на берегъ, во храмъ, богамъ своимъ
Гирлянды возложилъ на жертвенникъ спасенья
И ризы влажныя развѣсилъ передъ нимъ.

1841.

II.

Легче лани юной ты
Убѣгаешь предо мною.
Залепечутъ ли листы,
Вѣтерокъ ли надъ водою
Пробѣжитъ, или въ кустахъ
Слышенъ ящерицы шорохъ—
Ужъ ее объемлетъ страхъ,
Гнутся ноги, огнь во взорахъ.
Но я жду, что на бѣгу
Ты оглянешься къ врагу,
И замедлишь шагъ и рядомъ
Вдругъ очутишься со мной,
Страхъ забывъ, потупясь взглядомъ,
Мнѣ внимая всей душой!

1841.

МАРЦІАЛЪ.

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старости поздней,
Друга себѣ не ищи и ничьимъ не зови себя другомъ:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842.

ОВИДІЙ.

Посланіе съ Понта.

Здорово, добрый другъ! Здорово, консулъ новый!
Я знаю,—въ пурпурѣ, и съ консульскимъ жезломъ,
И въ сонмѣ ликторовъ, покинулъ ты свой домъ,
И въ храмъ Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить предъ алтаремъ дымящуюся кровь...
Увѣренъ, что купилъ народную любовь,
Взираешь ты, какъ чернь бросается толпами
На жареныхъ быковъ съ злачеными рогами...
Но, если вдругъ тебѣ твой рабъ письмо вручитъ,
Начертанное здѣсь изгнанника рукою,—
Какъ встрѣтишь ты его? Чѣмъ взоръ твой заблеститъ?
Кивнешь ли вѣстнику привѣтно головою,
Иль кивнешь гнѣвный взоръ дрожащему рабу?
Что бъ ни было! Ты все стоишь передо мною
Какъ прежній добрый другъ... и я кляну судьбу,
Стократъ ее кляну, что разлученъ съ тобою,
Что нѣтъ на торжествѣ твоемъ моихъ даровъ,
Что мнѣ не суждено съ сверкающимъ фалерномъ
Подняться со скамьи и голосомъ невѣрнымъ —
Отъ чувства полноты—прочесть тебѣ стиховъ!
Увы! мнѣ самый стихъ латинскій измѣняетъ!
Ужъ мысль моя двойной одеждой щеголяетъ...
Уже Авзоніи блестящіе цвѣты
Блѣднѣютъ предо мной, а мирная долина,
Пустынные брега шумящаго Эвксина
Да быта скиескаго суровыя черты
Мнѣ кажутся вѣнцомъ высокой красоты!..
А нѣсни дикарей!.. Межъ скиѳовъ, въ ихъ пустынѣ,
Я самъ сталъ полу-скиѳъ. Повѣришь ли, я нынѣ
Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!
Я пріучилъ его къ себѣ, какъ звѣря. Имъ
Я властвую: въ ярмо онъ выю преклоняетъ,

Я правлю, и на Пиндъ какъ вихорь онъ взлетаетъ...
Пойми меня, мой другъ! Пойми: мой грубый стихъ
Не втунѣ ужъ звучитъ среди пустынь пагихъ,
А принятъ, повторенъ и понятъ человѣкомъ!
И скиѳы дикіе, подобно древнимъ грекамъ,
Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!
Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ;
Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима
И все, съ чѣмъ мысль моя вовѣкъ неразлучима...
О дивномъ Августѣ звучала пѣснь моя...
Я пѣлъ Германика, имъ Друза славилъ я:
Я пѣлъ, какъ, побѣдивъ Батавовъ и Тевтоновъ,
Они вступали въ Римъ, и плѣнные цари,
Окованные, шли средь рижскихъ легіоновъ,
И сыпались цвѣты, дымились алтари,
И Августъ ихъ встрѣчалъ, подобный полубогу,
И слезы лилъ тайкомъ на праздничную тогу...
Еще не кончилъ я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, въ восторгѣ повторяли:
„Ты славишь Августа — зачѣмъ же ты не съ нимъ?"
То скиѳы говорятъ, — а вотъ семь лѣтъ ужъ нынѣ,
Какъ, всѣми позабытъ, томлюся я въ пустынѣ...

1842.

ЭПИКУРЕЙСКІЯ ПѢСНИ *).

I.

Мирта Киприды мнѣ дай!
Что мнѣ гирлянды цвѣтныя?
Миртомъ любви увѣнчай,
Юноша, кудри златыя!
Мирта зеленой лозой,
Старцу, вѣнчавшись, отрадно
Пить подъ бесѣдкой густой,
Крытой лозой виноградной.

1840.

---

*) Эти три стихотворенія, которыя я назвалъ «Эпикурейскими пѣснями», назначались въ поэму «Три Смерти», какъ бы сочиненіе Лукана; но одно за другимъ забраковывались. *Примѣчаніе автора.*

II.

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Лемминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ богатствахъ вертограда —
Угоднѣе богамъ!
Настанетъ часъ — вокзримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ! На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ и онъ любилъ,
И богу гроздій онъ служилъ...
О, други! Сыпьте розъ Горація сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ—этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ
Во дни, когда киоара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

1840.

III.

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтунья,
Жизнь, душа моихъ пировъ,
Ты, мой маленькій философъ,
Пристыжаешь мудрецовъ
Разрѣшеньемъ ихъ вопросовъ,
Пытки мудрыхъ ихъ головъ!
И твержу я за тобою:

Смертный! Съ жизнію земною
Ты не много разсуждай!
Раньше чаръ ея приманку
И смѣлѣе разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
И изъ рукъ не выпускай!
Пусть, капризная, вертится,
И царапаетъ, и злится,
Ты покровъ съ нея сорви,
Мни гирлянды, плющъ и розы,
Въ мигъ всю жизнь переживи,
Счастье, клятвы, ласки, слезы,
Все безуміе любви!
Тѣ, которые узнали
Въ жизни бури вакханалій —
Нѣтъ ужъ новости имъ въ ней!
О, людская безтолковость!
Смертный! Знай, что въ жизни сей
Для тебя одна лишь новость:
Смерть — и тайный міръ тѣней.

1850.

III.

ИЗЪ ВОСТОЧНАГО МІРА.

ЕВРЕЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Торжественъ, свѣтелъ и румянъ
Рождался день подъ небесами;
Бѣлѣлъ въ долинѣ вражій станъ
Острокопечными шатрами.
Въ унынья горькомъ и слезахъ,
Я, плѣнникъ въ станѣ семъ великомъ,
Лежалъ одинъ на камнѣ дикомъ,
Во власяницѣ и въ цѣпяхъ.
Напрасно, подъ покровомъ ночи,
Я звалъ къ себѣ привѣтный сонъ;
Напрасно сумрачныя очи
Искали древній нашъ Сіонъ...
Увы! Надъ брегомъ Іордана
Померкло солнце прежнихъ дней;
Какъ лѣсъ таинственный Ливана,
Храмъ безъ молитвъ и безъ огней.
Не слышно дюжихъ вдохновенныхъ,
Замолкъ тимпановъ яркій звукъ,
Порвались струны лиръ священныхъ —
Настало время слезъ и мукъ!
Но Ты, Господь, въ завѣтъ съ отцами,
Ты рекъ: „Не кину Свой народъ!
Кто сѣетъ горькими слезами,
Тотъ жатву радости сберетъ".
Когда жъ, на вопль сыновъ унылыхъ,
Сзовешь ко бранямъ знаменамъ
Оружеборцевъ молніекрылыхъ
На месть неистовымъ врагамъ?
Когда съ главы своей усталой
Израиль пепелъ отряхнетъ,
И зазвенятъ его кимвалы,
И съ звономъ арфъ онъ воспоетъ?

1838.

II.

(Къ картинѣ „Введеніе во храмъ").

Колыбель моя качалась
У Сіона, и надъ ней
Пальма Божія склонялась
Темной купою вѣтвей:
Бѣлыхъ лилій Идумеи
Снѣжный вѣнчикъ цвѣлъ кругомъ,
Бѣлый голубь Іудеи
Рѣялъ ласковымъ крыломъ;
Отчего жъ порой грущу я?
Что̀ готовитъ мнѣ судьба?
Все смиренно, все приму я,
Какъ Господняя раба!

1840.

III.

МОЛИТВА БЕДУИНА.

О, солнце! Твой щитъ вѣчнымъ золотомъ блещетъ —
А море племенъ здѣсь клокочетъ и плещетъ...
Вдали отъ серебряныхъ рѣкъ и ручьевъ,
Тамъ бродитъ и гибнетъ въ степи караванъ позабытый:
Напрасно ждутъ люди отъ вихрей песчаныхъ защиты
Подъ грудью верблюдовъ и сѣнью шатровъ.
О, солнце! Накрой ты порфирой зеленой
Пустыни нагія; росой благовонной
Кокосъ нашъ и финикъ и пальму питай:
Смягчи серебро ты овцовъ бѣлорунныхъ Кедара;
Верблюдамъ дай силу итти средь безводья и жара;
Конямъ легкость вѣтра пустыннаго дай!
Самума отъ насъ отврати ты заразы:
А къ вечеру звѣздъ сыпь на небѣ алмазы:
Пусть кроткій ихъ блескъ въ сѣнь радушныхъ шатровъ
Къ намъ путниковъ степи ведетъ на ночлегъ издалёка!
И ярче лей пурпуръ и розы съ златого востока
На люльки дѣтей и гробницы отцовъ!

1839.

IV.

ВЕРТОГРАДЪ.

Посмотри въ свой вертоградъ:
Въ немъ нарциссъ ужъ распустился;
Зеленъ кедръ; вокругъ обвился
Ранній, цѣпкій виноградъ;
Яблонь въ цвѣтѣ благовонномъ,
Будто въ снѣжномъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключъ бѣжитъ къ долинамъ сонным...
Вертоградъ свой отопри:
Чтобъ зацвѣсть, твой розанъ снѣжной
Ждетъ твоей улыбки нѣжной,
Какъ луча младой зари.

1841.

V.

ЕДИНОЕ БЛАГО.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ впадетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ ночлегу постучится...
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталой
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой!

1837.

VI

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ —
Эдемской двери властелинъ
И вѣчный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьѣ зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.

Но торжество кому жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ
Иль чашу временную нѣтъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

1841.

IV.

ЭЛЕГІИ.

I.

ИСПОВѢДЬ.

Такъ, вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: все тщетно! Тяжкихъ узъ
Мой духъ чуждается... Когда на взоръ мой томный
Улыбку вижу я въ устахъ у дѣвы скромной —
Я самъ не свой! Прости Сенека, Локкъ и Кантъ,
И пыльныхъ кодексовъ старинный фоліантъ.
Лицей блистательный и портикъ величавый,
И знаменитый рядъ имянъ, вѣнчанныхъ славой!
Опять ко мнѣ прійдутъ игривая мечта,
И лики блѣдные, и нѣга на уста,
И взоры томные, и трепетъ сладкой нѣги,
И стихъ таинственный задумчивыхъ мистій.

1841.

II.

О чемъ, въ тиши ночей таинственно мечтаю,
О чемъ, при свѣтѣ дня всечасно помышляю,
То будетъ тайной всѣмъ, и даже ты, мой стихъ,
Ты, другъ мой вѣтреный, услада дней моихъ,
Тебѣ не передамъ души своей мечтанья,
А то разскажешь ты, чей гласъ въ ночномъ молчаньи
Мнѣ слышится, чей ликъ я всюду нахожу,
Чьи очи свѣтятъ мнѣ, чье имя я твержу.

1841.

III.

Зачѣмъ, средь общаго волненія и шума,
Меня гнететъ одна мучительная дума?
Зачѣмъ не радуюсь при общихъ кликахъ я?
Чѣмъ міра торжество не праздникъ для меня?..

Блаженъ, кто сохранилъ еще запечатленья
Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
Отвѣтствовалъ слезой на нѣжные псалмы;
Кто, водой оторвавъ сомнѣнья ума,
Святую Библію читаетъ съ умиленьемъ,
И, внявъ церковный звонъ, въ ночи, съ благоговѣньемъ,
Съ молитвою зажегъ предъ образомъ святымъ
Свѣчу заѣтную и плакалъ передъ нимъ.

1841.

IV.

ЖИЗНЬ.

Грядущихъ нашихъ дней святая глубина
Подобна озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебнаго ихъ сна
Не будитъ ранній вѣтръ, играя съ камышами.
Пытливый юноша, годовъ пройдя межу,
Подходитъ къ берегамъ, разводитъ осторожно
Густыя вѣтви ивъ и мыслію тревожной
За взоромъ слѣдуетъ... Но водному стеклу
Аврора пурпуръ свой разсыпала струисто...
Какъ темны грады скалъ! Какъ небо золотисто!
Какъ стаду вешнихъ рыбъ, блистая въ серебрѣ,
На солнцѣ радостно играть и плескаться!
Но... юноша, бѣги! На утренней зарѣ
Опять не приходи смотрѣть и любоваться
На это озеро! Теперь внимаешь ты
Лишь шепоту деревъ и плеску волнъ шумливыхъ;
А тамъ, подъ образомъ блестящей красоты,
Съ приманкою любви, съ приманкой ласкъ стыдливыхъ,
Красавицъ легкій рой мелькаетъ передъ тобой;
Ты кинешься за ней, за милою толпой,
Съ родного берега... Паденья шумъ мгновенный,
Урчаніе и стонъ пучины пробужденной
Окрестность отдасатъ, и скоро смолкнетъ онъ,
И стихнетъ все. И что жъ подъ зеркаломъ кристалла
Увидишь ты?.. Увы! Исчезнетъ все какъ сонъ!
Ни рощъ коралловыхъ, ни храмовъ изъ опала,
Ни скалъ, увѣнчанныхъ въ златыя тростники,
Ни нимфъ, свивающихъ въ гирлянды и вѣнки
Подводныя причудливыя травы...
Нѣтъ! Ты падешь къ однимъ скаламъ нѣмымъ,

Къ растеньямъ, дышащимъ губительной отравой:
И, вызвана паденіемъ твоимъ,
Толпа алкающихъ чудовищъ
На жертву кинется, низвергнутую къ нимъ
Приманкой красоты, и счастья, и сокровищъ.

1841.

V.

БЕЗВѢТРІЕ

Какъ часто, возмущенъ сна грустнымъ обаяньемъ,
Мой духъ кипитъ въ избыткѣ силъ!
Онъ рвется въ облака мучительнымъ желаньемъ,
Онъ жаждетъ воли, жаждетъ крылъ.
О! молодая мысль съ презрѣньемъ и тоскою
Глядитъ на жизни темной даль,
На трудъ, лелѣемый пурпурною зарею,
На скорбь, на радость, на печаль...
Питая свой восторгъ, безумный и строптивый,
Мятежно рвется въ высь она...
Въ чертоги вымысла влекутъ ее порывы—
Ужъ вотъ предъ ней блеститъ волна,
Корабль готовъ отплыть, натянуты канаты,
Вотъ якорь поднятъ... съ береговъ
Народъ подъемлетъ крикъ... вотъ паруса подъяты:
Лишь вѣтра ждутъ, чтобъ грудь валовъ
Кормою разсѣкать... на палубѣ дрожащій
Пловецъ желаніемъ горитъ:
„Простите, берега!..“ Но—моря въ влагѣ спящей
Ни зыби вкругъ не пробѣжитъ,
Не будитъ вѣтерокъ игривыми крылами
Отяжелѣвшихъ моря водъ,
И туча связая съ сребристыми кудрями
Грозы дыханьемъ не пахнетъ...
На мачтѣ паруса висятъ и упадаютъ
Безъ силы долу... и пловецъ
Въ отчаяньи глядитъ, какъ воды засыпаютъ
Вездѣ недвижны, какъ свинецъ;
Глядитъ на даль... но тамъ лишь чаекъ слышитъ крикъ
И видитъ рѣзкій ихъ полетъ.
Вдали теряется въ извивахъ берегъ дикій:
Тамъ безпредѣльность настаетъ...

Онъ смотритъ съ грустію—ни облака ни тучи
Не всходитъ въ синихъ небесахъ,
Не плещетъ, не шумитъ на мачтѣ флагъ летучій...
Ужъ ночь ложится на водахъ:
Онъ все еще глядитъ на руль, гдѣ клубы пѣны
Облиты мѣсячнымъ лучомъ,
На мачты тонкій верхъ, туманомъ покровенный
На флагъ, обвившійся кругомъ...

1839.

VI.

МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ.

Бродилъ я въ глубинѣ запущеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухѣ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую: то фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умильно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ, а онѣ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились; въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревъ мелькали;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,
Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.

Я долго идоломъ забытымъ любовался,
И онъ мнѣ изъ кустовъ лукаво улыбался.
Мнѣ стало жаль его. „Ты нѣкогда былъ богъ,
Циническій кумиръ! Тебѣ, при флейтѣ звонкой,
Бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ,
На камнѣ закалалъ съ молитвою ягненка
И кровью орошалъ тебя... О! разскажи:
Что, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный? Тогда—бывали ближе ль къ счастью
Младыя племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымыселъ, ихъ миръ и наслажденья?
Иль вѣкъ одни и тѣ жъ земныя поколѣнья?..
Ты улыбаешься?.. Потомъ была пора,
Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора;
Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскали,
Тебѣ разбили садъ; вокругъ тебя собрали

Тритоновъ и нападъ, аонискихъ мудрецовъ,
И римскихъ цезарей, и греческихъ боговъ;
А все смѣялся ты, умильно осклабляясь...
Ты видѣлъ бальный блескъ. По саду разливаясь,
Гремѣла музыка. Въ аллеѣ темной сей
Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей:
Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,
Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья...
Скажи мнѣ: долго ли хранились клятвы ихъ
Ненарушимыми? Любовь въ сердцахъ у нихъ
Горѣла вѣчно ли, и долѣе ль, чѣмъ имя
И увѣренья ихъ, на мраморѣ твоемъ
Напечатлѣнныя и... смытыя дождемъ?
Иль, можетъ-быть, опять подъ липами твоими
Являлися они, условившись, съ другими?
И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей
Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,
Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?
. . . . . .

Такъ, молча, взоромъ я статую вопрошалъ,
А циникъ мраморный язвительно смѣялся.

1841.

VII.

ПРИЗВАНІЕ.

Шумя, на полныхъ парусахъ,
Какъ на распущенныхъ крылахъ,
Летѣлъ корабль, безстрашно споря
Съ волнами дѣвственнаго моря.
Казалось, чуждо было имъ
Досель невѣдомое бремя;
Спокойно вѣнчанное темя
Онѣ склоняли передъ нимъ.
Былъ вечеръ. Палуба безмолвна:
Одинъ пловецъ въ плащѣ стоялъ
И взоръ на западъ устремлялъ,
Гдѣ вечеръ гасъ, краснѣли волны.
Онъ видитъ—слѣва, между водъ
Громады скалъ. Ихъ очеркъ странный
Ему знакомъ. Въ выси туманной
Изъ-за утесовъ возстаетъ

Нѣмая конная статуя,
Одѣта броней, со щитомъ,
И гордо каменнымъ перстомъ
Ему на западъ указуя.
Корабль летѣлъ, за водный склонъ
Зеленый островъ погружался,
Тонули скалы: только онъ,
Недвижный всадникъ, оставался,
На дальній западъ обращенъ.

И понялъ странствователь свѣта
Сокрытый смыслъ сказы нѣмой:
То Божій перстъ! не столпъ запрета!..
Впередъ! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни задъ, ни ропота гроза,
Ни зубь, ни въ гнѣвѣ небеса
Его полета не устрашали.
Онъ плылъ... И скоро, будто дымъ,
Подъ небомъ вечера златымъ
Открылись очерки утесовъ,
Подъ сѣнью пальмъ, въ нѣицѣ кокосовъ.
И цали нищъ иловцы предъ нимъ,
Познавъ въ немъ Божьяго пророка...
Что жъ думалъ онъ, иловецъ высокій,
Когда на землю онъ взиралъ,
Молился, и рукою смѣлой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесовъ знамя водружалъ?

Блаженъ, кто понялъ съ колыбели
Свое призванье въ жизни сей,
И смѣло шелъ между зыбей
Къ предѣлу избранныя цѣли;
Кто къ ней всегда руководимъ
Единой мыслью неизмѣнной,
Какъ генуэзецъ, вдохновенный
Гранитнымъ всадникомъ своимъ!

1841.

VIII.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Тихій вечеръ мирно надъ полями
Сумракъ синій въ небѣ разстилалъ,
Главы горъ одѣлися туманами,
Огонекъ въ прибрежьѣ засверкалъ,
И сошло молчанье благодатное:
Дремлетъ, нѣжась, зеркало зыбей,
Лишь въ поморьѣ эхо перекатное
Вторитъ глухо пѣснямъ рыбарей.

Чудный мигъ! Вечернія моленія
Съ вонміамомъ скошенныхъ луговъ
День увлекъ къ Престолу Провидѣнія,
Будто дань земныхъ его сыновъ.
Ангелъ мира крыльями звѣздистыми
Навѣваетъ сонъ и тишину,
И зажегъ надъ долами росистыми
Стражу ночи—звѣзды и луну.

Вотъ пора святая, безмятежная!
Взоръ, блуждая, тонетъ въ небесахъ...
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говоритъ о лучшихъ берегахъ.
Что же тамъ, за гранію конечнаго?
Что вдали сіянье звѣздъ златыхъ?
То не окна ль храма вѣковѣчнаго?
То не очи ль ангеловъ святыхъ?

Не живая ль лѣтопись вселенныя,
Гдѣ начертанъ тайный смыслъ чудесъ?..
Кто постигнетъ руны довременныя
Этой звѣздной хартіи небесъ?
Слышу, грудь восторгъ колеблетъ сладостный,
Вѣетъ на душу безвѣстный страхъ,
Будто зовъ знакомый ей и радостный
Ей звучитъ въ таинственныхъ словахъ...

То не гласъ ли отъ глубокой вѣчности,
Голосъ Божій? То не онъ ли насъ,
Предъ лицомъ туманной безконечности,
Поражаетъ въ полунощный часъ?
Духъ нашъ жаждетъ, въ этотъ мигъ молчанія,
Въ сонмъ святыхъ архангеловъ взлетѣть
И въ вѣнцѣ изъ звѣздъ Отцу созданія
Съ ними пѣснь хвалебную воспѣть.

1842.

IX.

O femina, semper mutabile...

Отвергла гордая мой чистый жаръ любви:
На всѣ моленія, на клятвы всѣ мои
Она улыбкою презрѣнья отвѣчала!..
Но прежде для чего искусно раздувала
Въ горячемъ сердцѣ огнь? Зачѣмъ всегда со мной
Была такъ искренна? Зачѣмъ, на мнѣ порой
Свой взоръ разсѣянный остановивъ случайно,
Смущеніемъ моимъ такъ любовалась тайно?
Зачѣмъ порою рѣчь изъ милыхъ устъ ея
Текла то медленно, то бурно... и меня
Межъ юношей ея искали взоры?
Что значитъ скрытый вздохъ и робки разговоры?..
Уловки женскія!.. Но, гордая, прійдетъ
Твоя пора! Твой часъ мучительный пробьетъ!
Узнаешь ты любовь!.. Надъ ложемъ, въ тайномъ мракѣ
Напрасно будетъ сонъ свои цвѣтисты маки
Бросать тебѣ: сама ты ихъ отвергнешь! Ты
Единый свѣтлый ликъ узришь средь темноты;
Ты станешь, страстная, склонясь на пухъ суровый,
И плакать, и молить, шептать одно лишь слово;
Въ нѣмомъ томленіи и съ жаждою любви
Прижмешь подушку ты къ пылающей груди,
И будутъ жаркія уста твои, бушуя,
Искать горячаго невольно поцѣлуя!

(1842).

X.

Не назову ея богиней,
Ни идеаломъ красоты:
Ея прелестныя черты
Не небомъ дышатъ, не святыней;
Ея привѣтный, кроткій ликъ
Мнѣ въ сердце солнцемъ не проникъ,
За мной не слѣдовалъ повсюду...
Такъ! Но я долго помнить буду
Игривый звукъ ея рѣчей,
Глаза, какъ двѣ звѣзды ночныя,
И кудри, кудри смоляные,
На блѣдномъ мраморѣ плечей.

1842.

XI.

Въ груди моей кипитъ святое чувство:
Имъ упоѣнны и бурны сны мои,
Вдохновлены и думы и искусство..
Зачѣмъ же мнѣ таить волненіе любви?
Пойду и обнажу предъ дѣвою избранной
Своей души мучительныя раны!..
Но чувство, взросшее въ молчаніи, въ тиши,
Пугается, какъ голубь дикій, слова:
И рѣчь моя мертва! Угрюмый и суровый,
Хочу ли перелить волненіе души
Порой въ размѣренные звуки,
Пишу, и бойкій стихъ и блещетъ и поетъ.
Но опять восторгу чуждъ и чуждъ душевной муки...
И что же опять?.. Опять проскользнетъ
По сердцу милому, какъ сонъ пустой, летучій,
Какъ вѣтеровъ по лону спящихъ водъ,
Какъ разразившіяся тучи,
Какъ томный звукъ пастушескихъ роговъ.
Между далекихъ горъ, когда, ища прохлады,
Плыветъ пестрѣющее стадо
Чрезъ озеро межъ дикихъ береговъ.

(1842).

XII.

КЛАДБИЩЕ.

Ужъ гаснетъ день; пурпурный океанъ
Волнуется на синими горами;
Уснулъ заливъ, увѣнчанный соснами,
Одѣянный въ серебряный туманъ.
Густѣетъ мракъ. Все дико и безмолвно,
Замолкъ въ поляхъ трудолюбивый кликъ,
Чуть шелеститъ по берегу тростникъ,
И шепчетъ листъ въ дубравѣ, тайны полной...
Пустынный край!.. Одинъ, въ сѣни деревъ,
Надъ гладкою, какъ зеркало, водою,
Исполненный волшебной тишиною,
Блуждаю я вдоль спящихъ береговъ.
Вотъ здѣсь, въ тиши, подъ мракомъ сосенъ смолистыхъ,
Града холмовъ песчаная лежитъ:
Тростникъ сухой вокругъ крестовъ ихъ мшистыхъ
И дикій плющъ гирляндами вьется.

Нашъ бренный прахъ, добычи разрушенья,
Подъ камнями здѣсь мирно схоронятъ:
Благословенъ, подъ кровомъ запустѣнья,
Благословенъ почившихъ вѣчный сонъ!
Ничто его, ничто не нарушитъ—
Ни лучъ зари, ни молніи ярый блескъ;
Лишь трепетно здѣсь эхо повторитъ
Деревьевъ скрипъ да моря вѣчный плескъ.
Сойдетъ ли май—веселье и свобода
Одушевитъ долины и лѣса,
И зеленью одѣнется природа,
Осыплетъ листъ алмазная роса,
Взыграетъ вѣтръ, катясь по влагѣ зыбкой,
Воспрянетъ хоръ вѣщуновъ... Но здѣсь весна—
Какъ въ траурѣ прекрасная жена,
Въ вѣнкѣ изъ розъ, съ печальною улыбкой!

Привѣтствую тебя, пріютъ святой,
Гдѣ странники землей единой скрыты!
Но чей въ травѣ, чей черепъ здѣсь, открытый
Въ часъ грозныхъ бурь упорною волной?
Съ нимъ миръ, или надъ нимъ гремятъ проклятья?
Сошла ль къ нему въ могилу тишина?..
Нашъ ровенъ путь, но всѣхъ, по всѣхъ одна
Насъ приметъ мать въ родимыя объятья!
И этотъ холмъ, покрытый ветхимъ мхомъ—
Святой алтарь надежды и спасенья!
А этотъ крестъ безмолвный надъ холмомъ—
Символъ нѣмой за гробомъ воскресенья!
Такъ! Зрячаго конца мгновенье
Есть къ новой жизни переходъ,
Есть чудный мигъ перерожденья,
Души къ Предвѣчному полетъ.
Вотъ слышенъ звукъ святого клира...
Вотъ лучезарный блещетъ даль,
И среброкрылый ангелъ міра
Вспрываетъ жизни сей скрижаль...
Порывъ святой! Душа узрѣла
Отчизны бересть впереди,
Рванулась радостно изъ тѣла
Послѣднимъ трепетомъ въ груди,
Послѣдней искрой изъ мутномъ взорѣ,
Послѣдней жизнію тепла...
И вотъ—свершилось! Вотъ вспылла

Она въ торжественное море...
Какъ ей легко! Какъ ей свѣтло!
Ничто ей бѣга не стѣсняетъ,
Ее привѣтно осѣняетъ
Ея архангела крыло!
А здѣсь—сей трупъ. Мгновенно въ немъ погашенъ
Живительный свѣтильникъ божества.
Холодный ликъ его и святъ и страшенъ,
Недвиженъ взоръ и длань его мертва...
Вотъ нашъ покровъ, нашъ образъ земнотлѣнный!
Пустынный храмъ! Онъ мраченъ и угрюмъ!
Въ немъ совершать еще обрядъ священный
Не пріидетъ, какъ жрецъ, могучій умъ.
Вокругъ одра, стенящею толпою,
Почившаго печальные друзья:
Въ волненіи, съ безмолвною слезою,
Они борьбу слѣдили бытія.
„Не стало! Нѣтъ!..“ И вопли провожаютъ
Побѣдный духъ въ преддверье къ небесамъ...
Безумные! Ужель они не знаютъ,
Какъ сладостно приплыть къ родимымъ берегамъ?
(1842).

XIII.

Намъ каждый день приходится оплакать
Не сбывшійся, но праведный порывъ.
Безплоденъ онъ въ грядущемъ остается,
Но чувствуешь, что, потрясенный имъ,
Становишься ты чище, благородиѣй...
О, жизнь, на что же ты? Какую жъ дань
Мы принесемъ далекому потомству?
Гдѣ нашихъ рукъ дѣла? И какъ узнаютъ
Потомки имена отцовъ—не славныхъ,
Но чья душа сражалася съ судьбою,
Съ ея двумя оружьями—приманкой
Обѣтовъ лестныхъ и нуждою блѣдной,
Чей духъ окрѣпъ въ святомъ негодованьи
И убивать привыкъ свои надежды?...
Иль мы, несклонные главою падать
Предъ пошлостью, лишь золотомъ могучей,
Лобзать привычную къ злодѣйству руку,
Иль мы насмѣшка демона надъ міромъ?..
Друзья мои, сдержите строгій судъ,

Не называйте робкимъ малодушьемъ
Моей души мучительную думу...
И въ пиръ молкнетъ шутка у меня,
И кубокъ падаетъ, какъ эта дума
Внезапно сердце холодомъ охватитъ...
Такъ посреди безумства карнавала
Вдругъ падаютъ пестрѣющія маски,
И шарлатанъ и пестрый арлекинъ
Исчезнутъ, какъ раздастся звонъ печальный,
И межъ толпы блѣднѣющей идутъ
Суровые монахи и поютъ
Протяжнымъ голосомъ: „Memento mori".

1844.

XIV.

Для чего, природа,
Ты мнѣ шепчешь тайны?
Имъ въ душѣ такъ тѣсно,
И душѣ неловко,
Тяжело ей съ ними!
Хочется ихъ словомъ,
Ихъ покорной кистью
Снова въ міръ ихъ кинуть,
Съ той же чудной силой,
Съ тѣмъ же чуднымъ блескомъ,
Ничего не скрывши,
И отдать ихъ міру,
Какъ отъ міра принялъ!

(1846).

XV.

Все вокругъ меня какъ прежде:
Пестрота и блескъ въ долинахъ,
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ!..

Отчего жъ такъ сердце ноетъ,
И стремится, и болѣетъ,
Неиспытаннаго проситъ,
И о прожитомъ жалѣетъ?

Не начать вѣдь жизнь сначала...
Даромъ сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокругъ меня, какъ прежде,
Пестрота и блескъ въ долинахъ;
Лѣсъ опять тѣнистъ и зеленъ,
И шумитъ въ его вершинахъ!..

(1857).

V.

ОЧЕРКИ РИМА.

I.

НА ПУТИ.

Долинъ Альпійскихъ сынъ, хозяинъ мирный мой,
Съ какою завистью гляжу на домикъ твой!
Не здѣсь ли счастіе? Лишь съ юною весною
Нагорные ручьи журчащею струею
Съ холмовъ межъ зеленью младою утекутъ,
Твой столъ обѣденный искусно уберутъ
Младыми розами и почками лилеи
Подруги дней твоихъ игривыя затѣи,
И стадо даръ несетъ, съ полей его собравъ,
Дышащій запахомъ новорожденныхъ травъ;
И голосъ соловья въ саду звучитъ и блещетъ,
И дасточекъ семья подъ кровлею щебечетъ,
И пчелы шумною гирляндою летятъ
Къ цвѣтущимъ яблонямъ, въ твой благовонный садъ...
Ты любишь ближняго и, горд своей свободой,
Ты все нашелъ, чего вѣками ждутъ народы...

1843.

II.

CAMPAGNA DI ROMA.

Пора, пора! Ужъ утро славитъ птичка,
И свѣжестью пахнуло мнѣ въ окно.
Изъ города зоветъ меня давно
Къ полямъ широкимъ старая привычка.
Возьмемъ коней, оставимъ душный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышимъ полевымъ.

О, какъ легко! Какъ грудь свободно дышитъ!
Широкій горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
Мой конь усталъ... мысль бродитъ въ тишинѣ,

Земля горитъ, и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ горъ неровные края,
И Апенинъ верхи снѣговѣнчанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, безплодныя поля,
И, будто нищій съ ризою раздранной,
Обломокъ башни, обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ смѣлыхъ сводовъ
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылися въ туманѣ голубомъ...
Величіе и ужасъ запустѣнья...
Угрюмаго источникъ вдохновенья...
Все тяжко спитъ, все умерло почти...
Лишь простучитъ на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь поселянина,
И долго дикій всадникъ за горой
Видѣется въ плащѣ и съ палкой длинной,
И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины
Еще монахъ усталый и босой,
Окутавшись широкимъ капишономъ,
Заснулъ, склонясь на камень головой,
А вдалекѣ, подъ синимъ небосклономъ,
На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,
И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,
Вошелъ я внутрь руинъ, безвѣстныхъ мнѣ.
Я былъ объятъ величьемъ ихъ спокойнымъ.
Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
Такъ сладостно!.. Тутъ цѣлый міръ видѣній!..
То циркъ былъ нѣкогда; теперь онъ опустѣлъ,
Полонъ и терпъ усѣлись на ступени,
Тамъ, гдѣ народъ ликующій шумѣлъ;
Близъ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильницъ и амфоръ:
Какъ будто бы они здѣсь возсѣдали
Еще вчера, увеселяя взоръ.
Растаіемъ... но по аренѣ длинной
Цвѣтистый макъ пестрѣетъ межъ травой
И тростникомъ, и розой полевой;
И рыщетъ вѣтръ, одинъ, что конь пустынный.
Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
Съ чернокудрявой, смуглой головой,
Пасетъ ребенокъ козъ пугливыхъ стадо.

Трагически ко мнѣ онъ руку протянулъ,
„Я голоденъ“,—со злобою взывая.
— „Я голоденъ!“... Невольно я вздохнулъ
И, нищаго и циркъ обозрѣвая,
Промолвилъ: „вотъ она—Италія святая!“

1844.

III.

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
Ну, вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ разѣшенный плащъ или завѣса;
Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.
Къ фонтану албанка (ахъ, что за глаза изъ-подъ тѣни
Покрова сіяютъ у ней! Что за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!),
Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
Рукой обхвативъ осторожно кувшинъ на облитой
Вечернимъ лучомъ головѣ. Художникъ, должно-быть, германецъ,
Сѣлъ срисовать ихъ, довольный, что случай нежданно
Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
И плющъ темнолистый, фонтанъ и свирѣпую рожу тритона,
Албанокъ и даже—его самого съ его кистью!

IV.

AMOROSO.

Выглянь, милая сосѣдка,
Въ окна комнаты своей!
Душитъ запертая клѣтка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Ликъ твой ясный озаритъ
И угаснетъ, оживляя
Алый блескъ твоихъ ланитъ.

Выглянь! Глазками легонько,
Или пальчикомъ грози,
Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
Дай мнѣ знать, краса моя!

О, какъ много бъ при свиданьѣ
Я хотѣлъ тебѣ сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать....

Чу! твой голосъ! нѣсни звуки...
И гитары тихій звонъ...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что?... заснулъ ужъ онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
Промелькнула предъ окномъ;
Слышу, съ лѣстницы проворно
Застучала башмачкомъ....

1845.

V.

ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ВАТИКАНСКАГО МУЗЕЯ.

Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
Въ ушахъ звенитъ стрѣла изъ лука Аполлона,
И дучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной...
И видѣлъ ихъ: въ землѣ отрытые антики,
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые дики
Миѳическихъ боговъ и доблестныхъ людей:
Олимпа грознаго властителей священныхъ,

Восталокъ дѣвственныхъ, вакханокъ изступленныхъ.
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...
Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пышнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами
Увитыми кругомъ серебристыми листами,
Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
Антики пышные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались...
Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказка умной нянн,
Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій...

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ.
Гдѣ боги межъ людей, пріявъ ихъ образъ, жили,
И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно.
Какъ будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ.
Курился мирры дымъ и нардъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и говорилъ со мной...
Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

1845.

VI.

На дальнемъ сѣверѣ моемъ
Я этотъ вечеръ не забуду.
Смотрѣли молча мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду,
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,

И олеандръ блестѣлъ цвѣтами;
Густого мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины;
Тумана въ золотой пыли
Какъ будто плавали вдали
И акведуки и руины...
При этомъ солнцѣ огневомъ,
При шумѣ водянаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньи:
„Здѣсь можно умереть вдвоемъ“...
1841.

VII.

НИЩІЙ.

Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ
Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
И молитъ помощи онъ именемъ Мадонны;
И въ тридцать лѣтъ себѣ, какъ то молва гласитъ,
Два дома выстроилъ и третій кончитъ скоро,
Женилъ двухъ сыновей и внучекъ любитъ страхъ.
На пышной лѣстницѣ старинаго собора,
Красиво развалясь на мраморныхъ плитахъ,
Картинно голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
Казалось, онъ заснулъ... А тутъ, въ его ногахъ,
Сидѣла дѣвочка. Подъ этимъ жгучимъ жаромъ—
Съ открытой шеею, съ открытой головой,
Съ обрывкомъ на плечахъ какой-то ткани грубой,—
Но—волосы, глаза—и точно перлы зубы,—
И взглядъ, поднявшійся на насъ какъ бы съ мольбой—
„*Его* не разбудить“.—Худыя ноги, руки—
Мурильо!.. Но старикъ Джузеппе не дремалъ:
Во всемъ величіи отчаянья и муки
Онъ вдругъ приподнялся и глухо простоналъ:
„Я три дня голодалъ“... Рѣсницы опустила
Невольно дѣвочка—и точно охватила
Ее внезапная и жгучая тоска...,
Она вся вспыхнула и что-то намъ хотѣла,
Казалося, сказать—но говорить не смѣла,
И—быстро спряталась въ лохмотья старика...
1844.

VIII.

КАПУЦИНЪ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
Предъ раболѣпною народною толпой,
Восторженный, держалъ евангельское слово.
Онъ слезы проливалъ, полнъ рвенія святого,
Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
Въ нагую грудь себя нещадно ударял.
Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
Проклятьямъ и слезамъ молитвенно внимая.
Колѣно преклонилъ и я между толпой,
Но строгой истины оракулъ громовой
Не потрясалъ души моей. Иныя думы
Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
Провидѣнно мой взоръ въ сердца людей проникъ.
Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчикъ, ростовщикъ,
Тамъ, блѣденъ, слезы лилъ разбойникъ закоснѣлой;
Блудница дряхлая, узрѣвъ могилы сѣнь,
Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день,
Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
Что плачешь ты? о чемъ? Бѣды ль тебя нежданной
Томитъ предчувствіе? Иль, съ страстію въ борьбѣ,
Ты хочешь выплакать мятежныхъ чувствъ избытокъ?
Иль духъ твой напугалъ теперь раскрытый свитокъ
Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
Пройти чрезъ тотъ же путь и у могильной сѣни
Слезами смыть клеймо такихъ же заблужденій?

1844.

IX.

ВЪ ОСТЕРІИ.

Пеппо, выпьемъ!.. Видишь, буря
Разыгралася въ горахъ!
Въ блескѣ молній, очи жмуря,
Кони бѣсятся впотьмахъ.
Что колпакъ остроконечный
Ты надвинулъ на глаза?

Или есть недугъ сердечный,
Иль на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду, острый ножъ,
Не боишь суда людского,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу слечь.

Вѣдь таковъ и легъ свирѣпой:
Былъ Андроклъ... слыхалъ ли ты?..
Нѣтъ? Такъ выпьемъ лучше, Пешто,
Безъ ученой пустоты!

1841.

X.

FORTUNATA.

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній!
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мнѣ весь отдайся!..
Ни меня такъ грустно не гляди!
Разгадать, что въ сердцѣ—не пытайся!
Весь ему отдайся—и иди!

Я любви не числю и не мѣрю:
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю—смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Ахъ, какъ жизнь, мой милый, хороша!..

Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о, гордый человѣкъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя вѣкъ...

1845.

XI.

НИМФА ЭГЕРІЯ.

Fecémmi la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III.

Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ;
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небесъ, лѣсовъ тѣнистыхъ

Далекій гулъ, и жаръ златого дня,
И ночи тишь—все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во время оно мужъ, съ сѣдой главою,
Съ челомъ, на коемъ дума съ юныхъ лѣтъ
Изваялась, со свиткомъ и доскою,

Являлся знать меня. Внезапный свѣтъ
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; послѣ, на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или кровавый, иль смиренной.

Онъ иногда довольствомъ свѣтелъ былъ;
Порой, смотря на роковыя строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Являлась я ему въ тотъ мигъ жестокій.
Онъ голову склонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекій

И утомленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая судъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

„Ужель вѣкамъ пишу законъ громовый?
Чтобъ межъ людей добро укоренять,
Ужель нужна лишь плаха да оковы?..“

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старикъ опять читалъ свои скрижали,
И снова думалъ, и писалъ опять.

1844.

XII.

ТИВОЛИ.

Боже! Какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко-оранжевый западъ и блѣдную синь на востокѣ,
Мракомъ покрытыя виллы и рощи глубокой долины;
На этотъ городъ, прилѣпленный къ горному склону,
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы,
Лавры, шумящія воды, и тамъ на скалѣ, озаренный
Слабымъ сіяньемъ зари, на колоннахъ изящныхъ,
Маленькій храмикъ Цибелы, алтарь и статуи—
Грустно подумать, что тамъ за горами, на полночь,
Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!..
Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнѣе
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, и ничто въ этой бѣдной природѣ
Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ этой
Виллы обломки: „здѣсь нѣкогда, съ чашей фалерна,
Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
Туллій отыскивалъ тайны законовъ созданья“;
Розы лепечутъ: „нѣчами мы дѣвъ смуглолицыхъ,
Сладко поющихъ Милета и Делоса дщерей,
Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла“;
Воды: „подъ наше паденье, подъ музыку нашу
Ямбъ и гекзаметръ настраивалъ умный Горацій“;
Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
„Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
Жрецъ многодумный таинственно въ лунныя ночи
Слушалъ глаголы богини и послѣ нѣщалъ ихъ
Робкой толпѣ со ступеней Цибелина храма...
Въ нѣдрахъ горы между тѣмъ собирались, какъ тѣни,
Ратники новые вѣры, и рабъ, и патрицій;
Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
Будто Везувій, во мракѣ клокочущій лавой—
И выходили потомъ, просвѣтленные сами,
Въ міръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья...“

1844.

XIII.

— „Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?“
— Она была прекрасна...
— „Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,
Съ твоими горячо ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда въ застали васъ,
Достало ли въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты—ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? На строгій судъ людей
Глядѣла ли въ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли въ она любви своей позоромъ?..
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образъ ненавистной
Я вырвать не могу изъ памяти твоей!..“
— Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу, ни она
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначащъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись: но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады...
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...

— „И вы разстались?“

— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...
— „Любить! Молчать!!... И вы любили?!... Боже,
Боже!..“

1844.

XIV.

ХУДОЖНИКЪ.

Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-серебристыя горы;
Ходишь какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый, какъ родина наша... И Лора горюетъ,
Тщетно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотритъ
Въ очи тебѣ и порой ловитъ бредъ твой сквозь-сонный.
Что? Не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? Воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? Или солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рядятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! Ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносилъ въ сердцѣ тяжелую думу.

1845.

XV.

FIORINA.

„Смуглянка милая, я изъ страны далекой,
И здѣсь въ развалинахъ блуждаю одинокой,
И все-то чудно мнѣ... Скажи, ты рождена
Въ долинѣ здѣсь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говоритъ преданье,
Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?“
— Не знаю, мы сюда за земляникой ходимъ,
А на зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
Сюда съ дворомъ своимъ намедни пріѣзжалъ.
Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,

Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ...
На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

1845.

XVI.

ДВОЙНИКЪ.

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотого,
Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
Веселый, что скоро здѣсь клики и смѣхъ раздадутся,
Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
Но гости не идутъ никто... Измѣнила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучшій вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
Которой бы голосъ и яркіи очи, уста и ланиты
Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
И сладкой уздой откровенному Вакху... Что жъ дѣлать?
Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ...
А гдѣ же друзья? гдѣ она?.. отчего не явились?.. Быть-можетъ...
Вѣдь женское сердце и женская клятва, что вѣтеръ...
Эхъ, сяду за кубокъ одинъ я. Одинъ ли? А онъ, неотступный,
Зачѣмъ онъ, непрошенный гость, предо мною усѣлся,
Съ насмѣшкой глядитъ мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ сердца,
Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью...
Софистъ неотступный, оставь меня! Что тебѣ пользы,
Хирургъ безпощадный, терзать мою душу?..

1844.

XVII.

LORENZO.

Слава Богу, деньги есть.
Шляпу на́ брови надвину,
Плащъ широкій перекину
Чрезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
И поклонится аббатъ,
И маркизы съ приглашеньемъ
Мнѣ навстрѣчу полетятъ.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...
Рѣчь — серебряная нить;
Знаю тайну всѣхъ уловокъ
Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный
Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...
Потоскуетъ сердце Нанны,
Знаю я... да что жъ мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что жъ за дѣло?
Молотокъ возьму я свой,
Буду сѣчь я мраморъ бѣлый
У скульптора въ мастерской.

А наскучитъ — повалюся
Я на паперти церквей
И калѣкой притворюся,
Молъ, уродецъ съ дѣтскихъ дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняютъ,
Что казны не клалъ подъ спудъ!..
А маркизы?.. Не узнаютъ!
А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что мнѣ въ нихъ? Всегда отъ Нанны,
Будь въ чести ль, въ лохмотьѣ ль я,
Я услышу: „другъ желанный,
Гость мой милый, я твоя!“

1845.

XVIII.

Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ подъ землей,
Въ гробницахъ, въ цирках! Ну, пусть трудъ свершаютъ свой
Сопутники мои — этрурскій антикварій
И нѣмецъ — кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
Довольствуюся я, какъ славянинъ прямой,
Идеей общею въ наукѣ Винкельмана.
Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...

И жаръ невыносимъ! Вся выжжена земля!
Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
Подъ листья прячется, шумя плющомъ руины;
Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
А! Вотъ подъ аркою старинною въ тѣни
Домишко, слѣпленный изъ тростника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
Потомокъ Ромула, Помпея иль Нерона!
Стучусь. „Э-ге! кто тамъ! Signor padron! padrona!..“
О, Римъ, о, чудный край! Все кажется здѣсь сномъ!
Передо мной стоитъ, съ широкими косами,
Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
Со смугло-палевымъ классическимъ лицомъ
И южной граціей движеній и улыбокъ...
А какъ роскошный станъ изваянъ! какъ онъ гибокъ!..
Я съ жадностью слѣдилъ, какъ ставила она
Передо мною сыръ съ фіаскою вина...
„Вы замужемъ?“—„Мой мужъ уѣхалъ въ городъ“.—
„Долго
Пробудетъ?“—„Дня два, три...“ Тутъ говорилъ я ей
О мнимой святости супружескаго долга,
Что вообще любить не надобно мужей,
А сердцу выборъ дать. Она сперва молчала,
Иль съ миной набожной серьёзно отвѣчала:
„Такъ Богъ велитъ“. Потомъ, вдругъ пальчикъ свой
прижавъ
Къ устамъ и глазками на уголъ указавъ,
Шепнула: „Завтра“. Я взглянулъ на уголъ темный,
И вижу, капишонъ спустивши, тихо, скромно,
Храня смиренія и умиленья видъ,
Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

1845.

XIX.

ГАЗЕТА.

Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
Вѣсти съ далекаго Сѣвера—поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья:
Ломятся съ трескомъ подмостки старинной громады, и смѣло
Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима

Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ
долетаютъ;
Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молніи стрѣлы
Тучи чертятъ, вѣковые лѣса зажигаютъ,
Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ и разгонятъ
Въ страхѣ людей, какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ...
Такъ бы хотѣлось туда! Тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!.. Поникнешь
въ раздумьѣ
Вдругъ головой: выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
Но, какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной
драмы,
Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра и мелкихъ Улиссовъ;
Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель — впрочемъ,
великаго дѣла —
Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Ваннѣ-сосѣдкѣ,
Сядешь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,
Губки надувъ, и нарочно не смотришь мнѣ въ очи...
Мгновенно
Все позабудешь, и грязь, и величье общественной драмы:
Бросишься мигомъ тебя цѣловать. Ты противишься, съ
сердцемъ,
Чуть не сквозь слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцѣлуевъ,
и послѣ
Легкой борьбы добровольно уступишь, и долгимъ лобзаньемъ
Я заглушаю въ устахъ у тебя и укоры и брань.

1845.

XX.

АНТИКИ.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній!
Въ могилахъ тебя отыскали средь пепла и камней;
Художникъ сложилъ по-единю разбитые члены,
Трудясь съ любовью, какъ будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоцѣнные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвѣ... Израненный, нынѣ предъ нами
Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
Стремятся, какъ къ чудной святынѣ толпы пилигримовъ...
Творцы твои были, быть-можетъ, честимы и славны.
На площади града вѣнчанны шумящимъ народомъ,
Въ палаты царей приходили, какъ лучшіе гости!..

Иль, можетъ-быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погибло, и можетъ-быть, поздно
Узнали ихъ геній... и имъ неизвѣстно осталось,
Какой онміамъ воскурить имъ далекимъ потомствомъ,
Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
Въ Аѳинахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго бога...
1843.

XXI.

ИГРЫ.

„Хлѣба и зрѣлищъ!"

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ тѣмъ ревѣлъ, и прыгалъ барсъ игривой,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
И ликъ его сіялъ, торжественный и строгой.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ: „Проклятъ будь, о, Римъ, о, лютый тигръ!
О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любови,
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!"
— „Кто ты?"—спросилъ старикъ.—„Аѳинянинъ! Привыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ..."
— „Ребенокъ, ты не правъ",—отвѣтствовалъ старикъ.
— „Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!"
— „А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима".
— „Чему же ты такъ радъ?"—„Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ—честь!

Бросаются рабы у насъ на растерзанье—
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ цѣпямъ?
Достойны ихъ они, достойны поруганья!"

1846.

XXII.

Сижу задумчиво съ тобой наединѣ;
Какъ прежде, предо мной синѣютъ даль и горы...
Но съ тайной робостью покоишь ты на мнѣ
Внимательной тоски исполненные взоры...
Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ—
Не дѣва юная... ты слышишь, призываетъ
Меня нѣмая даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
Какъ плѣнный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
И силы новыя онъ чувствуетъ въ крови,
И, зодчій ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

1843.

XXIII.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесницъ слѣды подъ аркой тріумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ,
Полуразбитыя громады Колизея...
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ растетъ, черпѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телѣгъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринѳской капители
Рогатые волы,—въ смущеньи я читалъ
Всю лѣтопись твою, о, Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
Въ благоговѣніи глядитъ, и, полонъ тревогъ,

Онъ мыслитъ: здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ,—
Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищіе душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
И школьныхъ риторовъ созданіемъ твой геній!..
Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнный на земли—
Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ, какъ жилъ... Въ паденіи своемъ
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровъ и домъ,—
И кланялся сенатъ строптивому народу...

. . . . . .

Такимъ же кончилъ ты... Пускай со всей вселенной
Пороковъ и злодѣйствъ неслыханныхъ семья
За колесницею твоею позлащенной
Вползла въ твой вѣчный градъ, какъ хитрая змѣя;
Пусть голосъ доблести уже толпы не движетъ;
Пускай Лициній она цѣлуетъ прахъ,
Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
Сандалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,—
Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ,
И къ пристани суда безвредно приведетъ:
Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
Нѣтъ, древней гордости въ душѣ не истребя,
Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
„Покуда молоды—плюща и винограду!
Дообличныхъ палатъ; танцовщицъ и пѣвицъ!
И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
Въ конецъ исчерпай все, что̀ можетъ дать намъ міръ!
И, выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
Чтобъ жизненный свой путь достойно увѣнчать,
Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы,—
И, вкругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать“.

1845.

XXIV.

PALAZZO.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Террасы убраны роскошными цвѣтами,
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ—
Эмблемы доблести фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранитъ слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ, и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь, и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вокругъ дивный даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ.

То предки гордые фамиліи высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ съ молитвою глубокой
Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Въ потускнѣмъ взглядѣ скорбь и ужасъ затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной;
Какъ будто говоритъ она: „здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...“

Та—жизни полная, и въ блескѣ самовластья—
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
На шумныхъ оргіяхъ, и мщенье, и любовь—

И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души, глубоко оскорбленной...
. . . . . .
И нынѣ пусто все въ блестящей галлереѣ...
На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство англичанъ кочуетъ и шумитъ.
А вы—вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ! Не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы—
Отъ правъ, украденныхъ отцами у народа,
И взяли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: „Италіи свобода!“
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!..
Но тише... Здѣсь живутъ: раскинутъ столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847.

XXV.

СКУЛЬПТОРУ.

Былъ грубъ когда-то человѣкъ:
Младенцемъ былъ и умеръ грекъ.
И въ простотѣ первоначальной,
Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной,
Творилъ, какъ пѣснь свою поетъ
Рыбакъ у лона синихъ водъ,
Какъ дѣва въ грусти иль веселѣ,
Въ глуши альпійскаго ущелья...

И вкругъ священныхъ алтарей
Народы чтили человѣка
Въ созданьяхъ дѣвственнаго грека...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь
И, мучась тяжкой пустотой,
Боговъ Олимпа къ намъ низводишь,
Забывъ, что было въ нихъ душой,
Какъ ликъ Гамлета колоссальный —
Актеръ коверкаетъ шальной
Предъ публикой провинціальной.
(1847).

XXVI.

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
На скалѣ я прожилъ,
Выше тучъ, тумановъ,
И громовъ, и молній.

Изгнанный изъ міра,
Горько міръ я бросилъ,
Но забыть съ нимъ трудно
Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
Облака разгонитъ,
Города въ долинѣ
Заблестятъ, какъ искры,

Мнѣ на мысль приходитъ—
Въ двадцать лѣтъ, быть-можетъ,
Все давно свершилось,
Изъ чего я бился:

Вѣдный сверглъ оковы:
Сильны и прекрасны
Разумомъ и волей
Племена земныя...

Лжи не воздвигаютъ
Пышныя кумирни,

Ловкаго злодѣя
Не честятъ какъ бога...
Иль... быть-можетъ, нынѣ
Люди и забыли,
Чѣмъ во дни былые
Доблестны мы были!..
(1847).

XXVII.

Думалъ я, что небо
Ясное полудня,
Сѣнь оливъ и мирта,
Музыкальный голосъ,
Жаркія лобзанья
Женъ высокогрудыхъ
Исцѣлятъ недуги
Страждущаго сердца;
Думалъ я, что сила
Строгаго искусства,
Вѣковая почва—
Прахъ святой героевъ,
Хоть забвеньемъ сладкимъ
На душу повѣютъ,
И что въ ней замолкнутъ
Жажда теплой вѣры
И безвѣрья муки,
Жажда дѣлъ высокихъ
И тоска безсилья;
Разума гаданья,
И надъ нимъ насмѣшки...
За порывъ восторга
Платишь горькой мукой:
Старая проснется
Прежняго остріе,
Какъ хозяйка злая,
За одинъ взглядъ бѣглый
На красу чужую,
Встрѣтитъ бранью злѣе,
Старое припомнитъ,
И язвитъ, и колетъ...
Хоть бѣги со свѣта!
(1847).

XXVIII.

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ
И рѣчь, блестящую порывами живыми;
Слѣжу за легкими движеньями твоими:
Подымешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
Мнѣ взора не отвесть отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,
Отъ обнаженныхъ плечъ и ихъ изгибовъ нѣжныхъ...
Блѣднѣешь ты?.. Не слышишь ли вдали
Шаговъ завистливыхъ людского подозрѣнья?
Брось ихъ, не отравляй минуты наслажденья
И праздника украденной любви.
Дверь замкнута... Одинъ я твой властитель!..
Гирлянды, свитыя заботливо тобой,
Воспламененною я дерзко рву рукой...
Прочь пиршые огни! Пускай въ твою обитель
Войдетъ глухая ночь: пусть видитъ лишь луна,
Скользя черезъ стекло высокаго окна,
Сребро и золото сосудовъ осушенныхъ,
Цвѣты твои, запутанные мной
Въ распущенныхъ косахъ, и мраморъ снѣговой
Какъ воскъ прозрачныхъ плечъ, отъ ризъ освобожденныхъ.

(1847).

XXIX.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ДНЕВНИКА ВЪ РИМѢ".

I.

Двуликій Янусъ.

Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу
Покрытый обломками нѣкогда славнаго храма:
Разрушенный мраморъ, низвергнуты своды, аркады,
Священныя урны, алтарь, испещренный ваяньемъ
Жрецовъ, закалающихъ тучныя жертвы, статуи,
Обрубленный торсъ, голова, раздробленные члены.—
Какъ падшихъ воителей трупы на полѣ сраженья...
Люблю любоваться, какъ чудомъ, изящной рѣзьбою
Печальныхъ обломковъ: люблю я коринѳской колонны
Аканѳовые листья, живымъ обвитые аканѳомъ,
Овна завитые рога, увѣнчанные хмелемъ ползучимъ.

Надъ грудой развалинъ въ пыли и поросшихъ травою
Одинъ возвышался изъ мрамора Янусъ двуликій:
Одно обращалъ онъ лицо къ заходящему солнцу,
На западъ, гдѣ въ темной, глубокой долинѣ, густые
Верхи кипарисовъ на пламенномъ небѣ чернѣлись;
Другое глядѣло на темный востокъ, созерцая
Грядущаго книгу, хранило угрюмую тайну.
Проникнутый вымысломъ дивнымъ, въ священномъ восторгѣ,
Стоялъ я и думалъ, какъ много бъ открылося тайны,
Когда бы изрекъ онъ, что въ будущемъ видитъ.
„Скажи мнѣ, таинственный богъ, проникающій взоромъ
Въ грядущіе вѣки; молю, просвѣти наши очи
И лживыя басни развѣй нашихъ бѣдныхъ гаданій!
Что ждетъ насъ? Отвѣтствуй! Куда мы стремимся?
Зачѣмъ здѣсь на хо̀лмѣ громады камней громоздили,
И кто онъ, откуда, сей зиждущій духъ, въ насъ живущій,
Который въ насъ мыслью пылаетъ и движетъ могучею дланью,
И зиждетъ, и зиждетъ... чтобъ послѣ разрушить; разрушивъ,
Изъ праха опять созидаетъ?“ Безмолвствовалъ идолъ,
Угрюмый, какъ жрецъ, погруженный въ глубокое чтенье
Таинственной книги, невѣдомой черни. Внезапно
Послѣднею вспышкой вечерняго блеска другое
Лицо просіяло, и рѣчью уста разомкнулись.
— Ты хочешь проникнуть въ грядущаго тайны; но, вѣдай,
Мы связаны оба таинственной силой, и прежде
Прошедшаго голосъ внемли,—а потомъ ужъ подъемли
Завѣсу съ того, что въ чрекѣ грядущаго зрѣетъ.
Во мракѣ гробницъ обитаетъ мой взоръ: тамъ почіютъ
Народы, какъ спятъ у насъ въ памяти мысли и думы—
Спокойно и тихо: я властенъ ихъ вызвать изъ вѣчной темницы,
Какъ можешь въ душѣ пробудить ты прошедшія мысли...
Какъ образы ихъ предо мною въ тѣни кипарисовъ,
Накрывшихъ могилы, встаютъ исполинскія тѣни
Людей, и народовъ, и царствъ,—все умчало всесильное время!...
Я вижу великую рѣку... всечасно я слышу паденье,
Удары низверженныхъ волнъ съ высоты величавой...
Пространство міровъ ей русло, и мечетъ ихъ низвергаясь,
Свергая, сноса, обрывая утесы и камни.
Она все несется, подобная вѣчно-живому,
Падущему грозно изъ урны вѣковъ океану...
И гдѣ ей начало, и гдѣ ей конецъ?.. я не знаю...
Но съ бѣгомъ быстрѣй и полнѣе, шумнѣе и шире
Свирѣпыя воды, и мнится, съ паденьемъ ихъ въ бездну,

Обрушится все, что встрѣчалось мнѣ въ бѣгѣ,
Что мчалося съ ними, противясь ихъ силѣ—
Все рухнетъ—и сущіе нынѣ народы, и царства,
Туда же обрушатся въ омутъ, куда уже пали
И Римъ колоссальный, съ всемірнымъ вѣнцомъ и рабами,
Со златомъ палатъ, колесницъ и кровавыхъ ристалищъ,
И Онивъ пирамиды, и Мемфиса мраморны стѣны—
И онъ—Вавилонъ, со своей донебесною башней...
Я вижу, блѣднѣя, взираешь ты на эту рѣку
(И смертный, безплотной душой отрѣшившись отъ тѣла,
Обнять ее взоромъ способенъ), и ужасъ колеблетъ
Твой духъ: оглушенный неистовымъ гуломъ паденья,
Влекомыхъ, низверженныхъ ею громадныхъ обломковъ,
Ты мыслишь, что значишь ты самъ въ семъ безмѣрномъ,
Бездонномъ горнилѣ, средь царствъ и имперій?
И страшно исчезнуть тебѣ въ немъ, какъ легкому пеплу,
Подъ крыльями вѣтра, свой путь не означивъ, гдѣ шелъ ты,
Не бросивши трудъ исполинскій въ всеобщую бездну...
Смѣшное мечтанье!.. Источникъ отчаянья горькій!
Взгляни вкругъ себя на роскошную матерь-природу,
Какъ съ каждой весной она новыя силы являетъ,
Богатства свои измѣняя, какъ новую ризу;
Все такъ же она, какъ и прежде, въ величіи стройномъ
Рождаетъ деревья и травы и льетъ голубые
Ручьи, оглашая ихъ вѣчнымъ пернатаго царства.
Но это—одежда, не болѣ, она жъ неизмѣнна...
Подобно природѣ живетъ человѣчество: часто
Смѣняются, шумно чредуясь, идутъ поколѣнья:
Они—лишь одежда безсмертнаго, вѣчнаго духа...
Какъ тополь и лавдышъ прекрасны въ убранствѣ природы—
Такъ каждому мѣсто свое въ поколѣньѣ: какъ роза,
Какъ терній въ природѣ,—въ гармоніи общей всѣ люди
Въ цѣпи человѣчества—всѣ непремѣнныя звенья...
Какъ тамъ, посреди преходящихъ явленій юдольнаго міра,
Однажды-рожденныя высятся горы,—такъ вѣчно
Останется ясенъ въ потомствѣ не гаснущій геній,
И мысль не погибнетъ въ томъ омутѣ мрачномъ;
Самъ геній не мыслитъ о славѣ,—и зрѣетъ въ трудѣ онъ...
Ты хочешь, чтобъ передъ твоей тріумфальной статуей
Потомокъ съ главой проходилъ обнаженной... Послушай,
Не бѣгай, какъ юноша пылкій за гордою дѣвой,
За славой: трудися. Сама прійдетъ гордая дѣва,
Отыщетъ чело ей любезное, лавромъ накроетъ;
Въ живыхъ не застанетъ—отыщетъ гробницу, украситъ

Вѣнцомъ и тріумфомъ, и если бы кости и прахъ твой
Разсѣялись вѣтромъ, и въ черепѣ нѣтопырь дикій
Гнѣздо свое вилъ,—освятитъ она пепелъ бездушный,
Вкругъ сторожемъ станетъ и путника вдругъ преисполнитъ
Восторгомъ, и слезы и думу тебѣ посвятитъ онъ...
Такъ жертвуютъ Гебры могучему Фебу не въ храмѣ—
Въ снѣжныхъ горахъ, подъ шатромъ безконечнаго неба.

1843.

II.

Во мнѣ сражаются, меня гнетутъ жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекутъ мечты, во мнѣ бунтуетъ кровь,
И знаю я, что все—и пылкая любовь,
И пышныя мечты пройдутъ и охладятся,
Иль къ безднѣ приведутъ... Но съ ними жаль разстаться!
Люблю, увѣренъ я, что скоро разлюблю,
Порой, притворствуя, самъ клятвою шалю;
Внимаю ли изъ устъ, привыкшихъ лицемѣрить,
Коварное „люблю“, я имъ готовъ повѣрить;
Порой бѣшусь, зачѣмъ я чувство удержалъ;
Затѣмъ въ душѣ моей, волненіямъ открытой,
Отъ всѣхъ высокихъ чувствъ осадокъ ядовитый.

(1845).

VI.

ЖИТЕЙСКІЯ ДУМЫ.

I.

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! Вашъ міръ мнѣ тѣсенъ!
Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсенъ,
Горячихъ споровъ, острыхъ словъ,
Гдѣ бъ былъ огонь и вдохновенье,
И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ бъ походило все на бредъ,
Гдѣ бъ каждый былъ хоть мигъ—поэтъ!
А то—сберется вы чинно;
Гирлянды дамъ сидятъ въ гостиной;
Забава ихъ—хула и ложь;
Танцуетъ въ залѣ молодежь—
Дѣвицы съ устъ улыбку гонятъ,
По лицамъ ихъ не разберешь—
Тутъ веселятся аль хоронятъ...
Вы сами—бьетесь въ ералашъ,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете—
И это праздникъ званый вашъ!
Не даромъ, съ бала исчезая
И въ санки быстрыя садясь,
Какъ будто силы оправляя,
Корнетъ кричитъ: поѣдемъ въ танцклассъ!
А ваши дамы и дѣвицы
Изъ-за кулисъ бросаютъ взоръ
На пиръ разгульной модной львицы,
На золотой ея позоръ!

1850.

II.

УТОПИСТЪ.

Свои помѣстья умнымъ нѣмцамъ
На попеченіе отдавъ,
Ты самъ межъ ними чужеземцемъ
Проводишь вѣкъ—и что жъ? ты правъ...

Твои мечты витаютъ выше...
Что̀ передъ ними—пищихъ полкъ,
Да избы съ сломанною крышей,
Да о житейскихъ дрязгахъ толкъ?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты въ олимпійской тишинѣ,
На міръ накинувъ тучь завѣсу,
Сидишь съ собой наединѣ.
Сидишь—для міра вымышляя
И лучшій строй, и новый чинъ,—
И весь Олимпъ молчитъ, гадая,
Чѣмъ озабоченъ властелинъ?..
И лишь для рѣзваго Эрота—
У жизнедавца и отца
Міродержавная забота
Спадаетъ съ грознаго лица.
1857.

III.

Передъ твоей душой пугливой
Титаномъ гордымъ онъ предсталъ,
Въ которомъ міръ непрозорливый
Родства съ богами не призналъ.
И ты, воспитанная въ горѣ,
Внезапнымъ свѣтомъ залита,
Въ замаскированномъ актерѣ
Не разгадала ты—шута!
И, какъ обманутая Геба,
Ты отъ Зевесова стола,
Скорбя, ему, какъ сыну неба,
Зевесовъ нектаръ подала...
Чтобъ заглушить его угрозы
Всему, что̀ дорого тебѣ,
Ты падаешь, глотая слезы,
Къ его стопамъ, въ нѣмой мольбѣ;
Но тщетно трепетныя руки
Зажать уста его хотятъ!
Твои младенческія муки
Его смѣшатъ и веселятъ...
Ему такъ новы—думъ свобода
И свѣжесть чувствъ въ твоихъ рѣчахъ,
Какъ горожанину природа
Въ весенникъ краскахъ и лучахъ.
1853.

IV.

Боишься ты прослыть глупцомъ
И средь пирушки откровенной
Хранишь упорно видъ степенный
И смотришь важнымъ мудрецомъ.
Ты критикуешь очень здраво,
Что Вакхъ внушаетъ намъ лукавый...
Но извини,—все зло въ винѣ!—
Что вдругъ пришелъ на память мнѣ
Одинъ хористъ, синьоръ Скоттини,
Который тщился показать
Всегда, что онъ-то могъ бы дать
Урокъ безсмертному Рубини,
Когда тотъ плакалъ и рыдалъ,
И, имъ глубоко потрясенный,
Ему, очнувшійся мгновенно,
Въ слезахъ театръ рукоплескалъ.
(1853).

V.

ВЕСЕННІЙ БРЕДЪ.

(М. П. Заблоцкому).

Здорово, милый другъ! Я прямо изъ деревни!
Былъ три дня на конѣ, двѣ ночи спалъ въ харчевнѣ,
Усталъ, измучился, но какъ я счастливъ былъ,
И какъ на счетъ костей я душу освѣжилъ!
Ужъ въ почкахъ яблони; жужжатъ и вьются пчелы;
Ужъ свѣжей травкою подернулась земля...
Вчера Егорьевъ день—какой гурьбой веселой
Деревня выгнала стада свои въ поля!
Священникъ съ причетомъ, крестомъ и образами
Молебенъ отслужилъ предъ пестрыми толпами
И, окропивъ водой, благословилъ стада—
Основу счастія и сельскаго труда.
И къ морю я забрелъ: что плещутся уклейки!
Въ бору застигъ меня весенній первый громъ,
И первымъ дождикомъ облитый, какъ изъ лейки,
Продрогши, ввечеру согрѣлся я чайкомъ
Въ трактирѣ съ чухнами, среди большой дороги.
Но сколько испыталъ я въ сердцѣ новыхъ чувствъ!

Продумалъ сколько думъ о мірѣ и о Богѣ,
Провѣрилъ нами всѣ теоріи искусствъ,
Все перебралъ, о чемъ съ тобой мы толковали,
Искали истины—и безпощадно врали!
Повѣришь ли, мой другъ, что на конѣ верхомъ,
Или ворочаясь въ ночи на сѣновалѣ,
Межъ тѣмъ какъ вкругъ шумѣлъ весь постоялый домъ,
Проѣзжіе коней впрягали, отпрягали,
И подлѣ же меня до утреннихъ лучей
Я слышалъ чавканье коровъ и лошадей,—
Я, другъ мой, нашу всю науку пересоздалъ!
Ученымъ и тебѣ—всѣмъ по заслугамъ воздалъ!
Я думалъ: Боже мой! Ну вотъ, межъ тѣмъ какъ я
Съ душою, раннею весною обновленной,
Такъ ясно вижу все, и разумъ просвѣтленной
Отвагой дышитъ, полнъ сердечнаго огня,—
Ты, въ душной комнатѣ, боясь сквознаго вѣтру,
О мірѣ, можетъ-быть, систему сочинилъ...
О, вандалъ! Ты весну не сердцемъ ощутилъ—
Прочелъ въ календарѣ, узналъ по барометру!
Вѣдь такъ и съ истиной въ наукѣ-то у васъ!
Вы томы пишете, начнете свой разсказъ
Съ ассиріянъ, мидянъ и кончите Россіей,—
И что жъ? Толкуя намъ, какъ думали другіе,
Сказали ли хоть разъ, какъ думаете вы?
Ну, что бы подойти къ предмету просто, прямо,
Чѣмъ споры древнихъ лѣтъ поддерживать упрямо
Съ надменной важностью безсмысленной совы?
О, эрудиція! О, школьныя вериги!
Да что за польза намъ, что поняли вы книги!
Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ,
Какъ видѣлась она старинушкамъ мудрецамъ,
Еще блестящая восторгомъ вдохновенья
И окропленная слезами умиленья!
Она—дитя любви и жизни,—не труда!
Ученость вѣдь еще не мудрость, господа!
Системы, сшитыя логически и строго—
Хитро создàнный храмъ, въ которомъ нѣтъ лишь—Бога!
Но, впрочемъ, вы враги восторга и мечты!
Вы—положительны! Для васъ въ наукахъ точность
Ручательство за ихъ достоинство и прочность,
И, изучая жизнь, что вамъ до красоты!
„Все бредъ, что пальцами ощупать невозможно!
Намъ греки не примѣръ: они учились жить

И міръ невидимый старались объяснить;
Мы цѣнимъ только то, что твердо непреложно", —
И въ цифрахъ выразить готовы вы весь міръ!..
Что я пойму, когда, описывая пиръ,
Ты скажешь—столько-то бутылокъ осушали?
Нѣтъ, было ль весело, скажи, и какъ вы пили?
И въ грязномъ кабакѣ бутылкамъ тотъ же счетъ,
Что у дворецкаго въ Перикловомъ чертогѣ,
Гдѣ пировалъ Сократъ и поучалъ народъ
О благѣ, красотѣ и о единомъ Богѣ.
И много стоитъ вамъ и муки и трудовъ
Найти у грековъ счетъ ихъ селъ и городовъ,
Или республикъ ихъ опредѣлить доходы...
О, близкіе еще къ младенчеству народы!
Вѣдь о грамматикѣ не думали они,
А пѣли ужъ стихи великой Иліады,
И эта пѣснь жива еще по наши дни
И служитъ намъ еще, какъ ключъ въ степи, отрадой...
Я каюсь, милый мой, брани меня, ругай,
Иль дѣйствіемъ весны на разумъ объясняй,
Но мысли странныя въ умѣ моемъ рождались.
Представилъ живо я нашъ непонятный вѣкъ,
Все, что мы видѣли, чѣмъ жили, вдохновлялись
И, какъ игрушкою наскучивъ, въ быстрый бѣгъ
Отъ стараго впередъ все далѣ устремлялись;
Припомнилъ лица я, и страсти, и слова,
И вопль паденія, и клики торжества,
Что вырывалося внезапно, вдохновенно,
Что было жизнію, казалось всей вселенной,
Въ чемъ каждому изъ насъ была и роль и честь, —
И вдругъ подумалъ я—пройдетъ столѣтій шесть,
И кинется на насъ ученыхъ вереница!..
Я думалъ—Боже! какъ ихъ вытянутся лица,
Когда въ громадѣ книгъ, что нашъ оставитъ вѣкъ,
Ища съ трудомъ у насъ Сократовъ и Сенекъ,
Найдутъ какія-то печальныя замѣтки—
Сухого дерева раскрашенныя вѣтки!
Увидятъ кипы книгъ, истлѣвшія въ пыли,
Гдѣ правила ремеслъ въ науки возвели;
Тамъ сочиненіе, подъ коимъ гнется полка—
„О цѣнности вещей въ правленье Святополка".
Увидятъ, что у насъ равно оцѣнены
За остроту ума и реалистъ и мистикъ,
Тамъ цифры мертвыя безжизненныхъ статистикъ,

Романы самые статистикой полны...
Найдутъ, какъ тщился тутѣ корнесловы
Языкъ нашъ подвести подъ чуждыя оковы;
Откроютъ критиковъ и важныхъ и смѣшныхъ:
Грамматиковъ—и, ахъ! несходство между ихъ!
Историковъ идей, историковъ событій,
Историковъ моветъ, историковъ открытій...
Но, исчисляя тутъ познаній нашихъ кругъ,
Одну припомнилъ я науку, милый другъ,
И такъ захохоталъ среди ночного мрака,
Что спавшая въ сѣняхъ залаяла собака.
Вѣдь мало намъ наукъ и сложныхъ и простыхъ!
Намъ мало даже книгъ, хоть перечесть ихъ жука!
Для насъ еще нужна еще особая наука—
Исторія... чего?.. Да этихъ самыхъ книгъ!..
Но мой шутливый смѣхъ и грустію смѣнялся,
И съ горемъ пополамъ, ей-Богу, я смѣялся,
Покуда крѣпкій сонъ меня не уломалъ.
Когда жъ проснулся я, востокъ зарей сіялъ,
Летѣли облака съ зардѣвшими краями,
Какъ полчища, пройти предъ царскими очами
Готовыя на смотръ; и несся паръ сѣдой
Надъ сталью озера: земля ночнымъ морозомъ
Была окрѣплена съ подмерзнувшей травой,
И тонкій ледъ звенѣлъ, дробясь подъ ногой.
Пора ужъ двигаться ночевщикамъ-обозамъ!
Взъерошенный мужикъ ужъ вылѣзъ на крыльцо
Расправить холодкомъ горячее лицо
И мрачно чешется... Тамъ мальчуганъ лукатый
Съ просонокъ поднялся и выскочилъ изъ хаты,
И сталъ какъ Кутузовъ извѣстный у ключа...
Весь домъ задвигался, зѣвая и ворча.
Пора на рынокъ въ путь дѣвичьему чухонцу...
Телѣги тронулись... И мнѣ коня! И въ путь!
Куда?.. Куда-нибудь! Да хоть навстрѣчу солнцу!
О, радостная мощь мою подъемлетъ грудь!
Дыханье такъ свѣжо и вылетаетъ паромъ!
И мысль во мнѣ кипитъ, свѣтлѣя и горя,
Какъ будто глянула и на нее заря,
Пылающая тамъ, по небесамъ, пожаромъ!
Какъ будто кто-то мнѣ таинственно шепталъ,
Когда вчерашній бредъ я свой припоминалъ,
И „радуйся!—нѣщалъ—что ты рожденъ поэтомъ!
Пускай ученые трудятся надъ скелетомъ!

Пусть строятъ плотники науки прочный храмъ!
Мысль зданья имъ чужда,—но каждый пусть келейникъ
Несетъ соломинку на общій муравейникъ!
Ты жъ избранъ говорить грядущимъ племенамъ
За вѣкъ, за родину! Тебѣ предъ свѣтомъ цѣлымъ
Глаголомъ праведнымъ и вдохновенно-смѣлымъ
Ихъ душу возвѣстить потомству суждено!
Ученымъ—скорлупа! Тебѣ, пѣвецъ, зерно!
Въ тебѣ бьетъ свѣтлый ключъ науки вѣчно новой!
Въ тебѣ живая мысль выковываетъ слово—
Пусть ловятъ на лету грамматики его:
Оно лишь колыбель созданья твоего!
Пускай родной языкъ непризванные мучатъ,
На чуждый образецъ его ломаться учатъ,
Клеймятъ чужимъ клеймомъ и гнутъ въ свое ярмо:
Ты видишь, точно конь онъ дикій не дается
И въ пѣнѣ ярости и бѣсится, и бьется,
И силится слизать кровавое клеймо.
Но какъ онъ вдругъ дохнетъ родныхъ степей разгуломъ
Подъ ловкимъ всадникомъ! Какъ мчится по полямъ!
Вѣдь только пыль змѣею вьется по слѣдамъ,
И только полнится окрестность звонкимъ гуломъ!"

(1854).

VI.

АРЛЕКИНЪ.

Меня всю ночь промучилъ силинъ.
Передо мной къ стѣнѣ прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висѣлъ бумажный арлекинъ.
Едва хочу я позабыться—
Вдругъ арлекинъ зашевелится,
Начнетъ приплясывать, моргать,
И точно хочетъ что сказать.
Я ободрилъ его. Онъ началъ:
—У васъ мнѣ просто нѣтъ житья.
Здѣсь для дѣтей забава я,
А то ли я въ Европѣ значилъ?
Тамъ всѣ ужъ знаютъ и твердятъ,
Что нынче вѣкъ арлекинадъ.
Мы маскируемся, хлопочемъ,
Кутимъ, журируемъ, морочимъ,

И, свѣтъ волнуя и губя,
Тишкомъ смѣемся про-себя.
Но ты меня не понимаешь...
Не мудрено! Ты знаешь свѣтъ
Изъ книгъ французскихъ да газетъ;
И, вѣрно, все воображаешь,
Что арлекинъ—острякъ и шутъ,
Философъ жизни, умный плутъ,
Другъ Бахуса и всякой снѣди—
Есть вымыслъ площадныхъ комедій.
Такъ было прежде, въ старину.
Тогда насъ въ строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно... даже не одну
Услугу людямъ оказали...
Скажу не обинуясь: міръ
Впередъ мы двигали чудесно,
Когда какой-нибудь безвѣстной
Намъ роли сочинялъ Шекспиръ.
Такихъ Шекспировъ было много
Во всѣхъ родахъ. Ихъ здравый умъ
Всѣмъ и всему судья былъ строгой.
Ихъ смѣхъ былъ плодъ глубокихъ думъ...
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И къ намъ ѣзжала даже знать,
Чтобъ каламбуръ у насъ занять—
Инкогнито!.. Мы безпристрастно
Тартюфовъ ставили на смѣхъ;
Критиковали даже тѣхъ,
Кого критиковать опасно:
Извѣстный взяточникъ и воръ
Боялся насъ какъ привидѣнья;
Въ дѣлахъ правленья самый дворъ
Насъ принималъ въ соображенье.
А шарлатановъ-докторовъ,
Сластолюбивыхъ старичковъ,
И легкихъ модниковъ-аббатовъ,
Скупцовъ и плутовъ-адвокатовъ,
Старухъ—охотницъ до интригъ—
Держалъ въ острасткѣ нашъ языкъ
Такъ въ нашемъ смѣхѣ и злословьѣ
Нашли орудье короли,
Чтобъ соръ мести съ лица земли;

И насъ любили всѣ сословья:
Въ насъ силы наша болтовня
Возобновляла, какъ лѣкарство,
Тѣмъ въ равновѣсіи храня
Всѣ элементы государства.
Плѣнясь критическимъ умомъ
И нашей рѣчи бойкой солью,
Насъ свѣтъ иной, важнѣйшей ролью
Рѣшился наградить потомъ.
„Вы гнать умѣете пороки,—
Сказалъ,—подайте же вы намъ
Высокой мудрости уроки!
Какъ дѣти вѣримся мы вамъ.
Всей государственной машинѣ
Вы чудный сдѣлали разборъ—
Такъ перестройте жъ насъ вы нынѣ—
Да новый міръ пойдетъ съ сихъ поръ!"
Въ насъ умъ всегда былъ смѣлъ и скоръ.
Въ мигъ плавъ готовъ—и ухватились
За грудъ съ увѣренностью мы.
Мы къ той порѣ ужъ поучились,
И наши бойкіе умы
Ужъ въ философію пустились;
Пьеро надѣлъ уже парикъ,
И точно—царь былъ въ царствѣ книгъ!
И мы пошли ломать. Трещало
Все, что построили вѣка...
Грядущее издалека
Намъ средь руинъ зарей сіяло...
Но вдругъ средь нашихъ сладкихъ сновъ,
Средь нашихъ пламенныхъ теорій—
Мы слышимъ черни ярый ревъ:
Какъ будто вдругъ изъ береговъ,
Бушуя, выступило море!..
Мы въ ужасѣ глядимъ кругомъ,
И что жъ? Какъ демоны въ потемкахъ,
Одни стоимъ мы на обломкахъ;
Добро упало вмѣстѣ съ зломъ!
Всѣ наши пышныя идеи
Толпа буквально поняла,
И ужъ кровавые трофеи,
Вопя, по улицамъ влекла...
Но это все тебѣ извѣстно;
Ты знаешь, какъ одни изъ насъ,

Противу черни ополчась,
Погибли праведно и честно;
Но ты не знаешь одного—
Что многимъ голову вскружило
Господство, власть и торжество,
А съ тѣмъ и деньги... Да, мой милой!
Кто разъ ужъ сладко ѣлъ и пилъ,
Тотъ аппетитъ ужъ наострилъ!
Мы взять попробовали силой—
Да не смогли: „Ну, такъ постой,—
Мы думали:—народъ пустой!
Подобье вѣчное Сатурна!
Мы какъ-нибудь найдемъ лафу
И такъ поддѣнемъ, на фу-фу!
Половимъ рыбки: море бурно!..
Міръ самъ пойдетъ своимъ путемъ,—
А мы съ него свое возьмемъ—
И вотъ какъ: рѣшено, что дурно
Все старое, какъ сгнившій плодъ;
Ну, такъ возьмемъ наоборотъ—
Переверпемъ все наизнанку;
Взболтаемъ цѣлый міръ какъ склянку—
Чему на днѣ быть—упадетъ,
Чему вверху—на верхъ всплыветъ!..
То, что считалось безобразнымъ,—
Мы совершенствомъ назовемъ;
Что искони казалось грязнымъ,
Мы въ томъ высокое найдемъ...“
Но, впрочемъ, эти штуки мелки,
И занимаютъ лишь дѣтей
Литературныя продѣлки.
Тутъ были вещи покрупнѣй.
Притомъ у насъ литература
Была неважная фигура.
Одинъ слезами тѣшилъ дуръ,
Другой ругался черезчуръ,
Такъ что открылась штука эта,
И міръ смекнулъ, стряхнувши сплинъ,
Что въ маскѣ чахлаго поэта
Румяный крылся арлекинъ.
Нѣтъ, вотъ гдѣ болѣе отваги!
Смотри-ка, дерзость какова!
Мы появились какъ маги.
Вѣщали чудныя слова;

Со всѣмъ величіемъ пророка
Провозглашали: „Нѣтъ порока!
Для плоти наступилъ свой вѣкъ!
Стыдъ, совѣсть—робкихъ душъ тревога!
Въ страстяхъ познайте голосъ бога,
И этотъ богъ—есть человѣкъ!..»
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецовъ, а особливо жрицъ
Изъ женъ, скучающихъ мужьями,
И неутѣшенныхъ вдовицъ.
Въ своемъ безсовѣстномъ ученьѣ
Открывъ всѣмъ мерзостямъ прощенье,
Пустили по-свѣту гулять
Мы Мессалинъ и Донъ-Жуановъ,
И куча мелкихъ партизановъ
Пошли ихъ роль перенимать.
Они взялись за дѣло прочно
И, предъ испуганной толпой,
Плевали, съ наглостью тупой,
Въ лицо весталки непорочной,
Имъ недоступной, имъ чужой!
Прикрывши граціей безстыдство,
Они всѣмъ блескомъ сибаритства
Ловили въ сѣти и дѣтей,
Ихъ развращая въ цвѣтѣ дней...
Тутъ было чистое злодѣйство,
Но наши новые жрецы
Втирались въ мирныя семейства
И утучнялись какъ тельцы...
Но все же этимъ аферистамъ
Не такъ продѣлка удалась,
Какъ арлекинамъ-журналистамъ.
Въ нихъ оцѣнить ты можешь насъ..
Вотъ знаютъ, гдѣ и какъ ударить!
Вотъ мастера-то, чортъ возьми!
Насчетъ умовъ въ карманахъ шарить
И слыть честнѣйшими людьми!
Сбирая дани съ музъ и граній
Натурой, дѣньгой, тѣмъ и тѣмъ,
Они для вѣрныхъ спекуляцій
Какихъ ни строили системъ!
Ужъ въ чемъ другихъ ни увѣряли,
Не вѣря ровно ничему!

Казалось всѣмъ—они лишь знали,
Что̀ неизвѣстно никому.
Родъ человѣческій такъ падокъ
Вѣдь на таинственность: они,
Какъ сфинксы, полные загадокъ,
Являлись черни въ оны дни!
Отъ нихъ услышать голосъ Божій
Къ нимъ собирался толпы
Великодушной молодежи,
Чуть не цѣлуя ихъ стопы.
И сфинксъ, въ нихъ разжигая страсти,
Себѣ прокладывалъ въ тиши
На ихъ плечахъ дорогу къ власти
И съ благородства ихъ души
Сбиралъ тихонько барыши.
Такъ шарлатанствомъ и коварствомъ
Опять вступили мы въ почетъ,
Опять правленье государствомъ
Вручилъ намъ вѣтреный народъ,—
И—мы попали въ депутаты...
О, если бъ видѣлъ ты палаты!
Вотъ маскарадъ-то! Шумъ и гамъ!
Куда ни взглянешь—тутъ и тамъ
Все арлекинъ на арлекинѣ
Въ патріотической личинѣ!..
Ну, тутъ пошелъ такой кутежъ,
Что ужъ теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Имъ обѣщая дать уставъ,
Какъ жать не сѣявъ, не пахавъ.
Хоть, правда, два-три человѣка
Наладить думали ходъ вѣка,—
Да гдѣ имъ? Главная-то часть
Была у насъ—казна и власть,
Въ рукахъ—голодной черни стая,
Толпа фанатиковъ слѣпая
Да бѣглецы со всей земли.
Такъ мы въ республику сыграли,
Потомъ имперію создали,
Въ парламентъ англійскій вошли...
И два враждебные народа,
Сдруживъ для Крымскаго похода,
На помощь туркамъ повели...

Все бъ это ничего, конечно,
Когда бы въ то, что мы творимъ.
О чемъ мы пишемъ и кричимъ,
Мы вѣрили чистосердечно,—
Нѣтъ, вѣры нѣтъ въ насъ на алтынъ!
Вѣдь смѣхъ: почтенный господинъ
Громитъ съ трибуны—плещутъ массы,
А подо всѣ его возгласы
Въ душѣ витіи арлекинъ
Толпѣ коверкаетъ гримасы!
Я самъ... Да что и поминать!
Увы! Nessun maggior dolore,
Какъ вспоминать про счастье въ горѣ!
Насъ стали тамъ ужъ понимать.
Народъ—не тотъ, что пьетъ и пляшетъ,
А тотъ, который жнетъ и пашетъ,
Сталъ дѣло, кажется, смекать;
А этихъ пахарей печальныхъ,
Отцовъ семействъ патріархальныхъ,
Возросшихъ средь лѣсовъ и горъ
Мы очень трусимъ съ давнихъ поръ...
Къ тому жъ еще ударъ жестокой:
Оскорблена въ душѣ высокой,
Ужъ видитъ наша молодежь,
Что силы, умъ ея, здоровье
Погибли, защищая ложь,
Въ великолѣпномъ пустословьѣ:
И многіе въ душѣ своей
Даютъ обѣтъ—отъ критиканства,
Отъ пустоты и шарлатанства
Предохранить своихъ дѣтей...
Я думалъ—ужъ не далъ ли тягу
Да здѣсь въ Россіи покутить...
Но какъ наказанъ за отвагу!
Не знаю, какъ и пережить!
Вѣдь вы одни для насъ и грозны.
Вы слишкомъ вообще серьезны.
Я здѣсь безъ вѣсу, безъ гроша.
Иначе тѣшится Россія!
У ней и въ смѣхѣ есть душа
И въ шуткахъ—думы вѣковыя!
У васъ есть вѣра въ нашу Русь—
А вѣдь и камни движетъ вѣра!
Нѣтъ, я ошибся. Признаюсь,

Ужъ вотъ урокъ-то! Вотъ карьера!
Мальчишка дергаетъ шнурокъ,
А я и прыгай что̀ есть ногъ,
Пока не пуститъ онъ шнурочка!..
Послушай, сжалься надо мной!
Пусти меня! Сними съ гвоздочка!
Мнѣ, право, надобно домой!
Идетъ къ концу арлекинада—
Такъ приготовиться мнѣ надо
Собой украсить мавзолей
Великихъ тамошнихъ людей.
(1854).

VII.

Уйди отъ насъ! Языкъ твой насъ пугаетъ!
У насъ сердецъ восторженный порывъ
Передъ твоимъ бездушьемъ замираетъ—
Ты желченъ, золъ, самолюбивъ...
Межъ тѣмъ какъ мы, изъ жизненнаго мрака,
Стряхнувши прахъ вседневной суеты,
Вступаемъ въ царство свѣта,—сзади ты
За икры насъ кусаешь, какъ собака.
1852.

VIII.

(Отрывокъ).

Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами осыпалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну;
И каждый повторялъ, съ слезами на глазахъ:
„Да, чувства добрыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ!
Но вдругъ среди толпы ужасный крикъ я внемлю...
То наземь кинулся какъ жердь сухой старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю,
И пѣну ярости точилъ его языкъ
Его никто не зналъ. Но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старый клеветникъ,
Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за пѣвцомъ, не смолкли и у гроба,
Дерзая самый судъ потомства презирать.
И вотъ, поднявшися и бормоча безъ связи,

На холмъ могильный сталъ кидать онъ комья грязи;
Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать.
Но Вождь мой удержалъ. „Вашъ гнѣвъ пѣвца обидитъ“,
Сказалъ: „Стекайтеся, какъ прежде, совершать
Поминки надъ пѣвцомъ и гробъ его вѣнчать,
А сей несчастный—пусть живетъ и видитъ!“

1855.

IX.

НА СМЕРТЬ М. И. ГЛИНКИ.

Еще печаль! Опять утрата!
Опять вопросъ въ душѣ заныл
Надъ прахомъ бѣднаго собрата:
Куда жъ онъ шелъ? Зачѣмъ онъ жилъ?

Ужель затѣмъ, чтобъ сердца муки
На пѣсни намъ перевести,
Намъ дать въ забаву эти звуки
И неразгаданнымъ уйти?..

Я эти звуки повторяю—
Но пѣснямъ, милымъ съ давнихъ дней,
Уже иначе я внимаю...
Онѣ звучатъ уже полнѣй...

Какъ будто въ нихъ теперь всецѣло
Вошла, для жизни безъ конца,
Душа, оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца.

1857.

X.

ЭОЛОВЫ АРФЫ.

Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненныхъ тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчатъ онѣ, молчатъ, какъ арфы, въ этотъ зной!..
Но, если бъ мимо ихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ—
Навстрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими бъ звуками откликнулись онѣ!..

1856.

XI.

Какъ чудныхъ странниковъ сказанья
Про дальніе края,
О прошлыхъ дняхъ воспоминанья
Въ душѣ читаю я...

Какъ сонъ блестящій, вижу горы,
Статуи, рядъ дворцовъ,
Рѣзные, темные соборы
Старинныхъ городовъ...

Гремятъ веселые напѣвы
За дружескимъ столомъ;
Въ златомъ туманѣ идутъ дѣвы
Подъ розовымъ вѣнкомъ...

Но клики пира, дѣвъ улыбки
Меня не веселятъ,
И прежде милыя ошибки
Соблазномъ не манятъ...

Иного счастья сердце проситъ...
Ужъ изъ знакомыхъ водъ
Въ иныя воды вѣтеръ вноситъ
Мой челнъ; волна реветъ;

Кругомъ угрюмѣй видъ природы,
И звѣздъ иныхъ огнемъ
Небесъ таинственные своды
Осыпаны кругомъ...

Къ нимъ такъ и тянетъ взоръ мой жадный,
Но ихъ спокойный видъ,
Ихъ блескъ холодный, безотрадный
Мнѣ душу леденитъ!

За все, чѣмъ прежде сердце жило,
Чѣмъ билось, я дрожу,
И въ даль туманную уныло,
Оставивъ руль, гляжу,—

И не садится ангѣлъ бѣлый
Къ рулю въ мой утлый челнъ,
Какъ въ оны дни, когда такъ смѣло
Онъ велъ его средь волнъ...

1857.

XII.

Когда, гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И заодно съ нимъ рвется въ небеса...

1857.

XIII.

ФИЛАНТРОПЫ.

Они обѣдали отлично:
Тепло вращается ихъ кровь,
И къ человѣку безграничню
Ихъ разгорѣлася любовь.

Они—и мухи не погубятъ!
И— дай Господь имъ долги дни!—
Мнѣ даже кажется, что любятъ
Другъ друга искренно они!

1853.

XIV.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Опрятный домикъ... садъ съ плодами...
Бесѣдки, грядки, цвѣтнички...
И все воздѣлываютъ сами
Мои сосѣди-старички.

Они умѣютъ достохвально
Соединить въ своемъ быту
И романтизмъ сентиментальный
И старыхъ нравовъ простоту.

Полна высокихъ чувствъ святыней
И не растративъ ихъ въ глуши,
Старушка вѣруетъ и нынѣ
Въ любовь за гробомъ, въ жизнь души.

Чужда событій чрезвычайныхъ,
Вся жизнь ея полна была
Самопожертвованій тайныхъ
И угожденій безъ числа.

Пучки цвѣтовъ, вѣнки сухіе
Хранятся въ комнатѣ у ней;
Она святитъ въ нихъ дорогія
Воспоминанья прошлыхъ дней.

Порою въ спальню къ дочкѣ входитъ;
Рукою свѣчку заслоня,
Глядитъ и плачетъ... и приводитъ
Себѣ на память, день отъ дня,

Все прожитое... тамъ все ясно!
О чемъ же сѣтуетъ она?
Иль въ сердцѣ дочери прекрасной
Она читаетъ и сквозь сна!

Старушка мучится сомнѣньемъ,
Что чуждъ для дочки отчій кровъ,
Что дочь съ упрямымъ озлобленьемъ
Глядитъ на ласки стариковъ;

Что въ ней есть странная забота...
Отсталый лебедь—точно ждетъ
Свободной стаи перелёта,
И кликъ заслышитъ—и вспорхнетъ!..

Но не вспорхнетъ она на небо!
Ужъ демонъ вѣка ей шепталъ,
Что жизнь—не мука ради хлѣба,
Что красота есть капиталъ!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи очей,
За ней слѣдящихъ въ шумѣ бала,
Какъ за царицей бальныхъ фей...

Полночный пиръ... шальныя рѣчи...
Бокалы въ дребезги летятъ...
Покровы прочь! Открыты плечи,
Язвитъ и жжетъ прекрасной взглядъ—

И передъ нею на колѣняхъ
Толпа вельможъ и богачей
Въ мольбахъ неистовыхъ и пѣнихъ—
И сыплютъ золото предъ ней!

Уйди, старушка!.. Богъ во гнѣвѣ
Шлетъ бичъ намъ въ дѣтищѣ твоемъ
За попеченье лишь о чревѣ,
И зло караетъ тѣмъ же зломъ!

Великолѣпные чертоги
Твою возлюбленную ждутъ:
Къ ней вѣка денежные боги
На поклоненіе прійдутъ.

И—осмѣявшіе стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнаютъ жгучія мученья
Въ крови родившихся страстей!

И будутъ, млѣя въ жаждѣ страстной,
Искать божественной любви
Подъ этой маской вѣчно ясной,
Подъ этой граціей змѣи!

Напрасно! Нѣтъ!.. одинъ ужъ лопнетъ,
Другой пойдетъ открыто красть,
Острогъ за третьимъ дверь захлопнетъ,
Кто пулю въ лобъ... благая часть!

Одна владычица ихъ міра—
Она лишь блескомъ залита...
Спокойный профиль... взглядъ вампира...
И неподвижныя уста...

1857.

XV.

СТАРЫЙ ХЛАМЪ.

Въ мебельной лавчонкѣ, въ старомодномъ хламѣ,
Старые портреты въ полинялой рамѣ.

Все-то косы, пудра, мушки и румяны,
Черезъ плечи ленты, съ золотомъ кафтаны:

Дней давно минувшихъ знатные вельможи—
Полны и дородны, жиръ сквозитъ подъ кожей.

Между ними жены съ лебединой шеей:
Грудь впередъ какъ панцырь, мрамора бѣлѣе.

Волосы горою надъ челомъ ихъ взбиты,
Перьями, цвѣтами пышно перевиты...

И во всѣхъ-то лицахъ выразилъ искусно
Гордость ловкій мастеръ... И смѣшно и грустно!

Кто они такіе? Этихъ лицъ не видно
Въ пышныхъ галлереяхъ, гдѣ почетъ завидной
Вѣкъ нашъ предкамъ добрымъ воздаетъ исправно,
Гдѣ живутъ въ портретахъ старины недавной
Главные актеры, главныя актрисы...
Эти жъ, видно, были вѣку лишь кулисы!
Высшихъ потѣшали пошлымъ обезьянствомъ,
Низшихъ угнетали мелочнымъ тиранствомъ;
А сошли со сцены—всѣмъ вдругъ стали чужды,
И до ихъ портретовъ никому нѣтъ нужды,
И стоятъ у лавки, точно какъ привратникъ,
Старая кокетка, вѣтреный развратникъ!..
Но—вотъ ликъ знакомый, и свѣжѣе краски...
Скоро жъ до печальной дожилъ онъ развязки!
Грубо намалеванъ—а вѣдь образъ чудный!
И его никто-то, въ часъ развязки трудной,
Не сберегъ отъ срама,—и свезенъ жидами
Онъ съ аукціона вмѣстѣ съ зеркалами!..
Крышку ль надъ прекрасной гробъ уже захлопнулъ?
Биржа ль измѣнила? Откупъ, что ли, лопнулъ?..
Въ Римѣ и Аѳинахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтреныя жрицы пламенной Киприды;
Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
И у нихъ Сократа розами вѣнчали...
Злая Мессалина, въ дикомъ сладострастьѣ,
Въ Вандалѣ косматомъ обнимала счастье...
Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
Чужды Мессалинамъ страстные восторги;
Черезъ нихъ карьеру созидаютъ франты,
И связей и денегъ ищутъ спекулянты...
Узнаю въ портретѣ этомъ я торговку!
Врядъ ли разрѣшала страсть у ней шнуровку;
Но она не мало жертвъ съ сумой пустила
И еще робѣвшихъ воровать учила!
Помню я, бывало, какъ сидитъ въ театрѣ,
Ей партеръ дивится точно Клеопатрѣ;
Плечи восковыя, голова Медеи,
Смоляныя косы сплетены какъ змѣи;
Руку на колѣнихъ на руку сложивши,
Смотритъ исподлобья, губу закусивши,

И изъ полумрака, въ углубленьѣ ложи—
Точно выбираетъ жертву въ молодежи—
Такъ вотъ и казалось—кипится тигрица!..
Не любви, а денегъ жаждала блудница!

1856.

XVI.

ОНЪ И ОНА.

(Четыре картины).

1.

Давно ль была она малютка,
Давно ль вся жизнь ея была
Лишь смѣхъ, да бѣганье, да шутка,
Какъ сонъ легка, какъ май свѣтла?
И вотъ—ласкаясь и безгласно,
Она глядитъ ему въ глаза
Съ такой довѣрчивостью ясной,
Какъ смотрятъ дѣти въ небеса.
А онъ, ребенокъ милый вѣка,
Лепечетъ вдохновенно ей
Про назначенье человѣка,
Про блескъ и славу нашихъ дней,
Про пальмы свѣтлаго Востока,
Про Рафаэлевыхъ Мадоннъ;
Но о любви своей намека
Не смѣетъ выговорить онъ.
Ихъ милый лепетъ, ихъ мечтанья
Порой подслушиваю я—
И точно розъ благоуханье
Пахнетъ внезапно на меня.

2.

Гремитъ оркестръ, вино сверкаетъ
Предъ новобрачною четой,
Счастливецъ-мужъ въ толпѣ сіяетъ
И сѣдинами и звѣздой.
На молодой—горятъ алмазы;
Блестящій свѣтъ у ногъ ея;
Картины, мраморы и вазы—
Все ей гвердитъ: здѣсь все твое.

И зажигается румянецъ
Въ ея лицѣ, и вдругъ она
Летитъ безумно въ шумный танецъ,
Какъ бы очнувшись ото сна—
Всѣ рукоплещутъ!.. Имъ не слышно,
Изъ нихъ никто не угадалъ,
Что въ этотъ мигъ отъ дѣвы пышной
На небо ангелъ отлеталъ!
И, улетая, безотрадно
Взиралъ на домикъ, гдѣ дрожитъ
Сожженныхъ писемъ пепелъ хладной,
Гдѣ о слезахъ все говоритъ!

3.

Онъ снесъ ударъ судьбы суровой,
Тоску любви онъ пережалъ;
Въ сухомъ трудѣ для жизни новой
Онъ зачерпнулъ отважно силъ...
И вотъ—идетъ онъ въ блескѣ власти,
Весь въ холодѣ правды облеченъ;
Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живетъ одинъ законъ.
Его ничто не возмущаетъ:
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
Во имя буквы онъ караетъ
Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ...
И если вдругъ, какъ стонъ въ пустынѣ
Какъ кликъ невѣдомой борьбы,
Отвѣтитъ что-то въ немъ и нынѣ
На вопль проклятья и мольбы—
Онъ вспомнитъ все, что прежде было,
Любви и вѣры благодать,
И ту, что сердце въ немъ убила—
И проклянетъ ее опять!

4.

Какъ перелетныхъ птичекъ стаи
Встрѣчать весну у теплыхъ водъ,
Готова въ путь толпа густая.
Ворча, дымится пароходъ.
Средь бѣготни, подъ смѣхъ и горе,
Смягчаютъ мигъ разлуки злой

И солнца блескъ, и воздухъ съ моря,
И близость воли дорогой.

Но вотъ среди блестящей свиты
Жена прекрасная идетъ:
Лакей, весь золотомъ залитый,
Предъ ней расталкивалъ народъ...

И всѣ сторонятся съ молчаньемъ,
Съ благоговѣйною душой,
Предъ осіянною страданьемъ
И міру чуждой красотой.

Какъ будто смерти тихій геній
Надъ нею крылья распростеръ,
И намъ невѣдомыхъ видѣній
Ея духовный полонъ взоръ...

Свистя, на палубу змѣею
Канатъ откинутый взвился,
И надъ качнувшейся волною
Взлетѣла пыль отъ колеса.

Она на берегъ уходящій
Едва глядитъ; въ туманѣ слезъ
Уже ей виденъ Югъ блестящій,
Отчизна миртовъ, царство розъ;

Но этотъ темный миртъ уныло,
Подъ гнетомъ каменнаго сна,
Стоитъ надъ свѣжею могилой,
И въ той могилѣ спитъ она—

Одна, чужда всему живому,
Какъ бы на казнь обречена—
За то, что разъ тельцу златому
На мигъ повѣрила она.

1857.

XVII.

ПРИДАНОЕ.

По городу плачъ и стенанье...
Стучитъ гробовщикъ день и ночь...
Еще бы ему не работать?
Просваталъ красавицу-дочь!

Сидитъ гробовщица за крепомъ
И шьетъ,—а въ глазахъ, какъ узоръ,

По черному такъ и мелькаетъ
Въ цвѣтахъ подвѣночный уборъ.
И думаетъ: „Справлю къ невѣсту,
Одѣну се, что̀ княжну—
Княженъ повидали мы вдоволь—
На-дняхъ хоронили одну;
Все розаны были на платьѣ,
Почти подъ вѣнцомъ померла:
Такъ, въ брачномъ нарядѣ, и клали
Во гробъ-то... красотка была!
Одѣнемъ и Глашу не хуже,
А въ церкви всѣ свѣчи зажжемъ;
Подумаютъ: графская свадьба!
Ужъ въ грязь не ударимъ лицомъ!..“
Мечтаетъ старушка—у двери къ
Звонокъ за звонкомъ... „Ну, житье!
Заказовъ-то—Господи Боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!“

1839.

XVIII.

ДРУГУ ИЛЬѢ ИЛЬИЧУ.

Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю
Гордиться дружбою высокою твоею,
Позволь воспѣть звѣзду всходящую твою!
Покинешь скоро ты друзей своихъ, семью,
И потеряешься для нихъ въ сіяньи свѣта—
Недосягаемомъ для бѣднаго поэта!
Позволь мнѣ хоть сказать, какъ я люблю тебя,
Какъ милъ ты мнѣ, когда, гаванскій дымъ клубя,
Прихлебывая, пьешь ликеръ ты благовонный
Иль сельтерской водой клико остепененный;
И въ этотъ сладкій часъ, между ѣды и картъ,
Въ бюрократическій приходишь вдругъ азартъ
И перестроивать, съ верховъ до основанья,
Все заново начнешь общественное зданье!
О, какъ мы слушаемъ! Какъ нашъ ученый Шмитъ—
Сей нигилистовъ бичъ—отъ счастія пыхтитъ!
А юный правовѣдъ—сей баловень фортуны—
Какъ будто ловитъ онъ рѣчей своихъ перуны
И прячетъ ихъ въ карманъ, чтобъ ими, можетъ-быть,
Въ бумагахъ дѣловыхъ эффектно погромить!
А Петръ Петровичъ! Титъ Ѳомичъ! И я-то, грѣшный,

Мы тасиъ, учимся, и, вѣрь—не безуспѣшно!
Какіе новые пружины и винты
Въ гражданскій механизмъ искусно вводишь ты!
Какой изъ рукъ твоихъ, въ жизнь дикаго народа,
Ручной голубкою влетѣла бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софѣ,
И вижу, что и я, въ особенной графѣ,
Въ теоріи твоей стою, и такъ же точно
Всѣ—пирамидою, осмысленно и прочно,
Сложились шестьдесятъ милліоновъ русскихъ душъ!
И какъ мы всѣ цѣнимъ! О, Богомъ данный мужъ!
Все—даже дикая, шальная эта дура,
Вдругъ стала умницей такой—литература!
Не бьетъ изъ пустяковъ отчаянно въ набатъ,
А стала вѣжливо указывать разврат,
И можетъ господинъ солидный преспокойно
Дать все читать женѣ и дочкѣ—все пристойно!..
Мнѣ даже кажется, что стали наѣзжать
Ужъ нѣмцы къ намъ твое созданье изучать,
Дивясь, какой судьбой на „свинской“ почвѣ русской
Вдругъ стало пахнуть все вдаліи французской!
Конечно, иногда меня смущаетъ тутъ
Одно сомнѣніе: народецъ русскій—плутъ!
Не споритъ никогда, но всюду, какъ по стачкѣ,
Какъ въ яму спустить вдругъ, глядишь, по одиночкѣ,
Созданья лучшія ученѣйшихъ головъ,
И какъ ты ни пиши, что съ нимъ ни трать ты словъ,—
Онъ отъ тебя бѣжитъ подъ сѣнь роднаго мрака,
Какъ отъ нѣмецкаго намордника собака!
Но ты—ты сладишь съ нимъ... вотъ только бъ проложить
Тебѣ тропинку-то!.. Вотъ только бъ обратить
Вниманье... знаешь... тамъ!.. Лишь тамъ бы захотѣли
Понять твои мечты, способности и цѣли!
Тогда бъ ты сладилъ, да! Вѣдь ты не то, что былъ,
Ну, хоть твой папенька!.. Ахъ, вижу, разсмѣшилъ
Тебя сравненьемъ я! Хохочешь?.. Слава Богу!
Мнѣ лестно! Очень! Да!.. Вспадетъ же на языкъ!
И въ самомъ дѣлѣ былъ забавный онъ старикъ!
Полжизни на плацу вытягивалъ онъ ногу,
Былъ губернаторомъ, здѣсь чѣмъ-то управлялъ...
Застегнутъ, вытянутъ, какимъ-то декобразомъ
Старался выступать—казалось, свѣтъ вотъ разомъ
Пугать всегда хотѣлъ—и вовсе не пугалъ!
Въ немъ, знаешь, не было—руководящей нити...

А ты—учтивъ всегда, безъ этой лишней прыти,
И, не поморщивъ бровь, сгонишь со двора
Безъ объясненія, лишь почеркомъ пера,
Всѣхъ этихъ паріевъ и самоукъ несчастныхъ,
Съ великой мыслію твоею несогласныхъ!
Не слушаешь мольбы ни женъ ихъ ни дѣтей...
А папенька? Снѣшно и вспомнить-то, ей-ей!
Воришку мелкаго, на сотенномъ окладѣ,
Бывало, призоветъ, кричитъ, самъ весь въ надсадѣ,
Раздавитъ, кажется... Анъ смотришь, покричитъ—
И самъ расплачется, да тутъ же и проститъ!
Закона—не любилъ! Его боялся даже,
Всегда въ немъ видѣлъ то, противъ чего на стражѣ
Быть должно всякому, и, встрѣтясь съ нимъ въ пути,
Съ нимъ только вѣжливость старался соблюсти...
Вотъ въ чемъ все горе-то! Въ мундиръ весь вѣкъ рядился,
Но сквозь мундиръ его халатъ всегда сквозился!..
Вотъ ты,—такъ и въ пальто, безъ звѣздъ и безъ крестовъ,
А точно, кажется (я, впрочемъ, это слышалъ
Отъ маменьки твоей), на свѣтъ въ мундирѣ вышелъ!
Конечно, память твой рара у стариковъ
Оставилъ добрую—и ставятъ предъ иконы
И нынче за него свѣчу; но, милый мой,
Тебя благословятъ—не тотъ и не другой,
Не Прохоръ, не Кузьма, не Сидоръ,—а мильоны!
И пусть кричатъ слѣпцы: ты деспотъ! ты тиранъ!
Не слушай! Это толкъ распущенныхъ славянъ,
Привыкшихъ къ милостямъ и грозамъ деспотизма!
Тиранъ ты—но какой? Тиранъ либерализма!
А съ этимъ можешь ты—все будетъ міръ прощать—
Не только вороха бумаги исписать,
Но, тиская подъ прессъ свободы,—половину
Всего живущаго послать на гильотину!

1862—64.

XIX.

ПРАЗДНОСЛОВЫ.

Кумиры старые разбиты
И ихъ разогнаны жрецы,
И разныхъ вѣръ сошлись левиты
И разныхъ толковъ мудрецы.

Сошлись во всеоружьѣ бранномъ,
Въ тіарахъ, въ пудрѣ, въ колпакахъ,
Востокъ и Западъ въ братствѣ странномъ
Усѣлись рядомъ на скамьяхъ.
И толкъ пошелъ—широко, пышно.
Но съ каждымъ мигомъ все сильнѣй,
И наконецъ уже не слышно
Совсѣмъ за криками рѣчей:
Другъ друга каждый лишь порочитъ
И громко бога своего
На мѣсто свергнутаго прочитъ.
И счастья ждетъ лишь отъ него...
А міръ, отъ свѣта вѣковаго
Межъ тѣмъ свободный, засіялъ,
И прыснутъ жизнь вездѣ готова,
И листъ ужъ почку завязалъ...
И туча пыли, мглы и смрада
Ушла съ ликующихъ небесъ,
И зданья новаго громада
Стоитъ ужъ, полная чудесъ...
И передъ Тѣмъ, Кто далъ спасенье,
Предъ Кѣмъ разодралася тьма—
Уже встаетъ изъ разрушенья,
Живая, Истина сама...
Но, хоть у всѣхъ глаза открыты,—
Ея не узрятъ гордецы,
И не поймутъ ея левиты,
И не узнаютъ мудрецы!

1864.

VII.

ФАНТАЗІИ.

I.

РОЗЫ.

Вся въ розахъ—на груди, на легкомъ платьѣ бѣломъ,
На черныхъ волосахъ, обвитыхъ жемчугами,—
Она покоилась, назадъ движеньемъ смѣлымъ
Отвинулъ голову съ открытыми устами.
Сіяло чудное лицо живымъ румянцемъ...
Остановился балъ, и музыка молчала,
И—соблазнительнымъ ошеломленный танцемъ
Я, на другомъ концѣ блистательнаго зала,
Съ красавицею вдругъ очами повстрѣчался...
И—какъ и отчего, не знаю!—мнѣ въ мгновенье
Сорренто голубой заливъ нарисовался,
Пестумскій красный храмъ въ туманномъ отдаленьѣ,
И вилла, садъ и міръ временъ гораціанскихъ...
И по заливу вдругъ, на золотой галерѣ,
Плыветъ среди толпы невольницъ африканскихъ,
Вся въ розахъ—Лидія, подобная Венерѣ...
И что жъ? Обманутый блистательной мечтою,
Почти съ признаніемъ очнулся я отъ грезы
У ногъ красавицы... Ахъ, вы всему виною,
О, розы Пестума, классическія розы!..

1857.

II.

РАЗМѢНЪ.

„Нѣтъ! Прежней Нины нѣтъ! Когда я застаю,
Опомнясь вдругъ, себя предъ образомъ лежащей,
Молиться жаждущей, но словъ не находящей,
И чувствую, какъ жжетъ слеза щеку мою,
И наболѣла грудь, тоскуя въ жаждѣ знойной,—
Я прежней дѣвочки, безпечной и спокойной,
Въ себѣ не узнаю!

„Я все ему—все отдала ему!
Онъ, бѣдный, чахъ душою безнадежной!
Не вѣрилъ онъ, покорный лишь уму,
Въ возможность счастія, въ возможность страсти нѣжной...

„Онъ все—мои мечты, мой чистый идеалъ,
И сердце, склонное къ блаженству и надеждѣ—
Какъ бы свое, потерянное прежде,
Сокровище нашелъ во мнѣ—и взялъ!..

„Взамѣнъ онъ далъ мнѣ, что его томило:
Сомнѣнія, и слезы, и печаль...
Но я не плачу, нѣтъ! Мнѣ ничего не жаль,
Лишь только бъ то, что было мнѣ такъ мило,
Что взялъ онъ у меня—ему во благо было..."

1852.

III.

ВИХРЬ.

(Отрывокъ).

Полонъ черныхъ думъ, я въ полѣ проходилъ,
И вдругъ, среди истомы и тревоги,
Неистовымъ настигнутъ вихремъ былъ.
Средь тучи пыли, поднятой съ дороги,
Древесные кружились листы,
Неслись снопы, разметанные стоги,
Деревьевъ вѣтви, цѣлые кусты.
Стада, блея и головы понуря,
Помчались; ревъ и вой средь темноты
Такой поднялся, что, глаза зажмуря,
Я побѣжалъ и думалъ, что разбить
Иль вымести хотѣла землю буря.
Мгновенно думъ моихъ порвалась нить.
Попавши въ кругъ и силясь напрасно
Запорошенные глаза открыть,
Я вспомнилъ Дантовъ адскій вихрь ужасный,
Который гналъ, крутя, какъ листъ въ лугу,
Тѣней погибшихъ вѣчно сонмъ злосчастный.
И что же? Вдругъ я слышу на бѣгу,
Что не одинъ я схваченъ адской кручей
И волочусь въ безвыходномъ кругу.
На мигъ открывъ глаза, сквозь вихорь жгучій,
Я множество узрѣлъ головъ и лицъ,

Одежд, какъ парусъ бившихся летучій,
Взбѣсившихся коней, въ пыли возницъ,
Дѣтей и женщинъ, подымавшихъ руки
Изъ-подъ колесъ разбитыхъ колесницъ.
Лишь по устамъ, открытымъ въ страшной мукѣ,
Я понималъ, что всѣ они вопятъ,
Но вихорь вырывалъ изъ устъ ихъ звуки,
И мчалъ онъ ихъ, какъ щепки водопадъ...
Я вдругъ попалъ въ затишье за скалою,
И провожать бѣгущихъ могъ мой взглядъ.
И видѣлъ я: тяжелою стопою,
Какъ мчатся въ страхѣ по полю быки,
И между нихъ телята — хвостъ строкою —
Бѣжали юноши и старики.
Надъ ними вихрь кружилъ листы бумаги
И рвалъ съ головъ сѣдые парики...
Педантовъ вмигъ узналъ я въ сей ватагѣ:
Ихъ жалкій кругъ когда-то охранялъ
Наукъ святыню и, въ слѣпой отвагѣ,
Дорогу къ ней народу преграждалъ...
За ними вслѣдъ—исчадье канцелярій —
Дѣльцовъ, пройдохъ печальный сонмъ бѣжалъ...
Тутъ были моисовъ морды, волчьи хари,
И головы ушастыхъ лошаковъ,
И Зевсъ міровъ подьяческихъ, и царій.
Ихъ точно гналъ незримый рой бѣсовъ.
Одинъ толстякъ упалъ, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльныхъ облаковъ,
То внизъ, то вверхъ кидалъ, какъ мячъ шмыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, какъ вампиръ, его кусая:
Онъ билъ ее, зубами скрежеща...
За ними дамъ толпы, въ нарядѣ бальномъ,
Въ вѣнкахъ изъ розъ, въ гирляндахъ изъ плюща,
Какъ будто плыли въ вальсѣ музыкальномъ,
Подобныя летящимъ лебедямъ
Надъ синей степью къ озерамъ зеркальнымъ.
И франтовъ рой бѣжалъ по ихъ слѣдамъ,
Толкаясь и руки простирая
За улетающей толпою дамъ:
Такъ спугнутыхъ домашнихъ утокъ стая
Бѣжитъ по пруду, шлепая крыломъ
И взвиться въ воздухъ силы напрягая...
Но вихорь сталъ еще сильнѣй потомъ,

Опять толпы помчались въ ураганѣ,
Какъ армія въ дыму пороховомъ.
Какъ въ разноцвѣтномъ, огненномъ фонтанѣ,
И голубыхъ и алыхъ лентъ цвѣта
Передо мной мелькали, какъ въ туманѣ.
Я чувствовалъ, страшна та высота,
Съ которой вихрь низвергнулъ сихъ несчастныхъ...
Но вдругъ, смотрю, яснѣетъ темнота,
И пыли столбъ, и съ нимъ толпа безгласныхъ
И жалкихъ жертвъ въ клубящемся пескѣ,
Весь просіялъ въ отливахъ свѣта красныхъ.
И въ бѣлой ризѣ, крестъ держа въ рукѣ,
Маститый старецъ сталъ передъ толпами,
Какъ каменный утесъ въ упоръ рѣкѣ.
Онъ вопіялъ: „Покайтесь!“—и перстами
Указывалъ на городъ... Я взглянулъ —
И онѣмѣлъ... Огонь, клубясь волнами,
Надъ городомъ все небо обогнулъ.
Изъ дыма искры сыпались, какъ сѣмя
Отъ вѣяла—и вдругъ, сквозь трескъ и гулъ,
Съ небесъ раздался гласъ: „Приспѣло время!
Се Тотъ, Кого забыли вы! Долой,
О, блудное и вѣтреное племя!“
Я въ ужасѣ упалъ полуживой.

1856.

IV.

ПЕРИ.

Грѣхи омывшая слезами,
Еще тѣхъ слезъ не осуша,
Въ селенья горнія взлетаетъ
Творцомъ прощенная душа.

Ее обнявъ, въ пространствѣ звѣздномъ
Съ ней пери чистыя летятъ:
Толпы малютокъ-херувимовъ
При встрѣчѣ пѣснями гремятъ...

О, ей восторженнымъ бы кликомъ
Пустыни неба огласить,
Благодарить, и веселиться,
И все земное позабыть,—

Но пери смотрятъ съ любопытствомъ,
И, съ лаской вкругъ нея вясь,
Умильно просятъ имъ повѣдать
Ея паденія разсказъ...

Отрадно ль имъ утѣшить душу,
Въ земныхъ возросшую скорбяхъ—
Иль ходятъ чудныя преданья
Про грѣшный міръ на небесахъ?

1837.

V.

ДОПОТОПНАЯ КОСТЬ.

Я съ содроганіемъ смотрѣлъ
На эту кость иного вѣка...
И насъ такой же ждетъ удѣлъ:
Пройдетъ и племя человѣка...

Умолкнетъ славы нашей шумъ;
Умруть о людяхъ и преданья;
Все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ—
Въ иныя не войдетъ созданья.

Оледенѣлою звѣздой
Или потухнувшимъ волканомъ
Помчится, какъ корабль пустой,
Земля небеснымъ океаномъ.

И, странствуя между міровъ,
Возсядетъ духъ мимолетящій
На остовъ нашихъ городовъ,
Какъ на гранитъ неговорящій...

Такъ разумъ въ тайнахъ бытія
Читаетъ намъ... но сердце бьется,
Надежду робкую тая—
Авось онъ, гордый, ошибется!

1857.

VI.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Мерцаетъ по стѣнѣ заката отблескъ рдяной,
Какъ уголь искряся на рамѣ золотой...
Мнѣ дорогъ этотъ часъ. Сосѣдка за стѣной
Садится въ сумерки порой за фортепіано,

И я слѣжу за ней внимательной мечтой.
Въ фантазіи ея любимая есть дума:
Долина, сельскаго исполненная шума,
Пастушескій рожокъ... домой стада идутъ...
Утихли... разошлись... земные звуки мрутъ
То въ бѣгломъ говорѣ, то въ пѣснѣ одинокой—
И въ плавномъ шествіи гармоніи широкой
Я ночи, сыплющей звѣздами, слышу ходъ...
Все днемъ незримое таинственно встаетъ
Въ сіяньи мѣсяца, при запахѣ фіалокъ,
Въ волшебныхъ образахъ какихъ-то чудныхъ грезъ,
То фей порхающихъ, то плещущихъ русалокъ
Вкругъ остановленныхъ на мельницѣ колесъ...

Но вотъ торжественной гармоніи разливы
Сливаются въ одну мелодію, и въ ней
Мнѣ сердца слышатся горячіе порывы,
И звуки говорятъ страстямъ души моей.
Crescendo... вотъ мольбы, борьба и шопотъ страстный,
Вотъ крикъ пронзительный и—рядъ аккордовъ ясный,
И все сливается, какъ сладкій говоръ струй,
Въ одинъ томительный и долгій поцѣлуй.

Но замиравшіе опять яснѣютъ звуки...
И въ пѣсни страстныя вторгается струей
Одинъ тоскливый звукъ, молящій, полный муки...
Растетъ онъ, все растетъ, и льется ужъ рѣкой...
Ужъ сладкій гимнъ любви въ одномъ воспоминаньѣ
Далеко трелится... но каменной стопой
Неумолимое идетъ, идетъ страданье—
И каждый шагъ его грохочетъ надо мной...
Одинъ какой-то вопль въ пустынѣ безпредѣльной
Звучитъ, зоветъ къ себѣ... увы! Надежды нѣтъ!..
Онъ поетъ... и среди громовъ ему въ отвѣтъ
Лишь жалобный напѣвъ пробился колыбельной...

Пустая комната... убогая постель...
Рыдающая мать лежитъ, полуживая,
И блѣдною рукой качаетъ колыбель,
И „баюшки-баю“ поетъ изнемогая...
А вкругъ гроза и ночь... вдали подъ этотъ вой
То колоколъ во тьмѣ гудитъ и призываетъ,
То, бурей вырванный, изъ мрака залетаетъ
Вакхическій напѣвъ и танецъ удалой...
Несется оргія, кружася въ вальсѣ дикомъ,
И вотъ страдалица ему отозвалась

Внезапно бѣшенымъ и судорожнымъ крикомъ
И въ пляску кинулась, безумно веселясь...
Порой сквозь буйный вальсъ звучитъ чуть слышнымъ эхомъ,
Какъ вопль утопшаго, потерянный въ волнахъ,
И „баюшки-баю“ и пѣснь о лучшихъ дняхъ,
Но тонетъ эта пѣснь подъ кликами и смѣхомъ
Въ раскатѣ яркихъ гаммъ, гдѣ каждая струна
Какъ веселящійся хохочетъ сатана —
И только колоколъ въ пустынѣ безконечной
Гудитъ надъ падшею глаголомъ кары вѣчной...

1856.

VII.

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

(Аполлону Александровичу Григорьеву).

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь нѣмая меня и томила и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла...

Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась, шумя, занавѣска—
И влетѣлъ ко мнѣ юноша—свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.

Раздвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись:
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...

Чудный гость подходилъ все къ постели моей;
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
„Отчего предо мною въ подушки скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?

Оглянися—я богъ, богъ видѣній и грёзъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы...
И блаженство небесъ я впервые принесъ
Для тебя, для моей королевы...“

Говорилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами...

Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: „ты моя! ты моя!“
Точно арфы далекіе звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужъ былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

1861.

VIII.

ПЕРИ И АЗРАИЛЪ.

ПЕРИ.

Остановн свой мечъ горящій
Въ долинѣ бранной, Азраилъ!
Повсюду смерть и огнь катящій
Онъ въ страшномъ заревѣ разлилъ,
Вездѣ, гдѣ человѣкъ ни ступитъ,
На серебро ль полярныхъ льдовъ
Иль огнь тропическихъ песковъ, —
Онъ ихъ костьми своими купитъ,
Онъ ихъ обрызгаетъ въ крови!

АЗРАИЛЪ.

Мой мечъ не даромъ обагрлетъ
Ложемъ кровавымъ грудь земли:
Гдѣ только кровь ни напоитъ
Творящей силой бѣдный прахъ,—
Какъ ночью звѣзды въ небесахъ,
Какъ колосъ темнаго посѣва,
Какъ изъ зерна младое древо,
Растутъ и блещутъ города:
Въ священный храмъ ложатся кедры,
Кидаютъ мраморъ горы пѣдры,
Широковратныя суды
Текутъ въ рѣкахъ окровавленныхъ,
И на костяхъ непогребенныхъ
Народъ престолы созидаетъ
И скипетръ съ вѣнцомъ себѣ куетъ.

(1842).

IX.

Долинъ Евфратовыхъ царицы,
Прекрасны розы на зарѣ,
Блестя въ росистомъ серебрѣ
И яркомъ пурпурѣ денницы.
Еще милѣй, когда вѣнкомъ,
Роскошно, съ зернами алмаза,
Онѣ блистаютъ надъ челомъ
Младой красавицы Кавказа.
Прекраснѣ перлъ, цвѣтокъ морей,
Затворникъ раковины безпечный;
Но онъ прекраснѣй, нитью млечной
На шеѣ мраморной у ней,
По груди пышно разсыпанъ
И въ черныхъ локонахъ терянъ.

(1842).

X.

ДВА ГРОБА.

Богатъ нашъ край дарами горныхъ нѣдръ,
Закамскимъ серебромъ и золотомъ Алтая:
Вдоль ребръ его поросъ сибирскій темный кедръ,
И брызжетъ влага голубая;
Покинувъ страны тундръ, родныя озера,
Гранитъ Финляндіи блеститъ во градъ сложенный
И, творческимъ рѣзцомъ преображенный,
Сталъ грознымъ сторожемъ подъ образомъ Петра.
Лѣса пробуждены державною сѣкирой,
Въ иловучихъ городахъ летаютъ по морямъ:
Внимаютъ воды рѣкъ ликующимъ иловцамъ:
Одѣлись пажити цвѣтущею порфирой;
Вкругъ скалъ таврическихъ богатый виноградъ
Блистаетъ въ гроздіяхъ златопрозрачнымъ сокомъ:
Долины Грузіи цвѣтутъ подъ тонотъ стадъ:
Въ даль синюю морей глядятъ строптивымъ окомъ
Средь флаговъ пристани и ждутъ къ себѣ судовъ;
Есть много ратниковъ и огнеметной мѣди...
Но слава намъ дана не блескомъ городовъ,
Не громкой пышностью прадѣдовскихъ наслѣдій,
А славой двухъ прославленныхъ гробовъ.

Одинъ среди степей. Вкругъ вихри завываютъ;
Волнуясь, ковыль выводитъ пѣснь надъ нимъ,
И грозные орлы, шумя, надъ нимъ витаютъ

И кости стерегутъ подъ небомъ степовымъ.
Померкла тамъ звѣзда младого Скандинава,
И пепелъ ея сокрытъ подъ грудою костей.
Тотъ гробъ—нагая степь: въ гробу почила слава:
Носилки бранныя—надгробный мавзолей.
Другой... надъ нимъ трофей воздвигся знаменитый:
Подъ сѣнью дряхлыхъ стѣнъ московскаго Кремля
Другая слава спитъ, другое солнце скрыто...
Гиганта погребла московская земля!
Взманивъ къ себѣ на грудь упѣнчаннаго змія,
Въ объятіяхъ его замучила Россія
И гробомъ стала. Тамъ, надъ гробомъ симъ святымъ,
Не волны ковыля, не клики вольной птицы,—
Твердыни и сады ликующей столицы
И нѣмое молитвъ, кадила сладкій дымъ.
Вотъ два сокровища народной Немезиды,
Трофеи славные мужающей земли!
Познавши крѣпость мышцъ и доблести свои
И кровью искупивъ границъ своихъ обиды,
На памятники тѣ мы твердо опирались:
Въ обломкахъ сихъ гробовъ мы славой упивались:
Сорвавъ съ двухъ падшихъ звѣздъ лучи ихъ золотые,
Ихъ свили надъ главой блистательнымъ вѣнцомъ
И гордо высились... Почти въ гроба святые,
Не оскорби ни рѣчью ни стихомъ
Залоговъ гордости полунощнаго трона —
Носилки Карловы, вѣнецъ Наполеона!

(1842).

XI.

На бѣлой отмели Каспійскаго поморья
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ: ни кустика ни взгорья...
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье...
Вотъ въ сердцѣ узника забилось вдохновенье,
Задвигались уста, сверкнулъ потухшій взоръ,
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери, простеръ
И очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужъ видятъ—быть грѣху!
И взводятъ ужъ курки, отставили ужъ ногу,
Готовясь выстрѣлять по первому стиху
И въ крѣпости поднять военную тревогу.

1839.

VIII.

КАМЕИ.

I.

У ХРАМА.

Что это? Прямо на насъ и летятъ въ перегонки,
Прямо съ горы и несутся, шалуньи!
Знаю ихъ: эта, что съ тирсомъ—Аглая,
Сзади—Коринна и Хлоя;
Это идутъ онѣ съ жертвами Вакху!
Розъ, молока, и вина молодого,
Меду несутъ и козленка молочнаго тащутъ!
Такъ ли приходитъ молиться степенная дѣва!
Спрячемся здѣсь, за колонной у храма...
Знаю ихъ: рѣзвы онѣ уже слишкомъ и бойки—
Скромному юношѣ съ ними опасно встрѣчаться.

Ну, такъ и есть! быстроглазыя! насъ увидали!
Смотрятъ сюда исподлобья,
Шепчутъ, другъ друга толкая:
Щеки ихъ сдержаннымъ смѣхомъ такъ и трепещутъ!
Если бы только не храмъ здѣсь, не жрецъ величавый,—
Это вино, молоко, и цвѣты, и козленокъ—
Все бъ полетѣло на насъ, и пошли бъ мы, какъ жертвы
Вѣчнымъ богамъ на заклапье,
Медомъ обмазаны, политы винами Вакха!

Право, уйдемъ-ка, ужъ такъ онѣ насъ не отпустятъ!
Видишь—съ жрецомъ въ разговоры вступили.
Старый смѣется и щуритъ глаза на открытыя плечи.
Правду сказать, у нихъ плечи какъ будто изъ воску,
Чудныя, полныя руки, и—что всего лучше—
Блескъ и движенье, здоровье и нѣга,
Грація съ силой во всѣхъ сочеталися формахъ.

1851.

II.

АНАКРЕОНЪ.

(И. А. Гончарову).

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отворенпаго сада
Мы на праздникъ Вакха шли
И—любимца Купидона—
Старика Анакреона
На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но—вино сверкнуло въ чашахъ—
Мы глядимъ—красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлекъ къ себѣ старикъ!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый—
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А они намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ!

1852.

III.

ЮНОШАМЪ.

Будьте, юноши, скромнѣе!
Что за пылъ! Чуть сталъ жирнѣе
Разговоръ—душа пировъ—
Вы и вспыхнули, какъ порохъ!
Что за крайность въ приговорахъ,
Что за рѣзкость голосовъ!

И напиться не сумѣли!
Чуть за столъ—и охмѣлѣли,
Чѣмъ и какъ—вамъ все равно!
Мудрый пьетъ съ самосознаньемъ,
И на свѣтъ и обоняньемъ
Оцѣняетъ онъ вино.

Онъ, теряя тихо трезвость,
Мысли блескъ даетъ и рѣзвость,

Умалчется душой,
И, владѣя страстью, гнѣвомъ,
Старцамъ милъ, пріятенъ дѣвамъ,
И — доволенъ самъ собой.

1852.

IV.

АНАКРЕОНЪ СКУЛЬПТОРУ.

(Графу Ѳ. П. Толстому).

Что чваниться намъ, ваятель!
Оба мы съ тобой, пріятель,
Удостоены вѣнца;
Свѣжій лавръ — твоя награда,
Я въ вѣнкѣ изъ винограда
Вѣкъ славу за мудреца.

Такъ подъ старость, хоть для смѣху,
Хоть для юношей въ потѣху,
Мнѣ одинъ вопросъ рѣшить!
Видѣлъ я твои творенья;
Формы, мысли выраженье —
Все обдумалъ я въ тиши.

Но однимъ смущенъ я крѣпко...
Въ нихъ совсѣмъ не видно слѣпка
Съ нашихъ модныхъ героинь,
Жрицъ аѳинскаго разврата, —
А съ любимыхъ мной когда-то
Юныхъ дней моихъ богинь!

Горлицъ, маиовъ вскормленныхъ!
Купидоновъ припасенныхъ
Мнѣ, какъ баловню его!
А съ красоть ихъ покрывало,
Милый другъ, не упадало,
Знаю я, ни для кого!

Вотъ хоть Гоба молодая,
Что, кувшинъ съ главы спуская,
Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ —
Это Дафна! Та же нѣжность
Юныхъ формъ, дѣвчонки смѣлость
И ужъ взрослой дѣвы стыдъ!

Дафну я таилъ отъ свѣта!
Этой розы ждалъ расцвѣта—
Но напрасно! Разъ она,
Искупавшися, нагая,
Въ воду камешки кидая,
Веселилася одна...

Я подкрался... обернулась,
Увидала, поскользнулась,
И съ уступа на уступъ—
Въ самый омутъ... Къ ней лечу я,
Вплылъ — и что же? Выношу я
Изъ воды холодный трупъ!

Зналъ еще я дочь сатрапа!
Подкупивъ ея арапа,
Проникалъ въ гаремъ я къ ней...
Что же? Линъ ея надменный,
Нетерпѣньемъ оживленный,
Вижу въ Геро я твоей!

Та жъ игра въ ланитахъ смуглыхъ,
Та же линій округлыхъ,
Чудно выточенныхъ ногъ,
То жъ изнѣженное тѣло,
И спины волнистость бѣлой...
Нѣтъ, ты видѣть ихъ не могъ!

Иль художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги
И, читая мысль его,
Видятъ въ вѣчныхъ идеалахъ
То, что смертнымъ, въ долихъ малыхъ,
Открываетъ божество?

1853.

V.

АЛКИВІАДЪ.

Внучекъ, вѣрь наукѣ дѣда:
Вѣрь — надъ женщиной побѣда
Намъ труднѣй, чѣмъ надъ врагомъ.
Здѣсь все случай, все удача!
Сердце женское — задача,
Нерѣшенная умомъ!

Ты слыхалъ ли имя Фрины?
Покорялися Аѳины
Взгляду гордой красоты, —
Но на насъ она взирала,
Какъ богиня съ пьедестала
Недоступной высоты.

На пирахъ ея быть званымъ —
Это честь была избраннымъ;
Принимала какъ сатрапъ!
Всѣмъ серебряныя блюды
И хрустальные сосуды,
И за каждымъ — черный рабъ!

Разъ былъ пиръ... то пиръ былъ грацій!
Острыхъ словъ, импровизацій
И рѣчей лился каскадъ...
Мнѣ везло: привѣтнымъ взглядомъ
Позвала ужъ сѣсть съ ней рядомъ —
Вдругъ вошелъ Алкивіадъ.

Прямо съ оргіи онъ, что ли!
Но, крича, какъ варваръ въ полѣ,
Сшибъ въ дверяхъ двухъ скифовъ съ ногъ,
Оттолкнулъ меня обидно
И къ красавицѣ безстыдно
На плечо лицомъ прилегъ!

Были тутъ послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Онъ бесѣдой овладѣлъ,
Хохоталъ надъ мудрецами,
И безумными глазами
На прекрасную глядѣлъ.

Что тутъ дѣлать?... Полны злости
Расходиться стали гости...
Смотримъ — спитъ онъ! Та — молчитъ
И не будитъ... Что жъ? Добился!
Ей повѣса полюбился,
Да и насъ потомъ стыдитъ!

1853.

VI.

АСПАЗІЯ.

Что скажутъ обо мнѣ теперь мои друзья?
Владычица Аѳинъ, Перикла подруга,
Которую Сократъ почтилъ названьемъ друга,
Какъ дѣвочка, люблю, томлюсь и плачу я...
Все позабыто — блескъ, правленье, государство,
Дѣла, политики полезное коварство,
И даже самыя лѣта... но, впрочемъ, нѣтъ!
У женщинъ для любви не существуетъ лѣтъ;
Хоть, говорятъ, глупа послѣдней страсти вспышка,
Пускай я — женщина, а онъ еще мальчишка,
Но счастье вѣдь не въ томъ, чтобы самой любить
И чувствомъ пламеннымъ сгорать и наслаждаться;
Нѣтъ, счастіемъ его дышать и любоваться,
И въ немъ неопытность къ блаженству пріучить...
А онъ, — онъ чистое подобье полубога!..
Онъ робокъ, онъ стыдливъ и даже дикъ немного,
Но сколько гордости въ приподнятыхъ губахъ,
И какъ краснѣетъ онъ при ласковыхъ словахъ!
Еще онъ очень юнъ: щека блеститъ атласомъ,
Но рано слышится въ немъ страсть повелѣвать,
И позы любитъ онъ героевъ принимать,
И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ.
На играхъ побѣдивъ, онъ станетъ какъ Ахиллъ!
Но, побѣжденный, онъ еще мнѣ больше милъ:
Надвинетъ на чело колпакъ онъ свой фригійскій
И, точно маленькій Юпитеръ Олимпійскій,
Глядитъ съ презрѣніемъ, хотя въ душѣ гроза,
И горькою слезой туманятся глаза...
О, какъ бы тутъ его прижать къ горячей груди
И говорить: „не плачь, не плачь, то злые люди...“
Въ ланиты, яркія румянцемъ вешнихъ розъ,
И въ очи цѣловать, блестящія отъ слезъ,
Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться,
И вмѣстѣ плакать съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться!

1853.

VII.
ПРЕТОРЪ.

Какъ ты милъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Толстопузый преторъ мой,
Съ этой лысой головой
И съ лицомъ своимъ багровымъ!
Милъ, когда ты щуришь глазъ
Передъ плѣнницей лезбійской,
Что̀ выводитъ на показъ
Для тебя евну̀хъ сирійской;
Милъ, когда тебя несутъ
Десять ликторовъ на форумъ,
Чтобъ творить народу судъ
И внушать покорность взоромъ!
И люблю я твой порывъ,
Въ мигъ, когда, въ носилкахъ лежа,
Съ своего ты смотришь ложа,
Какъ подъ гусли пляшетъ скиѳъ,
Выбивая дробь ногами,
Внизъ потупя мутный взглядъ
И подергивая въ ладъ
И руками и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Самъ готовъ бы дробь подъ-стать —
Такъ и рвется духъ твой пылкій!
Покрывало теребя,
Ходятъ ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечахъ рабовъ твоихъ,
Какъ корабль средь волнъ морскихъ.

1857.

VIII.
АРКАДСКІЙ СЕЛЯНИНЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

Здѣсь сатиры прежде жили;
Одного мы разъ нашли
И живого изловили,
И въ деревню привели.
Всѣ смотрѣть пришли толпами;
Онъ на корточкахъ сидѣлъ
И безцвѣтными глазами
На людей, дичась, глядѣлъ.

Страхъ однакоже унялся:
Съ нами ѣлъ онъ, пилъ вино,
Объѣдался, опивался,
Впрочемъ, велъ себя умно.

Но весна пришла—такъ мочи
Намъ не стало отъ него.
Не пройдетъ ни дня ни ночи
Безъ лихихъ проказъ его...

Женщинъ сталъ ловить и мучить!..
Чуть увидитъ—задрожитъ,
Ржетъ, и лаетъ, и мяучитъ,
Цѣловаться норовитъ.

Стали бить его мы больно;
Онъ исправился совсѣмъ,
Сталъ послушный, богомольный,
Такъ что любо было всѣмъ.

Бабы съ нимъ смѣлѣе стали
Обходиться и играть,
На работы въ поле брали,
Стали пряниковъ давать.

Не прошло однако года,
Какъ у всѣхъ у насъ—дивись—
Въ козлоногаго урода
Ребятишки родились!

Да! у всѣхъ на лбу-то рожки
Съ небольшой лѣсной орѣхъ,
Козьи маленькія ножки,
Даже хвостики у всѣхъ.

Къ намъ въ деревню прошлымъ лѣтомъ
Русскій баринъ заѣзжалъ.
Обо всемъ услыша этомъ,
Усмѣхнувшись, онъ сказалъ:

„Хорошо, что мы съ папашей
Безъ хвоста и съ гладкимъ лбомъ,
Быть иначе бъ дворнѣ нашей
И съ рогами и съ хвостомъ“.

1853.

IX.

ПОСЛАНІЯ.

I.

ВЛАДИМІРУ АНДРЕЕВИЧУ СОЛОНИЦЫНУ.

Опять судьба переселила
Меня подъ тотъ счастливый кровъ,
Гдѣ море тихо опочило
Въ объятьяхъ дикихъ береговъ;
Гдѣ наше сѣверное небо
Порой, какъ южное, горитъ
И жаръ зиждительный даритъ
Лугамъ и пышнымъ всходамъ хлѣба.
Съ какой отрадой встрѣтилъ я
Зелено-шумныя деревья,
Къ себѣ на лѣтнее кочевье
Опять призвавшія меня!
Какъ жадно я на воды моря
Съ крутого берега взиралъ,
И волнъ въ шумливомъ разговорѣ
Знакомый голосъ узналъ!
Опять завидовалъ я быту
Питомцевъ моря, рыбарей,
Ихъ жизни бурной и забытой
На лонѣ гибельныхъ зыбей,
Ихъ мирнымъ хижинамъ по брегу,
Гдѣ трудъ живитъ почную нѣгу,
Ихъ бѣло-парусным ладьямъ
И ихъ дымящимся кострамъ.
Я посѣтилъ, восторга полный,
И тотъ пустынный, дальній мысъ,
Гдѣ сосны дико разрослись,
Гдѣ съ тростниками шепчутъ волны;
Люблю печальныя мѣста,
Пріютъ свободныхъ вдохновеній...
Но звать ли васъ подъ наши сѣни,
Питомца дѣла и труда,
Въ объятья сладостныя лѣни?..
Не дикость нашихъ береговъ,

Не прелесть сѣверной природы,
Обломки скалъ, шатры дубовъ
И шумно плещущія воды
Влекутъ вашъ взоръ: пріютъ иной
Мечта вамъ тайная рисуетъ;
Страна иная васъ чаруетъ,
Маня подъ кровъ привѣтный свой—
Туда, гдѣ древняя Гренада,
Дитя Аравіи, цвѣтетъ
Подъ сѣнью пальмъ, подъ говоръ водъ,
Средь пышныхъ гроздій винограда.
Тамъ, средь обломковъ древнихъ дней,
Величье гордое блистаетъ,
И темный миртъ, какъ черный змѣй
Надъ бѣлой грудою костей,
Пустынный мраморъ повиваетъ...
Но тщетно пурпуръ и лазурь
И стихъ корана громкозвучный
Съ него стоняетъ сила бурь:
Среди Альгамбры злополучной,
Гдѣ въ чудныхъ мускуса волнахъ,
При звукахъ цитры, на коврахъ,
Въ восточной негѣ утопая,
Краса покоилась младая,
Понынѣ грозно на стѣнахъ
Гербы халифскіе блистаютъ,
Понынѣ гордыя главы
Каріатиды подымаютъ,
И раззолоченные львы
Кристаллъ звенящій изрыгаютъ,—
Туда летите вы мечтой!..
Тамъ солнце льетъ лучей разливы
На влаги жаждущія нивы
И померанецъ золотой.
Тамъ пахарь, сынъ безпечной лѣни,
Бѣжитъ подъ пальмовыя тѣни,
И андалузски табуны
Несутся въ полѣ, вѣя гривой,
Вдругъ стихъ и внемлетъ плескъ волны;
Тамъ ночь изъ снѣжныхъ горъ подъемлетъ
Янтарный мѣсяцъ надъ рѣкой:
И кипарисъ и пальма дремлетъ,
Кивая сонной головой,
Въ волшебномъ сумракѣ Гренады,

При плескѣ усыпленныхъ водъ,
Лишь стихъ влюбленной серенады
Любовникъ пламенный поетъ:
„Явись ко мнѣ, мой ангелъ нѣжный!
О, милый другъ, мой свѣтлый рай!..“
И ручка бѣлая небрежно
Роняетъ, будто невзначай,
Букетъ съ чугуннаго балкона...
Все спитъ вокругъ. Чудесный сонъ!
Какъ густо воздухъ напоенъ
Дыханьемъ блѣднаго лимона!
И миртъ росою окропленъ,
И тихимъ звономъ мандолины
Какъ очарованы долины!..

1841.

II.

В. Г. БЕНЕДИКТОВУ.

Стражи мирной нашей хаты,
Деревенскіе пенаты
Васъ привѣтствуютъ, поэтъ!
Вы примите въ уваженье
Ихъ простое приношенье,
Дружелюбный ихъ привѣтъ.

Гдѣ гремѣлъ, при яркомъ стукѣ
Хрусталя и серебра,
Подъ литавръ воинскихъ звуки,
Праздникъ Третьяго Петра;
Гдѣ, на брегѣ усыпленномъ,
Сѣрыхъ камней дикій сводъ
Лобызаютъ всплескомъ пѣннымъ
Бѣглецы балтійскихъ водъ;
Гдѣ капитаны и сирени
Темной зелени шатромъ
Осѣняютъ сельскій домъ—
Мирный храмъ мечты и лѣни:
Тамъ есть скромный уголокъ,
Аонидамъ посвященный,
Гдѣ готовъ для васъ вѣнокъ,
Чистой дружбой соплетенный.

Не лимонные сады,
Не восточные фонтаны,
Не гесперскіе плоды,
Не гремучіе тимпаны
Съ звукомъ цитры золотымъ
Наши сѣни оживляютъ:
Но, повѣрьте, чаще къ нимъ
Сны веселые слетаютъ,
Чѣмъ къ палатамъ дорогимъ.
Вмѣсто амбры, въ нихъ дыханье
Травъ отъ скошенныхъ луговъ;
Вмѣсто пышнаго блистанья
Златомъ убранныхъ дворцовъ,
Для гостей не слишкомъ строгихъ
Столъ со скатертью въ углу,
Пара стульевъ колченогихъ,
Книгъ вязанка на полу,
Но приволье, но прохлада,
Но весенній оникіамъ,
Томный говоръ водопада
И гуляньи по ночамъ.

Вотъ, изъ моря величаво
На златыя облака
Выйдетъ витязь свѣтлоглавый,
И багряная рѣка
Вдоль по морю кровью хлынетъ;
Ночь отъ водъ и береговъ,
Встрепенувшись, отодвинетъ
Свой таинственный покровъ...
Сладко первый лучъ Авроры
Свѣжей грудью принимать
И безтрепетные взоры
Въ очи солнцу устремлять!
Но когда багрянымъ жаромъ
Въ небеса оно взойдетъ
И лучей палящимъ жаромъ
Воздухъ утренній нальетъ—
Стихнутъ воды, отягчечный
Чуть дрожитъ на вѣткѣ плодъ,
Раздается отдаленный
Съ зеленѣющихъ луговъ
Топотъ стадъ и звукъ роговъ;
Здѣсь, въ колосьяхъ пышной нивы,
Серпъ сверкаетъ и стучитъ,

И по рощѣ говорливой
Сталь упругая звенить;
Тамъ, у брега, опочило,
Нѣжась, зеркало зыбей,
Рѣютъ бѣлыя вѣтрила,
Будто стаи лебедей,
А за ними въ ткани дымной
Ждетъ ихъ брегъ гостепріимный...
О, отрадно той порой,
Сбросивъ тягостныя платы,
Къ морю кинуться въ объятья,
Сѣжей брызгаться струей!

А когда парчой звѣздистой
Ночь окинетъ горній сводъ,
Въ рощѣ дремлющей вспорхнетъ
Пѣснопѣвецъ голосистый,
Гимнъ его—то арфы звонъ,
То души глубокій стонъ—
Упадетъ и вновь воспрянетъ,
Какъ свирѣль и какъ гроза,
И съ цвѣтка безмолвно канетъ
Серебристая слеза;
Здѣсь, надъ озеромъ стекляннымъ,
Въ гладкой скатерти воды,
Опыленные туманомъ
Дубовъ смотрятся ряды;
Тамъ, сквозь листья ивы дикой,
Серповидный, среброликій
Сыплетъ мѣсяцъ изъ вѣтвей
Блѣдный дождь своихъ лучей.
О, какъ сладостно трепещетъ
Грудь въ таинственный сей мигъ,
А въ устахъ горитъ и блещетъ,
Замирая, вольный стихъ!

Наши лары и пенаты
Вамъ привѣтъ заздравный шлютъ
И подъ кровъ пустынной хаты,
Низко кланяясь, зовутъ.
Научите, какъ къ союзу
Сельскихъ фавновъ и дріадъ
Вашу доблестную музу
Заманить въ нашъ вертоградъ.

(1842).

III.

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ.

Вотъ онъ по Гатчинскому саду
Идетъ съ толпой учениковъ;
Вотъ онъ садится къ водопаду
На мшистый камень, въ тѣнь дерёвъ;
Вкругъ дѣти жмутся молчаливо
Къ нему все ближе. Очи ихъ
Или потуплены стыдливо,
Иль слезъ полны, и самъ онъ тихъ,
Но ликомъ свѣтелъ. Онъ читаетъ
Въ младыхъ сердцахъ. Онъ ихъ проникъ;
Одинъ душой онъ понимаетъ
Неуловимый ихъ языкъ.
Въ сердцахъ, забитыхъ отъ гоненья,
Ожесточенныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Онъ вызвалъ слезы умиленья,
Онъ пролилъ въ нихъ надежды свѣтъ;
И, указуя въ жизнь дорогу,
Онъ человѣка идеалъ
Предъ ними долго, понемногу
И терпѣливо раскрывалъ...
И вотъ открылъ!—и ослѣпило
Его сіянье юный взглядъ,
И дѣти съ робостію милой
И изумленіемъ глядятъ.
И каждый самъ въ себя невольно
Ушелъ и плачетъ о себѣ,
И за прошедшее имъ больно—
И всѣ готовятся къ борьбѣ.
Ахъ, Цейдлеръ! Въ этомъ идеалѣ
Вѣдь ты себя нарисовалъ;
Но только дѣти не узнали,
Да ты и самъ того не зналъ!

1856.

IV.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ.

1.

Твой стихъ, красой и ароматомъ
Родной и небу и землѣ,
Блуждаетъ странникомъ косматымъ

Между міровъ, свѣтя во мглѣ.
Люблю въ его кудряхъ я длинныхъ
И пыль отъ Млечнаго пути
И желтый листъ дубравъ пустынныхъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ въ забытьѣ;
Стремится рѣчь его свободно;
Какъ въ звонѣ стали чистой, въ ней
Закалъ я слышу благородной
Души возвышенной твоей.

1855.

2.

Полонскій! Суждено опять судьбою злою
Намъ розно дни влачить:
Межъ тѣмъ моя душа сроднилась ужъ съ тобою—
Ей нужно такъ любить!
Да! въ мірѣ для нея нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знакъ подать, что мы, другъ друга понимая,
Свершаемъ путь земной!
И часто я, когда иду лѣсной опушкой
И, прячася за ель,
Стараюсь обмануть искусственною мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумитъ ручей студеноводный,
А ровъ, гдѣ льется онъ,
Ужъ тѣни полнъ, и паръ надъ нимъ бѣжитъ холодный,
Межъ тѣмъ какъ озаренъ
Вверху растущій лѣсъ послѣднимъ солнца свѣтомъ,—
Отъ сердца полноты
Я бъ перемолвиться желалъ тогда съ поэтомъ,
И думаю—гдѣ ты?
Гдѣ ты?.. О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
Безпечно я бродилъ...
Прости невольный вздохъ!.. полуденной природы
И Римъ я не забылъ!..
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Подъ небомъ голубымъ,—
Величіемъ своимъ и грязью живописный
Онъ по душѣ мнѣ, Римъ!
Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
Неслись во весь опоръ;

Коней остановивъ, снимали видъ руины
И очеркъ дальнихъ горъ,
И града вѣчнаго въ туманѣ куполъ гордый,
А тамъ водопроводъ
И черныхъ буйволовъ къ намъ поднятыя морды
Въ осокѣ, изъ болотъ...
И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ,
Какъ будто опалѣвъ,
Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
Старухъ, дѣтей и дѣвъ...
Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австеріи,
Суровыхъ поселянъ
Напанвали мы, крича „ура!“ Россіи,
Ругая Ватиканъ
И вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ...
А пламенный народъ
На вѣтреную рѣчь безвѣстныхъ чужестранцевъ,
Бывало, слезы льетъ...
Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
Вазари и Тацитъ,
И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
И Дантъ, и Овидій...
А ночи лунныя въ руинахъ Колизея!..
Мнѣ кажется теперь,
Что игры звѣрскія я видѣлъ и, нѣмѣя,
Внималъ, какъ злится звѣрь,
Какъ шумно валитъ чернь, толкаясь на ступени,
При кликахъ торжества,
А на аренѣ двѣ бѣлѣющія тѣни
Ждутъ, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золотые!
О, какъ свѣтла тогда
Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей
Восходившая звѣзда!
Гдѣ жъ сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? Гдѣ Ивановъ?
Ставассеръ милый мой?
Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?
Гдѣ геній ихъ живой?
Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
Гдѣ бъ *нашихъ* имена
Сіять должны въ вѣкахъ, какъ звѣзды въ небосклонѣ,
Какъ вѣчная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
Какъ чуждыхъ всѣмъ сиротъ,

Ихъ Римъ похоронилъ, кого—увы!—не знаю
Землѣ онъ предаетъ!..
А братъ мой, милый братъ... Ахъ, многіе почили!
И имя ихъ звучитъ
Воспоминаніемъ какой-то чудной были,
И сердце мнѣ щемитъ...
Всѣ сгибли, полные надеждами святыми
И въ блескѣ силъ своихъ,
И я, осиротѣвъ, я плачу и надъ ними
И надъ мечтами ихъ!..
Ахъ, жизнь моя уже печалями богата;
Уже за мной въ пути
Есть нѣсколько могилъ, есть горе и утрата...
Прости мнѣ, другъ, прости...
Я больше наводить тоски тебѣ не буду
Непрошенной слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уду,
На все махнувъ рукой.

1858.

V.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

За стаею орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный между насъ, задумчивый, ты бродишь;
И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчались, не сводишь.

1855.

VI.

М. Л. МИХАЙЛОВУ.

Урала мутнаго степные берега,
Лѣса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры горъ изъ сизаго порфира,
Простыя племена, между которыхъ ты
Сбиралъ преданія исчезнувшаго міра,

Далекая любовь, пустынныя мечты
Возвысили твой духъ: прощающимъ, любящимъ
Пришелъ ты снова къ намъ—и, чутко слышу я,
Въ стихахъ твоихъ, ручьемъ по камешкамъ журчащимъ,
Ужъ льется между строкъ поэзіи струя.

1857.

VII.

И. А. ГОНЧАРОВУ.

Море и земли чужія,
Обликъ народовъ земныхъ—
Всѣ предо мной, какъ живыя,
Въ чудныхъ разсказахъ твоихъ.
Сѣверъ нашъ бѣдный, но милый,
Милый затѣмъ, что родной,
Нынѣ опять мнѣ унылой
Вдругъ показался тюрьмой.
Въ сердцѣ судьбы оскорбленья
Зтѣе, что раны, горятъ,
И золотыя видѣнья
Въ даль голубую манятъ...
Такъ надъ рѣкою широкой,
Въ городѣ, гдѣ ильмъ и гранитъ,
Бѣлая чайка морская
Въ солнечный день залетитъ;
Жадно слѣдимъ мы очами
Гостьи нежданной полетъ—
Точно въ тотъ мигъ передъ нами
Воздухомъ съ моря пахнетъ.

1855.

VIII.

(Въ альбомъ гр. Е. П. Ростопчиной).

Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ.
Столпился къ пристани народъ нетерпѣливо—
И вотъ—ея корабль уже среди залива...
Причалили. Ее на берегъ по коврамъ
Свели и встрѣтили съ архонтами, съ жрецами,
Вели по улицѣ, усыпанной цвѣтами...
И, пылкій юноша, ее воображалъ

Съ осанкой царственной, съ поднятой головою,
И въ лавровомъ вѣнкѣ, и съ лирой золотою,
И взоръ властительный я встрѣтить ожидалъ—
И что жъ? Она прошла, потупивъ очи, просто,
Такая с абая и маленькаго роста,
И пышной встрѣчею и кликами она,
Какъ робкое дитя, казалось, смущена;
Казалось, риторамъ болѣзненно внимала
И взоромъ тихаго убѣжища искала,
Куда бы кинулась и, кажется, тотчасъ
Неудержимыми бъ слезами залилась.

1858.

IX.

Е. А. ШЕНШИНОЙ.

Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ Діаны,
Тебѣ бы смѣхъ, да бѣганье, да шутка.
Хоть не одинъ уже сатиръ румяный,
Осклабясь, на тебя глядитъ, малютка!
Онъ—старый плутъ! На, помани цвѣтами,
Пусть за тобой бѣжитъ онъ и, со-слѣпа
Завязнувъ въ топь козлиными ногами,
Смѣшитъ боговъ гримасою нелѣпой.

1859.

X.

Л. П. ШЕЛГУНОВОЙ.

Экспромтъ.

Такъ роскошны ваши плечи,
Въ взорахъ много такъ огня,
Ваши вѣтреныя рѣчи
Раздражаютъ такъ меня,
Что со всякою моралью
Кончивъ счеты, какъ нахалъ,
Обхватилъ бы васъ за талью
И на смерть зацѣловалъ.

1855.

XI.

Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой.

Однообразье бальныхъ залъ
Не разъ вашъ смѣхъ одушевленный
Передо мною оживлялъ,
Среди толпы пустой и сонной
Невольно я стремился къ вамъ,
Какъ къ свѣжей розѣ, приключенной
Въ вѣнкѣ къ искусственнымъ цвѣтамъ.

1856.

XII.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ ХРУЛЕВУ.

Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ,
Которыхъ жизнь среди святыни протекла,
Встрѣчаемъ мы теперь борцовъ-севастопольцевъ,
Готовностью на смерть очищенныхъ отъ зла.
Ихъ много разбрелось—безруких и безногихъ,
И люди русскіе, въ палатѣ и въ избѣ,
Разсказы слушаютъ воителей убогихъ.
Во всѣхъ разсказахъ ихъ есть повѣсть о тебѣ.
„Разъ,—говорятъ они,—мы отдали траншеи.
Ужъ врагъ у насъ свои знамена водрузилъ
И пушки обратилъ на нашей батареѣ
На нихъ же... громъ гремѣлъ и небо дымъ затмилъ.
Полтавцы смятые, отъ злости чуть не плача,
Разсыпались врозь, какъ стадо, безъ вождей.
Казалось, рѣшена была борьбы задача,
Казалось, вѣренъ былъ въ рукахъ врага трофей.
Но нѣкто бодрствуетъ и духомъ не крушится:
Средь бомбъ вдругъ бѣлый конь является въ огнѣ.
Въ кавказскомъ папахѣ усатый всадникъ мчится—
И слышенъ кликъ его: „голубчики, ко мнѣ!“
Какъ молнія, въ сердцахъ довѣріе блеснуло.
Любимаго вождя всесиленъ громкій зовъ.
Полтавцы строятся; къ нимъ сѣвцевъ горсть примкнула—
И выбили врага подъ крикъ: „ура, Хрулевъ!“
Хрулевъ! ты побѣдилъ любовію солдатской,—
Наградой вѣрною достоинствамъ вождя.
Она намъ говоритъ, что самъ любовью братской
Ты меньшихъ возлюбилъ, ихъ къ чести приведя.

Въ томъ тайна русскихъ силъ, доступная немногимъ,—
На подвигъ доблести, и въ мірѣ и въ войнѣ.
Не нужно русскимъ звать команды словомъ строгимъ,
Но встанутъ всѣ на кликъ: „голубчики, ко мнѣ!“

1856.

XIII.

ИМЕНИННИЦѢ.

(Посвящается В. Г. Бенедиктову).

Именинницѣ прекрасной,
Баловницѣ всей семьи,
Въ этотъ день для всѣхъ насъ ясный,
Мы подарки принесли.

Кто кольцо работы тонкой,
Кто гирлянды, кто атласъ,
Кто съ зубчатою коронкой
Златовидный ананасъ.

Даже дѣдушка, затѣя
Удивить въ тотъ день весь свѣтъ,
Изъ ларца, дрожа и млѣя,
Вынулъ бабушкинъ браслетъ.

Въ немъ покойницы былъ локонъ
Отъ когда-то пышныхъ косъ,
И даря его, не могъ онъ
Удержать невольныхъ слезъ.

Именинница сіяла
Полнымъ блескомъ лѣтъ своихъ;
Разбирать подарки стала
И задумалась объ нихъ...

Что наряды? даже года
Не выдерживаетъ мода...
А цвѣты лишь расцвѣтутъ—
И увянутъ и умрутъ...

Локонъ бабушкинъ... Но мало
Внучка бабушку видала;
Локонъ нѣмъ былъ, а браслетъ—
Правда, памятникъ почтенный—
Былъ теперь лишь драгоцѣнный
Антикварію предметъ.

Но средь этихъ всѣхъ предметовъ,
Съ ихъ блистаньемъ и игрой,
Было нѣсколько куплетовъ,
Посвященныхъ ей тобой.

Въ нихъ, поэтъ, схватилъ ты ясно
И отмѣтилъ на лету
Нрава рѣзваго прекрасной
Граціозную черту.

И подумала рѣзвушка,
Узнавая въ нихъ себя:
„Вотъ, какъ буду я старушка,
Здѣсь, въ стихахъ, все буду я
Сумасшедшая болтушка,
Безпокойное дитя!“

Мигомъ крупныя слезинки
Зачастили по щекамъ,
Какъ сквозь солнышко дождинки
Къ вешнимъ рощамъ и лугамъ...

Самолюбію поэта
Вѣрно хочется узнать,
Чѣмъ все кончилося это?..
Вѣрно намъ не угадать...

Мы смутилися немножко—
Только мигъ одинъ потомъ,
Смотримъ—возится ужъ съ кошкой
И забыла обо всемъ!

1853.

X.

НА ВОЛѢ.

I.

ВЕСНА.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьѣ иномъ...
1857.

II.

Весна! Выставляется первая рама—
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго х ама,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ—даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!
1854.

III.

Боже мой! Вчера—ненастье,
А сегодня—что за день!
Солнце, птицы! блескъ и счастье!
Лугъ росистъ, цвѣтетъ сирень...

А еще ты въ сладкой лѣни
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой

Вдругъ на сонную-то брызну...
То-то сладко будетъ мнѣ
Побѣдить въ ней укоризну
Свѣжей вѣстью о веснѣ!

1855.

IV.

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубыя бездны полны.

Взоръ мой тонетъ въ блескѣ полдня...
Не видать пѣвцовъ за свѣтомъ...
Такъ надежды молодыя
Тѣшатъ сердце мнѣ привѣтомъ...

И откуда раздаются
Голоса ихъ, я не знаю...
Но, имъ внемля, взоры къ небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857.

V.

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома;
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ сноровку...
Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился—
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! Золотая буря!

1856.

VI.

ЗВУКИ НОЧИ.

О, ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ—стеклянный звонъ ліющихся ключей;
Тамъ—листикъ задрожалъ подъ каплею алмазной;
Тамъ—пташки полевой свистокъ однообразный;
Стрекозы, какъ часы, стучатъ между кустовъ;
По рѣчкѣ, въ камышахъ, отъ тонкихъ острововъ,
Съ разливомъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые,
И царствуетъ надъ всей гармоніей ночной
По вѣтру то звончѣй, то въ тихомъ замираньѣ,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звѣзды... Нѣтъ, и тамъ, по тверди голубой,
Въ ихъ металлическомъ сіяньѣ и движеньѣ
Мнѣ чувствуется гулъ ихъ вѣчнаго теченья.

1859.

VII.

УТРО.

(Преданіе о виллисахъ).

Близко, близко солнце!
Понеслись навстрѣчу
Грядки золотыя
Облачковъ летучихъ,
Встрепенулись птицы,
Заструились воды;
Изъ ущелій черныхъ
Выдетѣли тѣни—
Бѣлыя невѣсты:
Широко въ полетѣ
Вѣютъ ихъ одежды,
Головы и тѣло
Дымкою покрыты,
Только обозначенъ
Въ нихъ лучомъ румянымъ
Очеркъ лицъ и груди.

1856.

VIII.

ВЪ ЛѢСУ.

Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной,
Ліясь блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно, какъ гать, лежащей въ немъ.
Вкругъ теменъ лѣсъ и воздухъ сыръ;
Иду я, страхъ едва тая...
Нѣтъ! Здѣсь свой міръ, живущій міръ,
И жизнь его нарушилъ я...
Вдругъ все свершавшееся тутъ
Остановилося при мнѣ,
И всѣ слѣдятъ за мной и ждутъ,
И злое мыслятъ въ тишинѣ;
И точно любопытный взоръ
Ко мнѣ отвсюду устремленъ,
И слышу я нѣмой укоръ,
И духъ мой сдавленъ и смущенъ.

1857.

IX.

Маститые, вѣтвистые дубы,
Задумчиво поникнувъ головами,
Что старцы древніе на вѣчѣ предъ толпами,
Стоятъ, какъ бы рѣшая ихъ судьбы.
Я тщетно къ ихъ прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мнѣ тайны ихъ бесѣдъ...
Ахъ, жаль—что подлѣ нихъ тутъ рѣзвой рѣчки нѣтъ:
Она бъ давно сказала мнѣ ихъ думу...

1870.

X.

ГОЛОСЪ ВЪ ЛѢСУ.

Давно какой-то дѣвы нѣнье
Въ лѣсу преслѣдуетъ меня,
То замирая въ отдаленьѣ,
То гулко по лѣсу звеня.

И, возмущенъ мечтой лукавой,
Смотрю я въ чащу, гдѣ средь мглы

Блестятъ на солнцѣ листья, травы
И сосенъ красные стволы.

Итти ль за дѣвой молодою?
Иль сохранить, въ душѣ тая,
Тотъ милый образъ, что мечтою
Подъ чудный голосъ создалъ я?..
1856.

XI.

По лѣсамъ, еще прозрачнымъ,
По сырымъ, зеленымъ мхамъ
Бродимъ мы съ тобой, и мрачнымъ
Нѣтъ конца у насъ рѣчамъ!
Мы, философъ, изъ могилы,
Изъ земли, изъ насъ самихъ
Вызываемъ жизни силы
И допытываемъ ихъ...

А на насъ лучи златые
Щедро льются съ высоты,
И на зовъ ихъ голубые
Раскрываются цвѣты,
И едва порасцвѣтали,
Какъ на насъ глядятъ, смѣясь
Точно все давно узнали
И скорѣй и лучше насъ!
(1864).

XII.

Вотъ бѣдная чья-то могила
Цвѣтами, травой зарастаетъ;
Подъ розами даже не видно,
Чье имя плита возглашаетъ...

О, бѣдный! И въ сердцѣ у милой
О жизни мечты золотыя
Не такъ же ль, какъ розы, закрыли
Когда-то черты дорогія?
1857.

XIII.

ЖУРАВЛИ.

Отъ грустныхъ думъ очнувшись, очи
Я подымаю отъ земли:
Въ лазури темной, къ полуночи
Летятъ станицей журавли.

Отъ криковъ ихъ на небѣ дальномъ
Какъ будто благовѣстъ идетъ,—
Привѣтъ лѣсамъ патріархальнымъ,
Привѣтъ знакомымъ плесамъ водъ!..

Здѣсь этихъ водъ и лѣсу вволю,
На нивахъ сочное зерно...
Чего жъ еще? Вѣдь имъ на долю
Любить и мыслить не дано...

1855.

XIV.

ОБЛАЧКА.

Въ легкихъ питяхъ бѣлой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бѣгутъ по небу,
Съ вѣтеркомъ рѣзвясь.

Любо ихъ слѣдить очами...
Выше—вѣчность, Богъ!
Взоръ безъ нихъ остановиться бъ
Ни на чемъ не могъ...

Страсти сердца! Сны надежды!
Вдохновенья бредъ!
Былъ бы чуждъ безъ васъ и страшенъ
Сердцу Божій свѣтъ!

Васъ развѣять съ неба жизни,—
И вся жизнь тогда—
Силъ слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда.

1857.

XV.

БОЛОТО.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;

Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ:
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.
Ахъ! прелесть есть и въ этомъ запустѣньѣ!..
А были дни, мое воображенье
Плѣнялъ лишь видъ подобныхъ тучамъ горъ,
Небесъ глубокихъ праздничный просторъ,
Монастыри, да бѣлыхъ виллъ ограда
Подъ зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восходъ
Между колоннъ руины молчаливой,
Надъ серебромъ съ горы падучихъ водъ...
Мнѣ въ чудные гармоній переливы
Слагался ревъ катящихся зыбей;
Въ какой-то міръ вводилъ онъ безграничный,
Гдѣ я робѣлъ душою непривычной,
И радостно присутствіе людей
Вдругъ ощущалъ, сквозь этотъ гулъ упорный,
По погремушкамъ вьючныхъ лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вотъ—теперь такою же мечтой
Душа полна, какъ и въ былые годы,
И такъ же здѣсь заманчиво со мной
Бесѣдуетъ таинственность природы.

1856.

XVI.

ПАНЪ.

Панъ—олицетвореніе природы; по-гречески Πᾶν значитъ: *все*.

Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жаръ

И сладкій духъ
Поспѣлыхъ травъ
Умаялъ бога —
Онъ спитъ и грезитъ,
И видитъ сны...

По темнымъ норамъ
Ушло звѣрье;
Въ травѣ недвижно
Лежитъ змѣя;
Молчатъ стада,
И даже лѣсъ,
Пѣвучій лѣсъ,
Утихъ, умолкъ...
Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!..

Надъ нимъ кружитъ,
Жужжитъ, звенитъ,
Блеститъ, сверкаетъ
И вверхъ и внизъ
Блестящій рой
Жуковъ и пчелъ;
Сереброкрылыхъ
Голубокъ стая
Кругами рѣетъ
Надъ спящимъ богомъ;
А выше—строемъ
Иль острымъ клиномъ,
Подобно войску,
Черезъ все небо
Перелетаетъ
Полкъ журавлей;

Еще же выше,
На горнемъ небѣ,
Въ густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышенъ голосъ...
Всѣ словно бога
Оберегаютъ
Глубокій сонъ —
Чудесный сонъ —
Когда предъ нимъ
Разверзлось небо,
Онъ зритъ боговъ,

Своихъ собратій;
И, какъ цвѣты,
Рои видѣній
Съ улыбкой сыплютъ
Къ нему съ Олимпа
Богини-сестры...

Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядемъ
Въ травѣ густой,
И будемъ слушать, —
Какъ спитъ онъ—слушать,
Какъ дышитъ—слушать;
Къ намъ тоже тихо
Начнутъ слетать
Изъ самой выси
Святыхъ небесъ
Такіе жъ сны,
Какими грезитъ
Великій Панъ,—
Великій Панъ...

1870.

XVII.

ПЕЙЗАЖЪ.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ шеститъ лѣсъ зеленый;
Уже румянитъ осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣшитъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ
И, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ —
Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,

А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Что карлы сказочные спятъ...
Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали прогляпула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса
Уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ—то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу—дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А, хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

1853.

XVIII.

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И поздняхъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говорунья,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летунья!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ—ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

1856.

XIX.

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
„Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
О, лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришелъ!“

Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ,
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны.

1864.

XX.

ОСЕНЬ.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горятъ:
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!

Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;

Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей,

Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...

Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
И, какъ безумный, пою!

Знаю, не даромъ средь мховъ
Ранній подснѣжникъ я рвалъ;
Вплоть до осеннихъ цвѣтовъ
Каждый цвѣтокъ я встрѣчалъ:

Что имъ сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьемъ дыша,
Въ зимніе ночи и дни!

Листья шумятъ подъ ногой...
Смерть стелетъ жатву свою!
Только я веселъ душой —
И, какъ безумный, пою!

1856.

XXI.

И городъ вотъ опять! Опять сіяетъ балъ,
И полнъ жужжанія, какъ улей, свѣтлый залъ!
Вотъ люди, вотъ та жизнь, въ которой обновленья
Я почерпнуть рвался изъ сельской тишины...
Но, Боже! Какъ они ничтожны и смѣшны!
Какой въ нихъ жалкій видъ тоски и принужденья!
И слушаю я ихъ... душа моя скорбитъ!
Подъ общій уровень ей подогнуться трудно;
А рѣзвая мечта опять меня манитъ
Въ пустыни Божіи изъ сей пустыни людной...
И неба синяго раздолье вижу я,
И жаворонокъ въ немъ звенитъ на полной волѣ,
А колокольчиковъ безчисленныхъ семья
По вѣтру зыблется въ необозримомъ полѣ...
То рѣчка чудится, осыпавшійся скатъ,
Съ котораго торчитъ корней мохнатыхъ рядъ
Отъ лѣса, наверху разросшагося дико.
Чу! Шорохъ—я смотрю: вокругъ гнилого пня,

Надъ муравейникомъ, алѣетъ земляника,
И вѣтки спѣлыя манятъ къ себѣ меня...
Но вижу—разобравъ тростникъ сухой и тонкій,
Къ пурпурнымъ ягодамъ двѣ блѣдныя ручонки
Тихонько тянутся... какъ легкій, рѣзвый сонъ,
Головка дѣтская является, роняя
Густые локоны, серебристые какъ ленъ...
Одно движеніе—и нимфочка лѣсная,
Мгновенно оробѣвъ, малиновки быстрѣй,
Скрывается среди качнувшихся вѣтвей.

1856.

XXII.

МЕЧТАНІЯ.

Пусть пасмурный октябрь осенней дышитъ стужей,
Пусть сѣетъ мелкій дождь, или порою градъ
Въ окошки звякаетъ, рябитъ и пѣнитъ лужи,
Пусть сосны черныя, качаяся, шумятъ,
И даже безъ борьбы, покорно, незамѣтно
Сдаетъ угрюмый день, больной и безпривѣтный,
Природу грустную ночной холодной мглѣ,—
Я одиночества не знаю на землѣ.
Забившись на диванъ, сижу: воспоминанья
Встаютъ передо мной; слагаются изъ нихъ
Въ волшебномъ очеркѣ чудесныя созданья,
И люди движутся, и глубже каждый мигъ
Я вижу души ихъ, достоинства ихъ мѣрю,
И такъ ужъ наконецъ въ присутствіе ихъ вѣрю,
Что даже кажется, ихъ видитъ черный котъ,
Который, помѣстясь на столъ подъ образами,
Подыметъ морду вдругъ и желтыми глазами
По темной комнатѣ, мурлыча, поведетъ...

1855.

XXIII.

Жизнь еще передо мною
Вся въ видѣніяхъ и звукахъ,
Точно городъ дальній утромъ,
Полный звона, полный блеска!..
Всѣ минувшія страданья
Вспоминаю я съ восторгомъ,
Какъ ступени, по которымъ
Восходилъ я къ свѣтлой цѣли...

XI.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I.

ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ.

Что любимъ давно мы другъ друга, мы знали, хоть ясно
О томъ никогда у насъ не было рѣчи. Однажды
Случилось однимъ намъ остаться. Я взялъ ея руку
И съ жаромъ ее цѣловалъ. Покорилась невинная дѣва...
Я въ очи глядѣлъ ей... Влекомый волшебною силой,
Невольно устами къ ея я устамъ прикоснулся,
И долгій и звонкій тогда поцѣлуй нашъ раздался.
Какъ будто невѣдомымъ звукомъ испугана, дѣва
Вдругъ вырвалась сильно изъ страстныхъ объятій, закрыла
Руками лицо и заплакала горько и горько...
Я тихо привлекъ ее снова въ объятья; она преклонила
Покорно головку къ груди моей, очи потупивъ съ слезою;
И, тихо цѣлуя, я клялся впередъ не смущать ея болѣ,
Лаская, просилъ я простить мои дерзкія ласки.

(1846).

II.

Зачѣмъ, шутя неосторожно,
Въ мою ты вкрадывалась душу?
Я зналъ, что, міръ карая ложный,
Я сонъ души твоей нарушу...

И что жъ? мы смотримъ другъ на друга:
Ты—въ изумленьи и безсильи,
Какъ ангелъ чистый, отъ испуга
Расправить не могущій крылья...

А я... я чувствую—надъ бездной
Теперь поставлена ты мною!..
Ахъ, мчись скорѣй въ свой міръ надзвѣздный
И не зови меня съ собою!

Нѣтъ, не одна у насъ дорога!
То, чѣмъ я гордъ, тебя пугаетъ,
И не увѣруешь ты въ бога,
Который грудь мнѣ наполняетъ...

1857.

III.

Еще я полнъ, о, другъ мой милый,
Твоимъ явленьемъ, полнъ тобой!..
Какъ будто ангелъ легкокрылый
Слеталъ бесѣдовать со мной,—

И, проводивъ его въ преддверье
Святыхъ небесъ, я безъ него
Сбираю выпавшія перья
Изъ крыльевъ радужныхъ его...

1852.

IV.

Люблю, если, тихо къ плечу моему головой прислонившись,
Съ любовью ты смотришь, какъ, очи потупивъ, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнуть тобою,
Я очи къ тебѣ обращу и съ твоими встрѣчаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, какъ будто бы въ сладкомъ молчаньи
Мы мыслью сошлися и много сказали улыбкой и взоромъ.

1850.

V.

Истомленная горемъ, всѣ выплакавъ слезы,
На рукахъ у меня, какъ младенецъ, ты спишь;
На лицѣ твоемъ кроткомъ послѣдняя дума
Съ неотертой послѣдней слезинкой дрожитъ.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что безчувственъ къ слезамъ я казался твоимъ.
Не затѣмъ ли сквозь сонъ ты теперь улыбнулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря на тебя,
Тихо няньча тебя на рукахъ, какъ младенца,
Я страдаю, какъ ты, и заплакать готовъ?

1851.

VI.

Порывы нѣжности обуздывать умѣя,
На ласки ты скупа. Всегда собой владѣя,
Лелѣешь чувство ты въ безмолвіи, въ тиши,
Въ святилищѣ больной, тоскующей души...

Я знаю, страсть въ тебѣ питается слезами.
Когда жъ, измучена ревнивыми мечтами,
Сомнѣнья, и тоску, и гордость побѣдя,
Отдашься сердцу ты, какъ слабое дитя,
И жмешь меня въ своихъ объятіяхъ, рыдая, —
Я знаю, милый другъ, не можетъ такъ другая
Любить, какъ ты! Нѣтъ словъ милѣе словъ твоихъ,
Нѣтъ искреннѣе слезъ и клятвъ твоихъ нѣмыхъ,
Краснорѣчивѣе признанья и укора,
Признательнѣе нѣтъ и глубже нѣту взора,
И нѣтъ лобзанія сильнѣе твоего,
Которымъ бы сказать душа твоя желала,
Какъ много любишь ты, какъ много ты страдала.

1852.

VII.

Точно голубь свѣтлою весною,
Ты веселья нѣжнаго полна,
Въ первый разъ, быть-можетъ, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И межъ тѣмъ, какъ музыкою счастья
Упоенъ, хочу я въ тишинѣ
Этотъ мигъ, какъ лучъ среди ненастья,
Охватить душой своей вполнѣ

И молчу, чтобъ не терять ни звука,
Что дрожатъ въ сердцахъ у насъ съ тобой—
Вижу, вдругъ ты смолкла, въ сердцѣ мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мнѣ, что проникло
Въ грудь твою, чѣмъ сердце сражено,
Говоришь: ты къ счастью не привыкла,
И страшитъ тебя—къ добру ль оно?..

Ну, такъ что жъ? пусть снова идутъ грозы!
Солнце вновь вослѣдъ проглянетъ имъ,
И тогда страданія и слезы
Мы опять душой благословимъ.

1855.

XII.

ДОЧЕРИ.

I.

Новая свѣтлая звѣздочка
Въ сумракъ души моей глянула!
Это она, моя дѣвочка!
Въ глазкахъ ея уже свѣтится
Нѣчто безсмертное, вѣчное,
Нѣчто, сквозь міръ сей вещественный,
Дальше и глубже глядящее...
1856.

II.

Она еще едва умѣетъ лепетать,
Чуть бѣгать начала, но въ маленькой плутовкѣ
Кокетства женскаго ужъ видимы уловки.
Зову ль ее къ себѣ, хочу ль поцѣловать
И трачу весь запасъ ласкающихъ названій,
Она откинется, смѣясь, на шею няни,
Старушку обовьетъ руками горячо
И обѣ щеки ей цѣлуетъ безъ пощады,
Лукаво на меня глядитъ черезъ плечо,
И тѣшится моей ревнивою досадой.
1857.

III.

Эти дѣтскіе глазки
Полны счастья и ласки,
Такъ же смѣло глядятъ
Въ очи людямъ прохожимъ,
Какъ и ангеламъ Божьимъ,
Что надъ ними кружатъ...
1858.

IV.

Не можетъ быть! не можетъ быть!
Она жива!.. сейчасъ проснется...
Смотрите: хочетъ говорить,

Откроетъ глазки, улыбнется,
Меня увидитъ, обойметъ—
И вдругъ поняв, что плачъ мой значитъ,—
Ласкаясь, нѣжно мнѣ шепнетъ:
„Какой смѣшной! о чемъ онъ плачетъ!..“

Но нѣтъ!.. лежитъ... тиха, нѣма,
Недвижна...

1867.

V.

Вотъ ужъ и гробъ!.. и она
Тихо лежитъ межъ цвѣтовъ...
Что же за призраки вкругъ
Въ бѣлыхъ одеждахъ стоятъ?
Свѣтлыхъ ли грёзъ ея рой,
Свѣтлыхъ мечтаній, надеждъ —
Спутницы жизни ея?
Тѣ, съ кѣмъ она по часамъ
Тихія рѣчи вела,
Что провожали ее
Всюду въ поляхъ и лѣсахъ?
Смолкли и плачутъ онѣ,
Тихо обнявшись вокругъ
Бѣдной подруги своей...
Плачутъ, она жъ и теперь
Имъ улыбается... Да!
Да, улыбается имъ...
О, безпощадная смерть!

1867.

XIII.

ИЗЪ СТРАНСТВОВАНІЙ.

I.

Люблю надъ Рейномъ я громадныя твердыни,
Какъ гнѣзда орлія на гребнѣ дикихъ скалъ:
Тамъ буйствовалъ восторгъ, гласъ чести созывалъ
Воителей на брань къ спасенью благостыни.
Такой ли въ васъ огонь пылалъ въ годину сѣчъ,
Наслѣдники гербовъ ихъ, славы и гордыни?..
Безсмысленны для насъ обломковъ ихъ святыни,
И дремлетъ въ бурю войнъ вашъ прадѣдовскій мечъ!

Такъ сада дикаго среди пустынной чащи,
Гдѣ нѣкогда фонтанъ взвивалъ кристаллъ шумящій,
Изъ урны треснувшей разросся злакъ густой:
Гдѣ съ скалъ рвалась волна, шумя, какъ бездны ада,
Чуть вьется слабый токъ по руслу водопада,
И заросла плющомъ и длинной осокой
Листовѣнчанная изъ мрамора наяда.

(1842).

II.

НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

Больное, тихое дитя
Сидитъ на берегѣ, слѣдя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкругъ берегъ пустъ... скала, песокъ...
Тростникъ, накиданный волною,
Въ поморьѣ тянется каймою...
И такъ покой кругомъ глубокъ,

Такъ тихъ ребенокъ, что садится
Вблизи его на тростникѣ,
Играя, птичка; на пескѣ
По мели рыбка серебрится...

Къ нимъ взоръ порою обратя,
Такъ улыбается дитя,

Глядитъ на нихъ съ такимъ участьемъ
И такъ сіяетъ кроткимъ счастьемъ,—

Что если, бѣдный, промелькнетъ
Онъ на землѣ, какъ гость залетный,
И скоро въ небѣ въ сонмъ безплотный
Господнихъ ангеловъ войдетъ,

То тамъ, межъ нихъ воспоминая
Свой берегъ дикій и пустой,—
„Прекрасна,—скажетъ,—жизнь земная!
Богатъ и веселъ край земной!“

1858.

III.

О, вѣчно-ропщущій, угрюмый Океанъ!
Съ богами вѣчными когда-то въ гордомъ спорѣ
Цѣпями вѣчными окованный Титанъ,
И древнее свое одинъ несущій горе!
Ты успокоился... на долго ли?.. О, мигъ —
И, грозный, вдругъ опять подымется старикъ
И, злобствуя на все: на солнце золотое,
На пѣсни Нереидъ, на звѣздный тихій свѣтъ,
На счастіе, какимъ исполнился поэтъ,
Обрѣтшій свой покой въ его святомъ покоѣ,
Ударитъ по волнамъ, клянн суровый рокъ
И грозно требуя въ неистовой гордынѣ,
Чтобы не смѣлъ глядѣть ни человѣкъ ни богъ,
Какъ горе онъ свое несетъ въ своей пустынѣ...

Біарица. 1859.

IV.

АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ.

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ,
А тамъ, — какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ дѣвственномъ весельѣ,
Въ багрянцахъ утра, ледники!

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой снѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой
И свѣта полной глубины!

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И нѣтъ людского тамъ слѣда,
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ: „туда! туда!“.

1859.

V.

АЛЬПИЙСКАЯ ДОРОГА.

На горѣ, сіяньемъ утра
Деревянный крестъ облитъ,
И малютка на колѣнихъ
Передъ нимъ въ мольбѣ стоитъ...

Помолись, душа святая,
И о странныхъ и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ и о злыхъ...

Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мірѣ всюду одинокъ...

1859.

VI.

Все — серебряное небо!
Все — серебряное море!
Теплой влагой воздухъ полонъ!
Тишина такая въ мірѣ,
Какъ въ душѣ твоей бываетъ
Послѣ слезъ, когда, о, Нина,
Сердце кроткое осилитъ
Страстью поднятую бурю,
И на блѣдныя ланиты
Ужъ готовъ взойти румянецъ,
И въ очахъ мерцаетъ тихій
Свѣтъ надежды и прощенья...

Ницца. 1858.

VII.

Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо,
Отъ цвѣтовъ до другихъ по недѣлѣ проходитъ и болѣ.
Словно кончитъ картину и публикѣ дастъ наглядѣться,
Да и публика знаетъ маэстро и ужъ много о немъ не толкуетъ:
Репутація сдѣлана: бюстъ ужъ его въ Пантеонѣ.
То ли дѣло нашъ сѣверъ! Весна, какъ волшебникъ нежданный,
Пронесется въ лучахъ и растопитъ снѣга, и угонитъ,
Словно взмахомъ однимъ съ яркой озими сдернетъ покровы,
Вздуетъ почки въ лѣсу, и цвѣтами ужъ зыблется поле!
Не успѣетъ крестьянинъ промолвить: „никакъ нынче вёдро“,
Какъ и соху справляй, и сырую разрыхливай землю!
А на небѣ-то, Господи, праздникъ, и звонъ, и веселье!
И летитъ надо всею-то ширью отъ моря и до моря птицы
Къ зеленямъ безпредѣльнымъ, къ широкимъ зеркальнымъ
разливамъ!
Выбирай лишь, гдѣ больше приволья въ водѣ имъ и въ лѣсѣ!
И кричатъ какъ, завидя знакомыя рѣки и дебри,
И съ соломенныхъ крышъ бѣловатый дымокъ надъ поляной!..
Унеси ты, волшебникъ, скорѣе меня въ это царство,
Гдѣ по утреннимъ свѣтлымъ зарямъ бодро дышится груди,
Гдѣ предъ ликомъ Господнихъ чудесъ умиляется всякое сердце...

Неаполь. 1859.

XIV.

НЕАПОЛИТАНСКІЙ АЛЬБОМЪ.

(Миссъ Мери).

1858 — 1859.

I.

ДОНЪ-ПЕППИНО.

Жаръ упалъ. На берегъ моря
Шумно въ садъ толпа валитъ,
И кругомъ по звонкой лавѣ
Экипажей рой летитъ...

Звонъ колесъ, и блескъ, и хохотъ...
Крикъ и щелканье бичей!..
Все-то къ саду мчится, къ морю,
Въ сѣнь каштановыхъ аллей.

„Что за женщины!“—бормочетъ
Сѣверянинъ отъ души;
Сѣверянки жъ прибавляютъ:
„И мужчины хороши!“

Хороши! Но вотъ, смотрите,
Изъ красавцевъ Аполлонъ!
Какъ онъ божески спокоенъ,
Точно нектаромъ вспоенъ!

Даже эта эспаньолка!
Съ шикомъ лондонскимъ нарядъ,
Даже розочка въ петлицѣ
Сходству съ богомъ не вредятъ!

Вотъ онъ бросилъ свой миланскій
Щегольской кабріолетъ,
Входитъ въ садъ; въ толпѣ движенье,
Всѣ глядятъ ему вослѣдъ...

Аполлонъ!.. Но вотъ къ миссъ Мери
Олимпіецъ подошелъ...
Вкругъ нея какъ будто вспыхнулъ
Тотчасъ свѣтлый ореолъ...

Ахъ, я чувствую, неловко
Ей отъ этихъ черныхъ глазъ,

Хоть глядитъ онъ такъ покорно,
Говоритъ полусмѣясь...

И, должно-быть, въ этомъ взглядѣ
Власть и сила безъ границъ!
Ледяныхъ и знатъ красавицъ,
Величавыхъ, гордыхъ львицъ...

Но взглянулъ онъ—прочь величье!
Эта львица передъ нимъ
Тише, тише и ужъ смотритъ
Вдругъ звѣрькомъ совсѣмъ ручнымъ!

Такъ и ластится, и ходитъ,
И съ него не сводитъ глазъ...
О, миссъ Мери, о, миссъ Мери!
Признаюсь—дрожу за васъ!

II.

Боже мой, какая нѣга
Въ этихъ палевыхъ ночахъ!
Все какъ будто замираетъ
Въ сладострастныхъ, жаркихъ снахъ!

На цвѣты посмотришь, право,
Покраснѣешь со стыда!
Какъ ласкаются, что̀ шепчутъ,
И что̀ дѣлаютъ—бѣда!

Нѣтъ, домой скорѣй, миссъ Мери!
На замокъ скорѣй балконъ!
Прогоните донъ-Пеппино...
Онъ отваженъ и влюбленъ...

Въ эту ночь какъ разъ забудешь,
Что̀ дозволено, что̀ грѣхъ,
И въ одну минуту сердце
Скажетъ вамъ: все вздоръ и смѣхъ!

III.

Вотъ смотрите, о, миссъ Мери,
Весь на аркахъ, весь сквозной,
Королевы Іоанны
Замокъ темный и нѣмой.

Днемъ въ тотъ замокъ ѣздятъ даже
Кушать устрицы; тамъ видъ
Чудный къ морю, и бесѣдка
Виноградная стоитъ.

По ночамъ—другое дѣло!
Не пройдетъ вблизи руинъ
Безъ воззванія къ Мадоннѣ
Босоногій капуцинъ;

Въ страхѣ ослика колотитъ
Здѣсь погонщикъ въ поздній часъ,
И бѣжитъ проворной рысью
Самъ, за хвостъ его держась;

И съ компаніей веселой
Изъ Пуццоло каретьеръ
Только съ хлопаньемъ и гикомъ
Пролетитъ во весь карьеръ.

Слухъ идетъ о королевѣ,
Будто чортъ, поспоря съ ней,
По ночамъ ей обязался
Приводить богатырей;

Что въ своихъ объятьяхъ много
Ихъ замучила она,
Но доселѣ не сказала:
„Мнѣ довольно, сатана!..“

И въ урочный часъ, сіяя
Красотой могучей женъ
Тѣхъ желѣзныхъ, тѣхъ кровавыхъ,
Полуварварскихъ временъ,

Въ замокъ свой она приходитъ...
Стражи тутъ тревогу бьютъ,
Видно, какъ пажи въ аркадахъ
Съ канделябрами бѣгутъ.

И въ коронѣ многоцвѣтной
Въ свой чертогъ она идетъ,
И съ своей порфирой алой
То мелькнетъ, то пропадетъ...

И безумцевъ такъ и тянетъ
Съ ней, женой богатырей,
Испытать и пылъ и нѣгу
Намъ невѣдомыхъ страстей.

Разъ и я былъ, о, миссъ Мери,
Этой чарою объятъ...
Долго ждалъ я, скоро ль въ окнахъ
Канделябры заблестятъ...

И когда бъ тутъ не промчался
Мистеръ-Джона экипажъ,
И при бѣломъ лунномъ свѣтѣ
Не мелькнулъ мнѣ образъ вашъ,—

Образъ, полный тѣмъ прозрѣньемъ,
Торжествомъ и тишиной,
Что въ страдальцахъ предъ кончиной
Поражаетъ насъ порой,—

Я клянусь вамъ, о, миссъ Мери,
Въ эту ночь съ ея луной,
Съ этой нѣгой—я не знаю,
Что бы сдѣлалось со мной!

IV.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

(Романсъ донъ-Пепино).

Andante.

Se io fossi un angelo...

Когда бъ я ангелъ былъ небесный,
Тебя бъ на небо я умчалъ
И, полонъ радости чудесной,
Съ тобой къ Всевышнему предсталъ,
Чтобы, о, чистое созданье!
Средь ликованья горнихъ силъ
Онъ красоты твоей сіянье
Лучомъ безсмертья озарилъ!

Allegro.

„Океанъ кидаетъ волны!
Все глядитъ къ звѣздѣ своей!
И въ волнахъ, на каждомъ взломѣ,
Блещетъ свѣтъ ея лучей.
Упади, звѣзда златая,
Упади ко мнѣ на грудь,
А не то вѣдь я сумѣю
И до неба досягнуть!“

V.

Весь Неаполь залитъ газомъ,
Шумомъ улицы полны,
Но въ Hôtel di Gran-Bretagna
Окна всѣ затворены.

Лишь въ одномъ окошкѣ лампа:
За газетой мистеръ Джонъ...
Точно савантъ примѣрная,
Times развертываетъ онъ...

За работой вы, миссъ Мери!
Какъ идетъ румянецъ къ вамъ
И разсыпанные просто
Ваши кудри по плечамъ!

Блескъ въ глазахъ... и грудь какъ дышитъ...
Такъ, я видывалъ не разъ,
Дышитъ птичка, изъ-подъ лапы
У кота освободясь...

VI.

Я люблю въ Café d'Europa
Смѣхъ и шумъ въ всѣхъ углахъ,
Серебро, хрусталь на звонкихъ
Бѣломраморныхъ столахъ.

Всѣмъ тутъ весело: французамъ
Съ вѣчной сахарной водой,
Саввѣ Саввичу съ шампанскимъ
И котлетой отбивной.

Итальянцы жъ, какъ на балѣ,
Всѣ во фракахъ щегольскихъ...
Лишь блестящій донъ-Непомино
Нынче что-то пріутихъ.

„Вотъ ужъ каменное сердце!—
Онъ шипитъ:—Невмоготу!..
И даетъ же имъ Создатель
Неземную красоту!..

„Чай, сидитъ теперь и пишетъ
Про Неаполь чепуху
Своему такому жъ точно
Ледяному жениху!

„Вздохи шлетъ свои въ Калькутту,
Гдѣ Альфредъ ея лѣтъ пять
Сѣетъ макъ во имя Мери,
Чтобъ китайцевъ отравлять!“

VII.

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ...

Какое утро!.. Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вздохъ еще бѣжитъ,

И—слѣдъ утихнувшаго гнѣва —
Бурунъ вскипаетъ здѣсь и тамъ,
И слышенъ гулъ глухого рева
Вдоль по отвѣснымъ берегамъ...

Плыву я, счастьемъ тихимъ полный,
И мой гребецъ имъ дорожитъ:
Чуть-чуть по влагѣ, самъ безмолвный,
Весломъ сверкающимъ скользитъ...

Молчитъ и лишь съ улыбкой взглянетъ,
Когда на насъ отъ береговъ
Чуть слышнымъ вѣтеркомъ потянетъ
Благоуханіе цвѣтовъ:

Какъ будто сильфовъ рѣзвыхъ стая,
Спрыгнувъ со скалъ, дыша теплом,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться въ воздухѣ морскомъ...

VIII.

КЪ МИССЪ МЕРИ.

Передъ тобой синѣетъ море,
Заря играетъ по горамъ,
Но, какъ тоскующая лебедь,
Блуждаешь ты по берегамъ.

За убѣгающей волною,
Сжимая руки, ты слѣдишь
И „гдѣ онъ? гдѣ? скажи, о, море!“
Въ пустыню съ воплемъ говоришь!

IX.

Князь NN. и графъ фонъ-Дум—енъ,
Мичманъ С., артистъ Бурдинъ
Мечутъ съ хохотомъ червонцы
Въ глубину морскихъ пучинъ.

За червонцемъ въ ту жъ минуту
Мальчикъ—прыгъ! исчезъ въ водахъ—
И ужъ вынырнетъ навѣрно
Съ золотымъ кружкомъ въ зубахъ...

Молодецъ!.. Но, милый мальчикъ,
Знаю бездну я одну...
Самъ Господь червонцевъ всыпалъ
Много въ эту глубину.

Только дна ты въ ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной миссъ Мери,
Англичанки ледяной!

X.

Въ темный храмъ одинъ прокрался
Лучъ полдневный, озаря
Два-три бѣлыхъ покрывала
Изъ толпы у алтаря.

Тихо! точно какъ на отдыхъ
Собрались въ прохладный храмъ
Эти ангелы подъ своды,
Эти люди къ алтарямъ.

Вы войдете: что малютокъ
Улыбается! что глазъ,
Черныхъ глазъ въ толпѣ безмолвной
Подымается на васъ!

XI.

Вотъ съ рѣзной каѳедры грозно
Держитъ рѣчь къ толпѣ монахъ
И къ огромному распятью
Припадаетъ весь въ слезахъ.

„Се Страдалецъ!—восклицаетъ:—
Острый тернъ чело язвитъ!
Се божественныя ребра!
Кровь ручьемъ изъ нихъ бѣжитъ!

„Онъ за васъ пріемлетъ муки!
Вамъ же трудно для Него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!..“

И толпа вокругъ рыдаетъ,
Все готова обуздать,
Лишь бы, выйдя вонъ изъ храма,
Черныхъ глазъ не повстрѣчать.

XII.

Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы стояли,
На рѣшетку опершись,
Въ темномъ храмѣ и душою
Въ свѣтлый куполъ унеслись,

Я глядѣлъ на васъ, миссъ Мери!
Понялъ я вашъ грустный взоръ,
Этихъ ангельчиковъ съ вами
Я подслушалъ разговоръ.

— Жаль, что ты для насъ чужая!—
Вамъ сказали. — Но, увы!
Воротиться невозможно!—
Отвѣчали кротко вы.

— У тебя такъ много горя,
Съ кѣмъ ты выплачешь его?
— Съ кѣмъ? Одна! сама съ собою!
Вокругъ—пустыня! никого!

— Кто въ пути тебя наставитъ?
— Умъ! — Все умъ!.. а сердце что жъ?
— Умъ для сердца лучшій кормчій!
— Лжешь, миссъ Мери, право, лжешь!

Мы вѣдь знаемъ,—какъ ребенокъ,
Сердце скажетъ вдругъ: „хочу“ —
И прощаемъ!.. — Ты жъ съ улыбкой:
— Но сама я не прощу!

Тутъ поднялись вы и легкимъ
Наклоненьемъ головы
Съ свѣтлымъ сонмомъ силъ небесныхъ,
Какъ съ дѣтьми, простились вы...

XIII.

Золотой архіепископъ,
Signoria и народъ,
Иностранцы въ черныхъ фракахъ,
Весь Неаполь—чуда ждетъ.

Взоры всѣхъ на склянкѣ съ кровью...
Только кровь все не кипитъ...
Санъ-Дженнаро, Санъ-Дженнаро!
Или ты на насъ сердитъ?

Или есть межъ нами грѣшникъ?
Бейте жъ въ грудь себя сильнѣй!
Бейтесь объ полъ головами!
Плачьте громче, горячей!

Донна Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счетъ грѣхамъ?
И на исповѣди все ли
Перечли духовникамъ?..

Да не я ли ужъ помѣха?
Я вѣдь здѣсь совсѣмъ чужой!
Не миссъ Мери ль? Но миссъ Мери
Ужъ уѣхала домой.

Мимоѣздомъ въ Санъ-Дженнаро,
Въ амазонкѣ и съ хлыстомъ
Появлялася миссъ Мери...
Взглядъ лишь бросила кругомъ,—

Боже! точно льдомъ пахнуло
Отъ нея на всѣхъ на насъ,
Льдомъ полярнымъ, правда, чистымъ
И прозрачнымъ, какъ алмазъ!..

Мистеръ Джонъ одинъ остался
И во всѣ глаза слѣдитъ
За движеньями прелата,
Что предъ склянкою стоитъ.

XIV.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Далеко, на самомъ морѣ
Я построю домъ
Изъ цвѣтныхъ павлиньихъ перьевъ
Съ звѣздами кругомъ,

Вставлю въ нихъ кругомъ сапфиры
Жемчугъ, бирюзу,
Жить туда со мной павѣки
Нину увезу.

И едва кругомъ съ балкона
Нина поглядитъ,—
„Солнце всходитъ! солнце всходитъ!“
Все заговоритъ!

XV.

ЕЩЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПѢСНИ.

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой!
Умирать—такъ умирать
Отъ ножа въ глазахъ у милой!
Станетъ вдругъ она тогда
Говорить, о чемъ молчала,
Цѣловать, какъ никогда
До того не цѣловала!

XVI.

Что за шумъ и крикъ? О, Боже!
Нина! ты ль, моя краса,
Такъ безжалостно вцѣпилась
Лорецціно въ волоса!

Точно молнія блеснула,
Видѣлъ я, въ глазахъ твоихъ,

И изъ ангела въ тигрицу
Превратилася ты вмигъ!

А все вы виной, миссъ Мери,
Что смотрѣли на него
И этюдъ нашли въ немъ чудный
Для альбома своего!

XVII.

Вы повсюду, о, миссъ Мери!
Въ этотъ зной!.. Лучи палятъ:
Сотни каторжниковъ красныхъ
Гору бѣлую сверлятъ...

Что вы взорами впились
Въ этотъ пестрый сбродъ людей,
Въ эти бронзовыя лица?
Иль вамъ чуденъ стукъ цѣпей?

Или вамъ въ толпѣ несчастныхъ
Дико видѣть смѣхъ и споръ,
И трагическія позы,
И комическій задоръ?

Знаю, „мучениковъ мысли“
Все вы ищете межъ нихъ,
Чтобы нѣсколько имъ бросить
Утѣшенья словъ святихъ!

О, подъ этимъ яснымъ небомъ,
Посреди счастливыхъ лицъ—
Эти люди вѣдь опасны!
И бандитовъ и убійцъ!

Ихъ катоновская мрачность
И улыбка злая ихъ
Навели бъ и страхъ и скуку
На людей и на святыхъ!

И, спасибо, ихъ далёко
Убираютъ здѣсь: туда,
Гдѣ и солнце ненарокомъ
Не бываетъ никогда!

XVIII.

ДВА КАРЛИНА.

«Эй, синьоръ! хоть два карлина
Дайте мнѣ за что-нибудь!
Спѣть вамъ bella Sorrentina?
Или пыль съ сапогъ стряхнуть?

„Боже мой! съ какою злобой
Вы кричите: негодяй!
Здѣсь Неаполь! здѣсь особый
И народъ и самый край!

„Много есть народовъ умныхъ,—
Но философъ—нашъ одинъ,
Хоть живетъ средь улицъ шумныхъ,
Какъ поэтъ и арлекинъ!

„Богачи и лаццароны—
Все одна душа! у всѣхъ
Счастье—тѣ же макароны,
Тѣ же пѣсни, тотъ же смѣхъ!

„Наши пѣсни—что ихъ краше?
Какъ цвѣты изъ нѣдръ земныхъ,
Изъ груди нѣвучей нашей
Такъ и тянетъ солнце ихъ!

„Смѣхъ намъ хартія! захочетъ
Деспотъ сжать насъ—смѣхъ ужъ тутъ:
Знаетъ, два слова—и хохочетъ
Весь Неаполь, всякій людъ!

„Мирно съ церковью онъ ладитъ,
Да и церковь ко двору!
Для него Мадонну рядитъ,
Какъ невѣсту на пиру!

„Галлы, нѣмцы, аррагонцы
Споръ вели изъ-за него:
Онъ, отъ всѣхъ ловя червонцы
Не стоялъ ни за кого!

„Возвѣстилъ ему свободу
Гарибальди—perchè no?
Были въ праздникъ народу,
Были въ пѣсни и вино!

„Все равно, кто правитъ нами:
Тотъ иль этотъ!.. Здѣсь одинъ
Надъ рабами и царями
Есть повыше господинъ...

„Вонъ чудовище открыло
Къ ночи огненную пасть...
Точно ждетъ, сбираясь съ силой,
Только знака, чтобъ напасть!

„Не минуемъ вѣрной кары!
Нынче ль, завтра ль—все одно!..
Ужъ подземные удары
Ночью будятъ насъ давно,

„И колеблющейся лентой
По прозрачнымъ небесамъ
Отъ Пуццоло до Сорренто
Дымъ стоитъ и здѣсь и тамъ...

„Все, что дышитъ, гибель чуетъ,
И, боясь опоздать,
Веселится и ликуетъ...
Человѣку ль отставать?

„Лучше пѣть, забывши горе,
Передъ часомъ роковымъ,
Какъ поглотитъ огнь иль море
Почву шаткую подъ нимъ...

„Ахъ, ужасная картина!
Вдругъ порвется жизни нить...
Такъ что... ваши два карлина...
Передъ смертью, можетъ-быть!“

XIX.

ТАРАНТЕЛЛА.

(На голосъ: *Già la luna è mezz'al mare...*)

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чъеко ужъ идетъ!
Вонъ ужъ скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чъеко старый...
Точно птички на зерно,

Отовсюду мчатся пары!..
Вонъ ужъ кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчались въ кругъ живой—
Очи долу, ударяя
Въ тамбурина надъ головой!
Ловокъ съ нею и Джеппаро!..
Вслѣдъ за ними намъ, смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара...
Ну, Нинета... разъ, два, три...

Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьоръ, синьоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ-быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, синьора? Вы бъ и рады,
Къ намъ сердечко васъ зоветъ...
Да снуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ...
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки!
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки,
Не смѣется никогда?
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты что смотришь такъ сурово,
Босоногій капуцинъ?
Въ сердцѣ памятью былого,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну, такъ къ намъ!.. и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ, мчатся пары;
Не сидится старикамъ...
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ...
Мудрено ль! вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно,
Что такое человѣкъ!..
Что тутъ думать?.. Шибче скрипки!
Наши—юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

XX.

LACRYMAE CHRISTI.

На Везувіи пустынникъ
Жилъ ужъ много лѣтъ;
Былъ здоровъ, румянъ и веселъ,
Хоть давно ужъ сѣдъ;
Но, живя въ уединеньи,
Говорилъ отвыкъ,
И, что годъ, то становился
Туже на языкъ.

Жилъ онъ, жилъ, молился Богу,
Виноградъ садилъ;
Виноградъ же этотъ въ мірѣ
Всѣмъ извѣстенъ былъ:

Только онъ давалъ густое,
Темное вино...
Подъ названьемъ Слезъ Христовыхъ
Славилось оно.

И хотя къ нему названье
Не Христовыхъ Слезъ,
А скорѣе слезъ титана
Лучше бы нравилось:
Жгло оно и страсть будило,—
Но, увы! старикъ
Въ миѳологіи не смыслилъ.
Въ жизнь не видѣлъ книгъ...
А могучихъ лозъ обилье,
Въ простотѣ своей,
Все приписывалъ Мадоннѣ
И молился ей,
И за каменной оградой
У своихъ воротъ
Ей часовенку поставилъ—
Отъ всѣхъ бѣдъ оплотъ!

Такъ шли годы. На Везувій
Вѣчно шелъ народъ;
Къ старику ужъ вѣрно каждый
За вином зайдетъ;
Только вотъ уже съ недѣлю
Сталъ вулканъ бурлить;
Старика предупреждали,
Что ужъ худу быть,
Что геологи пугаютъ
Близкою бѣдой.—
Но старикъ лишь улыбался
И махалъ рукой.
Только вотъ съ своей постели
Онъ былъ сброшенъ вдругъ
Отъ подземнаго удара...
Смотритъ: адъ вокругъ!

Изъ жерла вулкана—пламя
Огненнымъ снопомъ!
Громъ, какъ будто сотни пушекъ
Грянули кругомъ.
Всюду лопаютъ вулкана
Черные бока,

И течетъ изъ нѣдръ ихъ лава
Свѣтлая рѣка...
Ослѣпленъ и задыхаясь,
Еле живъ старикъ;
Чуть доползъ онъ до часовни,
Къ ней лицомъ привникъ,
Лозъ пригнулъ къ себѣ,—но листья
Свертываетъ жаръ,
Кисти лопаютъ и капаютъ,
И идетъ съ нихъ паръ...

Этихъ лозъ, что возращалъ онъ,
Что въ его дому
Разливали столько счастья,
Стало жаль ему,
И, себя забывъ, къ Мадоннѣ
Вдругъ онъ простоналъ:
„Сохрани мой виноградникъ“,
И безъ чувствъ упалъ.
Вопль услышала Мадонна;
Лава обошла
Вкругъ стѣны и знаменитыхъ
Лозъ не обожгла.
И старикъ потомъ былъ найденъ,
Въ чувство приведенъ,
И досель живетъ, остывшей
Лавой окруженъ.

Только вотъ что вышло худо:
Къ кратеру горы
Ужъ совсѣмъ другой дорогой
Ходятъ съ той поры;
Пьютъ вино ужъ у другого!
Старецъ пересталъ
Виноградникъ свой лелѣять—
Виноградъ пропалъ...

Съ нимъ онъ самъ почти-что высохъ:
Вечеркомъ сидитъ
У воротъ и на часовню
Грустно онъ глядитъ:
„Помолился я Мадоннѣ,—
Думаетъ,—тогда,
Да не выразился ясно!
Вотъ моя бѣда!“

XXI.

Все ты бредишь англичанкой,
Что сегодня на зарѣ
Оссіановскою тѣнью
Пронеслася по горѣ...

Я увѣренъ, Савва Саввичъ,
Что и осликъ сѣрый твой
Все арабской кобылицей
Нынче бредитъ день-деньской.

Странно бъ было, если бъ даже
Вы въ сужденьяхъ разошлись—
Онъ—о кровной кобылицѣ,
Ты—о кровной этой миссъ!

XXII.

Всѣмъ ты жалуешься вѣчно,
Что судьбой гонимъ съ пеленъ,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чиномъ обойденъ!

Другъ! не ты одинъ страдаешь!
Вонъ, взгляни: оселъ стоитъ
И съ горы на весь Неаполь
О бѣдахъ своихъ кричитъ.

XXIII.

Фердинандъ король былъ рыцарь,
Деликатности примѣръ!
Онъ за собственной печатью
Заперъ всѣхъ нагихъ Венеръ,

А раздѣтыхъ Геркулесовъ
Всѣхъ оставилъ по мѣстамъ:
Не боясь мужчинъ обидѣть,
Обижать не смѣлъ онъ дамъ.

XXIV.

Внѣ ограды Campo Santo,
Не въ ряду святыхъ могилъ,
Нынче съ почестью Неаполь
Примадонну хоронилъ.

Безъ военнаго конвоя,
Безъ монаховъ и поповъ,
Самъ народъ „комедіантку“
Провожалъ дождемъ цвѣтовъ.

Каждый чувствовалъ, что городъ
Точно вдругъ осиротѣлъ,
Ото всѣхъ сердецъ какъ будто
Добрый геній отлетѣлъ...

Не безъ зависти, миссъ Мери,
Вы смотрѣли изъ окна,
Какъ за гробомъ примадонны
Шла народная волна.

Какъ въ своихъ лохмотьяхъ важно
Ладзароны гробъ несли,
Какъ по ихъ угрюмымъ лицамъ
Слезы тихія текли...

Хоть вы знали, пуританка,
Что цѣною жгучихъ слезъ.
Бурной жизнью, трудной школой
Все божественной далось...

Мистеръ Джонъ объ этомъ знаетъ,
Но молчитъ вашъ мистеръ Джонъ...
Вспоминая, сколько „фунтовъ“
На нее потратилъ онъ...

Но зато мой Савва Саввичъ
Съ простодушіемъ дѣтей
Безкорыстно радъ поплакать
Чуждой скорби, какъ своей.

XXV.

Миссъ, не бойтесь легкой шутки!
Мы вѣдь шутимъ надъ всѣмъ,
Шутимъ даже надъ героемъ
Нашихъ собственныхъ поэмъ...

Да и что моя вамъ шутка!
Вдругъ у нашихъ ногъ блеснетъ
И, какъ ящерица въ камняхъ,
Шаловливо пропадетъ.

XXVI.

Докъ-Пеппино русской бредитъ,
Щеголяетъ въ бирюзѣ,
И въ Café d'Europa всюду
Чертитъ пальцемъ букву З.

Повторяетъ безпрестанно
При другихъ и про себя:
„Зина, Зина, che bel'nome!"
И потомъ: „люблю тебя".

Такъ, по-русски... Вотъ нескромникъ!
Здѣсь вѣдь рѣдкость бирюза,
И, любуясь ею, денди
Шепчетъ всѣмъ: „ея глаза".

XXVII.

Пульчинель вскочилъ на бочку,
И толпа ужъ собралась;
Жестъ лишь сдѣлалъ—и вся площадь
Яркимъ смѣхомъ залилась.

Берегись, смотри, проказникъ!
Этотъ смѣхъ вѣдь обѣжитъ
Цѣлый городъ—тамъ, какъ эхо,
Въ Аппенинахъ прогремитъ,

Здѣсь раскатится по морю
И ударитъ по скаламъ
Капри, Исхіи, Прочиды,
Въ домы къ смѣлымъ рыбакамъ!

Берегись! хоть Санъ-Дженнаро
Я съ тобою заодно,
Но ужъ съ фортовъ этихъ пушки
На тебя глядятъ давно!

XXVIII.

Мнѣ Неаполь опротивѣлъ,
Опротивѣлъ, какъ тюрьма!
Это скалы на грудѣ груда,
На домахъ еще дома!

Продавцовъ, мальчишекъ крики!
Крики взбалмошныхъ ословъ...
Точно городъ этотъ вѣчно
Занятъ пробой голосовъ!

Нынче жъ, кажется, и въ морѣ,
Заглушая все, идутъ
Репетиціи трескучей
Оперетты „Страшный Судъ“.

XXIX.

Душно! Иль опять сирокко?
И опять заливъ кипитъ,
И дыханіе Сахары
Въ бурыхъ тучахъ вихорь мчитъ?

Въ лицахъ страхъ, недоумѣнье...
Средь безмолвныхъ площадей
Люди ждутъ въ томленья страстномъ,
Грянулъ громъ бы поскорѣй...

Чу! ужъ за моремъ онъ грянулъ!
И Сицилія горитъ!
Знамя свѣтлое свободы
Ужъ надъ островомъ стоитъ!

Мигъ еще... конецъ тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народъ вокругъ Гарибальди
Кинетъ въ воздухъ колпаки!

XXX.

Говорятъ, со всѣхъ соборовъ
Нынче статуи святыхъ
Собирались въ Санъ-Джениаро
О дѣлахъ судить своихъ.

Несогласье вышло въ мнѣньяхъ,
Кто храбрился, кто робѣлъ,
Порѣшили напослѣдокъ
Ожидать исхода дѣлъ.

XXXI.

Блеститъ салонъ княгини Зины,
Но въ шумномъ говорѣ гостей
Надъ мягкой красною фланелью
Сверкаютъ иглы русскихъ фей.

Но какъ пугливы эти феи!
Отъ бурь войны онѣ бѣгутъ:
Княгини Зины чемоданы
Лишь утра завтрашняго ждутъ!

XXXII.

Народный вождь вступаетъ въ городъ...
Все ближе онъ... все громче крикъ...
И вотъ онъ самъ, средь этихъ криковъ
Отъ счастья тихъ... О, чудный мигъ!

Къ нему всѣ рвутся, какъ на приступъ.
Но вотъ дорвалася одна —
И ужъ съ цвѣткомъ изъ рукъ героя
Уходитъ, гордая, она!

О, сколько тамъ, въ странѣ тумановъ,
Средь вѣчныхъ будничныхъ тревогъ
Напомнитъ Мери этотъ скромный,
Съ трудомъ доставшійся цвѣтокъ!

И загорѣлый ликъ героя,
И пестрыхъ волнъ народныхъ плескъ,
И вкругъ на всемъ съ высотъ лазурныхъ
Луча полуденнаго блескъ!

1858.

XV.

ДОМА.

I.

МАТЬ.

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему недолго!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!

Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ-былъ мальчикъ съ пальчикъ...

Нѣтъ! не хочешь?.. сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-темекъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ:
Во сыромъ-темномъ бору...
Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, весь въ жару
Губки открываетъ...

„*Во сыромъ бору*“ поетъ
Мать и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ

Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...

И едва дитя въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется,
„*Во темномъ-сыромъ бору*“
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть, съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею
Жизни чудный огонекъ,
Что̀ затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало,
Что̀ любви, что̀ чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!..

1861.

II.

ВЕСНА

(Посвящается Колѣ Трескину).

Уходи, Зима сѣдая!
Ужъ красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней — царицею цвѣтокъ,
Съ пѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что̀ шума, что̀ гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣй!

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь,—и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ ужъ пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

1881.

III.

ВЕРБНАЯ НЕДѢЛЯ.

(Посв. маленькой К—в).

Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ?
Право, совсѣмъ не узнаешь его!
Сдернута съ неба завѣса тумановъ,
По небу блескъ, на землѣ торжество!

Съ вербами идутъ толпы за толпами,
Шумъ, экипажей ряды, пестрота,
Машутъ знаменами малыя дѣти,
Лица сіяютъ, смѣются уста!

Точно какой побѣдитель вступаетъ
Въ городъ, и все пробудилось отъ сна...
Да, побѣдитель! И вотъ ему птицы
Словно ужъ грянули: „здравствуй, Весна!“

1870.

IV.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

„Золото, золото падаетъ съ неба!“—
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

1856.

V.

СѢНОКОСЪ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ сухое убираютъ;
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...

Только жучка удалая,
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

VI.

НОЧЬ НА ЖНИТВѢ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужъ умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ.

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса.
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой...
Одно прозрачное, какъ дымъ
Въ пустынѣ неба голубой,
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то неземной
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ

И шлетъ къ сверкающимъ зарницъ
Благословенье на поля,
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

1862.

VII

ВЪ СТЕПЯХЪ.

1.

Ночная гроза.

Ну, ужъ ночка! Воздухъ жгучій
Не шелохнется! Кругомъ
Жарко вспыхиваютъ тучи
Синей молніи огнемъ.

Словно смотръ въ воздушномъ станѣ
Духамъ тьмы назначенъ! Мигъ—
И помчится въ ураганѣ
По рядамъ владыка ихъ!

То-то грянетъ канонада!
Огнь и громъ, и дождь и градъ,
И по степи силы ада
Съ дикимъ свистомъ полетятъ!..

Нѣтъ, при этакомъ невзгодьѣ,
Въ этомъ мракѣ предоставь
Все коню! отдай поводья
И не умничай, не правь!

Ровно, ровно, вѣрнымъ шагомъ,
Не мечася, какъ шальной,
По равнинамъ, по оврагамъ
Онъ примчитъ тебя домой...

2.

Разсвѣтъ.

Вотъ полосой зеленоватой
Ужъ обозначился востокъ;
Туда тепло и ароматы
Помчалъ со степи вѣтерокъ;

Блѣднѣютъ тверди голубыя;
На горизонтѣ—все черней
Фигуры, словно вырѣзныя,
Въ степи пасущихся коней...

3.

Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ...
Сіяетъ ковыля серебряное море
Въ дрожащихъ радугахъ, незримый хоръ пѣвцовъ
И степь и небеса веселымъ наполняетъ;
И только тѣнь порой отъ бѣлыхъ облаковъ
На этомъ праздникѣ, какъ дума, пролетаетъ.

4.

Полдень.

Паръ полуденный душистый
Подымается съ земли...
Что жъ за звуки въ серебристой
Все мнѣ чудятся дали?

И къ душѣ моей, какъ тѣни
По степи отъ облаковъ,
Рядъ проносится видѣній,
Рой какихъ-то давнихъ сновъ.

Орды ль идутъ кочевыя?
Ревъ верблюдовъ, скрипъ телѣгъ?..
Не стрѣльцы ль сторожевые?
Не казацкій ли набѣгъ?

Половяночка ль родная
Пѣсню жалкую поетъ
И, татарченка качая,
Голосъ милымъ подаетъ?..

5.

Стрибожьи внуки.

«Се вѣтри, Стрибожьи внуци, вѣютъ съ моря...
на синѣ Дажьбожья внука, храбрыхъ Русичей...»
Слово о Полку Игоревѣ.

Стрибожьи чада! Это вы
Несетесь съ шумомъ надъ степями,
Почти касаясь крылами
Подъ ними гнущейся травы?
Чего вамъ надо? Эти степи
Уже не тѣ, что въ дни, когда
Здѣсь за ордою шла орда,

Неся на Русь пожаръ и цѣпи!
Ушелъ далеко Черный Дивъ
Передъ Дажьбожьими сынами,
Имъ, чадамъ свѣта, уступивъ
Свое господство надъ степями!
И солнца русые сыны
Пришли—и степь глядитъ ужъ садомъ...
Тамъ зрѣютъ жатвы; убраны
Тамъ хо́лмы синимъ виноградомъ;
За весью весь стоитъ; косцовъ
Несется пѣсня удалая,
И льется звонъ колоколовъ
Въ степи отъ края и до края...
И слухъ пропалъ о временахъ,
Когда, столь грозное бывало,
Здѣсь царство темное стояло.
И путникъ мчится въ сихъ мѣстахъ,
Стада овецъ порой пугая,
Нигдѣ засадъ не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падшихъ ратей ищутъ тщетно
Въ степи, на кличъ ихъ безответной,
Съ высотъ лазуревыхъ орлы...
1863.

VIII.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ новый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, внизу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя, точно въ морѣ
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;

Вонъ на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бечевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлѣбомъ золота просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что мы ихъ поливали слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!“

1856.

IX.

Дорогъ мнѣ передъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я, свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ;
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ:
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой.
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ-быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность канувшей души...

1869.

X.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами
Средь небесной синевы
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не плещутъ водопады;
Безлны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня.
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я въ полдень жаркій
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой, перводержавный,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И въ торжественномъ покоѣ
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
„Вотъ,—онъ мнилъ,—вѣнецъ желанный
Плодъ трофеевъ и утратъ!

Мы отсюда дланью бранной
Следопаемъ сѣверъ ледяный,
Сдавимъ горный Арарать!
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ воспѣщутъ пятъ!..
Мнѣ ль ты царство устроила,
Вѣщеносная жена?
Для меня ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство Руссовъ мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадимѣ,
Какъ азійское зерно".

Такъ онъ мнилъ. Вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой,
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой.
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

1842.

VXI.

СТРАНЫ и НАРОДЫ.

I.

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ.
Ужъ длится града оборона
Десятый годъ, тяжелый годъ!
Они спасенья ужъ не ждали
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была
Виною бѣдъ ихъ, проклинали:
„Елена, ты съ собой ввела
Смерть въ наши домы! Ты намъ плѣна
Готовишь цѣпи!!!...“
Въ этотъ мигъ
Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи, къ сонму ихъ;
Въ ней дѣтская сіяла благость
И думы легкой чистота;
Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота...
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея лучей...
Невольно, смолкнувъ, старцы встали
И разступились передъ ней.

1869.

II.

ПЛАТОНА

единственные два стиха, до насъ дошедшіе.

Небомъ желалъ бы я быть, звѣзднымъ, всевидящимъ небомъ
"-обы тебя созерцать всѣми очами его!

1883.

III.

ИЗЪ САФО.

Опъ—юный полубогъ, и онъ—у ногъ твоихъ!
Ты съ лирой у колѣнъ поешь ему свой стихъ
Онъ замеръ, слушая: лишь жадными очами
Слѣдитъ за легкими перстами
На струнахъ золотыхъ...
А я!.. Я тутъ же! Тутъ! Смотрю, слѣжу за вами.
Кровь къ сердцу прилила. Нѣтъ силъ,
Дыханья нѣтъ! Я чувствую, теряю
Сознанье, голосъ... Мракъ глаза мои затмилъ—
Темно!.. Я падаю... я умираю...

1875.

IV.

РЫЦАРЬ.

(Изъ Bertrand de Born).

Смѣло, не потупя взора,
Но какъ праведникъ, на судъ
Къ вамъ являюсь я, синьора,
И скажу одно: вамъ лгутъ.
Пусть при первомъ же сраженьи
Я бѣгу, какъ подлый трусъ;
Пусть отъ васъ я предпочтенья
Предъ соперникомъ лишусь;
Пусть въ азартѣ въ четь и нечеть
Все спущу я: мечъ, коня,
Латы, замки и поля;
Пусть мной выхоженный кречетъ
На глазахъ моихъ съ высотъ
На-земь камнемъ упадетъ,
Въ бой вступивъ въ воздушномъ полѣ
Съ цѣлой стаей соколовъ;
Наконецъ я самъ готовъ
Сгнить у мавровъ въ злой неволѣ
Отъ истомы и оковъ,—
Коль не ложь—моя измѣна,
Не гнуснѣйшая изъ лжей,
Что я рвусь уйти изъ плѣна
У владычицы моей.

V.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это?—шопотомъ другъ друга вопрошали: —
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты".

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ
И ждетъ, иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! Молю и жду—когда же?

1860.

VI.

МАДОННА.

Стою предъ образомъ Мадонны.
Кто писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый:
Видна въ немъ робость, стиль сухой.

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ Она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньи
Являлась, видима лишь имъ...

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ на помостѣ церковномъ
Былъ подвигъ иноками онъ

И, призванъ къ жизни ихъ молбами,
Еще глаза открыть боясь,

Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и въ умиленьи,
Онъ кистью то изображалъ,
Что отъ небеснаго виднѣнья
Въ воспоминаньи сохранялъ.

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ... И, страхъ тая,
Монахи вкругъ него молились
И плакали, какъ плачу я...

Флоренція, 1859.

VII.

МИНЬОНА.

(Изъ Гёте).

Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ,
Лимонъ въ садахъ желтѣетъ круглый годъ,
Такимъ тепломъ съ лазури темной вѣетъ,
Такъ скромно миртъ, такъ гордо лавръ растетъ!..
Гдѣ этотъ край? Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

Я помню залъ: колонна за колонной,
И мраморы стоятъ передо мной,
И на меня взирая благосклонно,
Мнѣ говорятъ: „малютка, что съ тобой?“
Ахъ, милый мой! Туда, туда
Уйти бы намъ съ тобою навсегда!

А тамъ—гора. Вдоль сыплющихся склоновъ,
Средь облаковъ карабкается мулъ...
Внизу—обрывъ, гдѣ слышенъ ревъ драконовъ,
Паденье скалъ, потоковъ пѣнныхъ гулъ.
Гдѣ этотъ край?.. Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

VIII.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Кого полюбишь ты—всецѣло
И весь, о, Лидія, онъ твой,
Твой всей душой и безъ раздѣла!

Теперь мнѣ жизнь, что̀ предо мной
Шумитъ, и мчится, и сверкаетъ,
Завѣсой кажется прозрачно-золотой,
Черезъ которую лишь образъ твой сіяетъ
Одинъ во всѣхъ своихъ лучахъ,
Во всемъ своемъ очарованьи,
Какъ сквозь дрожащее полярное сіянье
Звѣзда недвижная въ глубокихъ небесахъ...
1875.

IX.

(Изъ Гёте).

ЛИЛЛИ.

1.

Эта маленькая Лилли—
Цѣлый міръ противорѣчій,
То трагедій, то идиллій!
Что̀ за ласковыя встрѣчи!

Льнетъ къ тебѣ нѣжнѣй голубки,
А обнять хочу—отскочитъ!
Засмѣюсь—надуетъ губки,
Разсержусь—она хохочетъ.

Вопъ въ сердцахъ хочу бѣжать я—
Дверь собою застанови̇тъ,
Открываетъ мнѣ объятья,
Умолаетъ, руку ловитъ.

Сдался—ужъ глядитъ лукаво:
Такъ и знай, что будетъ худо...
Это бѣсъ какой-то, право,
Только бѣсъ такой, что чудо!
1864, 1889.

2.

„Надо кончить"—порѣшили
Мы вчера. Финалъ любви!
Съѣхать надо: съ этой Лилли
Вотъ ужъ гдѣ мнѣ vis-à-vis!

Занавѣсилась... Уфъ! злится!
Но вѣдь въ щелочку глядитъ...

Уголокъ-то шевелится
Занавѣски... Пусть сидитъ!

Я ужъ выдержу. Уткнуся
Носомъ въ книгу. Позоветъ —
И тогда не оглянуся!..
Только долго что-то ждетъ...

Какъ такъ?.. Вѣтеръ кисеею
Размахнулъ до потолка,
И все пусто! Я-то строю
Передъ кѣмъ же дурака?

Бросилъ книгу я съ досадой.
„Ха-ха-ха!“ вдругъ слышу. „Ты?“
Ну, и что жъ? И все какъ надо:—
Смѣхъ опять, любовь, цвѣты...
1864, 1889.

X.

(Изъ Андрея Шенье).

Я былъ еще дитя: она уже прекрасна...
Какъ часто, помню я, съ своей улыбкой ясной
Она меня звала. Играя съ ней, рѣзвясь,
Младенческой рукой запутывалъ не разъ
Я ловоны ея. Персты мои скользили
По груди, по челу, межъ пышныхъ розъ и лилій...
Но чаще посреди поклонниковъ своихъ
Надменная меня ласкала, а на нихъ
Лукаво-нѣжный взоръ поднявъ, какъ бы случайно
Дарила поцѣлуй съ насмѣшливостью тайной
Устами алыми младенческимъ устамъ.
Завидуя въ тиши божественнымъ дарамъ,
Шептали юноши, сгорая въ нѣгѣ страстной:
„О, сколько милыхъ ласкъ потеряно напрасно!“
1840.

XI.

БОРЬБА.

(Изъ Шиллера).

Нѣтъ, прочь суровый долгъ! Зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?
Не требуй жертвъ напрасныхъ отъ меня,
Когда уже гасить въ груди моей не можешь
Ее палящаго огня!

Я клялся, да, я клялся мощной воли
Признать надъ сердцемъ власть...
Теперь.... вотъ твой вѣнокъ, онъ мнѣ не нуженъ болѣ.
Возьми его и дай мнѣ пасть!

Разорванъ нашъ союзъ... Она, я знаю, любитъ!
И вдругъ отречься отъ нее!..
О, нѣтъ! пусть страсти пылъ навѣкъ меня погубитъ:
Въ моемъ паденіи—блаженство все мое!

Что точитъ червь мнѣ жизнь, что гибну я въ молчаньи,
Все понала душой она;
И на мои безмолвныя страданья
Глядитъ, участія полна.

О, Боже! вотъ оно—желанное участье!
Одинъ лишь мигъ остался роковой...
Но нѣтъ, постой, дитя! Мнѣ страшно это счастье:
Въ немъ приговоръ конечный мой.

О, страшная судьба! коварное сомнѣнье!
Я здѣсь у цѣли наконецъ:
Въ ней тайныхъ мукъ моихъ награда и вѣнецъ —
И роковой ударъ преступнаго паденья.
1857.

XII.

ИЗЪ ГАФИЗА.

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о, сердце, пой,
Что опутано сѣтями
Ты у розы огневой;
Что ты въ сѣти къ ней попалось,
А не въ сѣти къ мудрецамъ,
Что не имъ внимать досталось
Дивнымъ пѣснямъ и слезамъ.
И хоть слезъ съ твоей любовью
Ты моря у ней прольешь,
И изъ ранъ горячей кровью
Все по каплѣ изойдешь,—
Но зато умрешь мгновенно
Вмѣстѣ съ пѣснею своей
Въ самый пылъ, какъ вдохновенный
Умираетъ соловей.
1875.

XIII.

ИЗЪ ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГІИ.

1.

Эти черные два глаза,
Съ ихъ глубокимъ мѣткимъ взглядомъ—
Два бандита съ наведеннымъ
Изъ засады карабиномъ.

2.

Противъ глазъ твоихъ ничуть,
Вѣрь, я злобы не питаю.
На меня вѣдь имъ взглянуть
Страхъ какъ хочется, я знаю.
Это *ты* въ душѣ своей
Строишь ковы! *Ты* хлопочешь
О погибели моей—
И позволить имъ не хочешь.

3.

Я—король. Ты—королева.
Мы въ войнѣ. Я главныхъ силъ
И фельдмаршала ихъ гнѣва
Не боюсь. Я бъ ихъ разбилъ.
Но какъ двинешь ты резервы,
Въ бой войти велишь слезамъ,
Тутъ бѣда! Пожалуй, первый
Брошусь я къ твоимъ ногамъ!..

4.

Эти очи—свѣтъ со тьмою,
Очи, полныя зарницъ,
Окаймленныя густою
Ночью черною рѣсницъ!
Но былъ мигъ,—и ночь вдругъ стала
Раздвигаться, мракъ исчезъ,
И мнѣ въ сердцѣ засіяла
Глубина святыхъ небесъ.

5.

Холодный, смертный приговоръ
Твои глаза мнѣ произносятъ;
Мои жъ, снѣдая свой позоръ,
Лишь о помилованьи просятъ.

6.

Въ тихой думѣ на кладбищѣ,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, къ холмамъ печальнымъ
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящимъ тутъ во мракѣ,
Въ забытьѣ глубокомъ ихъ
Снится въ райскомъ ореолѣ
Свѣтлый ангелъ въ этотъ мигъ.
1879

XIV.

ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ АНТОЛОГІИ.

1.

Длинные кудри твои вдоль высокаго стана
Прячутся въ кольцахъ, но глазъ не спускаютъ съ меня;
Скажешь: вѣясь, съ кипариса спускаются змѣи,
Чтобы поющаго въ розахъ схватить соловья.

2.

На мигъ упалъ съ лица прекрасной
Ее скрывающій покровъ...
Я думалъ, мѣсяцъ глянулъ ясный
Въ разрывѣ быстрыхъ облаковъ.

3.

Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки,
Поцѣлуемъ ихъ не опорочишь!“

А она мнѣ: „дамъ тебѣ и губки,
Ты обнять и всю меня захочешь!“

„Эти руки знаетъ врагъ корана,—
Я сказалъ;—ты въ нихъ, какъ за стѣною!“

„Но мои,—она въ отвѣтъ:—сильнѣе,
Если ихъ я подыму съ мольбою!“

XV.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

ПЕТРУСЬ.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили:
Бѣднаго Петруся
До смерти забили.
А за что жъ забили?
За вину какую?
Отъ своей-то жонки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой онъ пани?
Паши—вся въ атласахъ,
Ты жъ—въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ
За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани,
Въ поле поскакала:
„Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля;
Пана нѣту дома,
Полная намъ воля!“
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскія хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ: хлопокъ кучи;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ—черпѣе тучи...
„Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!
Панъ пріѣхалъ, тучи
Громовой черпѣе!“
Чуть Петрусь до двери,
Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часъ, другой и третій.
Парень ужъ не дышитъ;

Хлопцы бить устали,
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
„Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!“

Вельможная пани
Въ сѣни выходила:
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
„Будетъ вамъ и больше.
Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тѣло наловите!“

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ.
Некого имъ къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы пріѣзжала
Похороны справить.
Вельможная пани
Бродитъ, какъ шальная,
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами:
Вельможная сыплетъ
Бѣлыми рублями:
„Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!“

И ходила пани
Борами, лѣсами,
Щеки обливала
Жаркими слезами.
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила,
Бархатное платье
По росѣ смочила.

Ходитъ панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ,
На себя самъ горько
Плачется, пенаетъ:
„Вѣдай-ка я прежде
Про такую долю,
Не мѣшалъ Петрусю бъ
Тѣшиться я вволю!“

2.

„Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прійдетъ мой часъ, помирать начну,
Соберитесь вкругъ меня!“

Ходятъ въ горенкѣ сынки, шепчутся,
Какъ имъ мать хоронить;
Ходятъ въ горенкѣ зятья, шепчутся,
Какъ добро раздѣлить.

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкругъ матушки вьются,
А пенѣстушки ходятъ въ горенкѣ,
Надъ ними сжѣются.

3.

На Руси былъ черный богъ;
Передъ нимъ былъ турій рогъ.
Онъ на Кіевъ поглядѣлъ,
Голосъ нѣдьмамъ подавалъ.
Володиміръ же святой
Чернобога сбилъ долой;
Отъ святой Варвары жъ въ ночь
Разбѣжались нѣдьмы прочь
Съ лысыхъ горъ, гдѣ пировали
И всю ночь онѣ плясали.
Святый Юрій прискакалъ
И въ Несвижѣ церковь сталъ.
Но отъ князя Радзивила
Понашла нечиста сила,
Нашу вѣру загубила.
Батьки въ церкви не служили;
Мшу ксендзы тамъ завопили.
Ни отъ Слуцка ни съ Турова
Къ намъ не слышалось ни слова,

Ни единаго словечка.
Сталъ, какъ блудная овечка,
Юрій, нашъ святой хранитель,
Храбрый змія побѣдитель.
Мы предъ Юріемъ падемъ
И помолимся о томъ,
Чтобъ его святая сила
Покарала Радзивила.

4.

Ой, коли бъ, коли
Москали пришли,
Москали пришли,
Наши сродные,
Вѣры одныя!
Было бъ добре намъ,
Было бъ счастье намъ,
Коли вся бы Русь
Да держалася
Одной силою,
За одно была!
Только къ намъ за грѣхи
Попашли ляхѝ,
Край нашъ зайняли
Ажъ до Лишковичъ.
И ляхѝ бъ не пришли,
Да паны привели.
Ой, паны, чтобъ вы пропали,
Что насъ ляхамъ запродали!
Ой, паны, чтобъ вы пропали,
Что вы вѣру промѣняли!

5.

Ой, катилася заря
Изъ-подъ новаго двора;
Не заря то золотая,
Ѣдетъ пани молодая.
Какъ она заговоритъ,
Словно въ звоны зазвонитъ.

6.

При дорогѣ, при широкой
Два дубочка стоятъ;
При бесѣдѣ, при веселой

Два молодчика пьютъ.
Они пьютъ и тарабарятъ
Про женитьбу свою.
Удалась ли, удалась ли,
Братъ, женитьба твоя?
„Удалася, удалася,
Братъ, нелюбая жена!
Да пойду я, молодецъ,
Во новенькій городецъ,
Да куплю я, молодецъ,
Размалеванный челнецъ;
Посажу я, молодецъ,
Да нелюбую жену,
Да спущу я, молодецъ,
На воду, на быстрину.
Самъ пойду я, молодецъ,
На высокую гору,
Погляжу я, молодецъ,
Да на ясную зарю.
Высоко ли, высоко ли
Вышла ясная заря?
Далеко ли, далеко ли,
Братъ, нелюбая жена!“
„Ой вернися, ой вернися,
Ты нелюбая жена?
— „Не вернуся, не вернуся,
Ясенъ добрый молодецъ;
Не промаешься на свѣтѣ
Бобылемъ ты, молодецъ,
А другую, молодую
Поведешь ты подъ вѣнецъ;
Будетъ лучше меня—
Позабудешь меня;
Будетъ хуже меня—
Такъ вспомянешь меня!“

7.

Не сѣки ты, батюшка,
При дорогѣ березки;
Не коси ты, братинька,
Травоньки шелковой;
Не щепли ты, сестринька,
Цвѣтиковъ въ садочкѣ;

Не бери ты, матушка,
Изъ ключа водицы.
При дорогѣ березка—
Я сама младенька;
Травонька шелкова—
Мои русы косы.
Въ садочкѣ цвѣточки—
Мои ясны очки;
Во ключѣ водица—
Мои горьки слезки.

XVI.

СОНЪ НЕГРА.

(Изъ Лонгфелло).

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ на-земь бросился ничкомъ.
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ...
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ—
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ стени глухой
Несется Нигеръ голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
И люди веселы кругомъ;
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена,
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней, ласкаясь, льнутъ
И въ лѣсъ отца искать зовутъ.
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ...

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ.
Какъ вольный вихорь, конь летитъ,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою сбруею звеня,
И сабля бьетъ въ бока коня...

Что мигъ—свободнѣй дышитъ грудь!
Что шагъ—торжественнѣе путь,

Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гіена; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Подъ небомъ темно-голубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ
Несясь въ дали, крылами бьетъ,
Какъ знамя красное. И вотъ
Ему открылся кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ
Подобный трубамъ мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустыни, и глубь небесъ...
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ...
И ужъ не чувствовалъ, какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ погой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: „издохъ!..“

1859.

XVII.

КУПАЛЬЩИЦЫ.

(Мелодія съ береговъ Ганга).

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ, идущихъ
Съ ночного купанья домой!

Прекрасенъ ты, воздухъ, неся издалёка
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Ихъ намъ возвѣщая приходъ.

Прекрасно ты, море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и лапитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ...

1862.

XVIII.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ

Мицкевича.

1.

Аккерманскія степи.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана.
Телѣга, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ.
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако ль? деннницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ и сокола бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой.
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

2.

Байдарская долина.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ образовъ упиться—любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь образовъ: долины, скалы, лѣсъ...

Все спитъ, не спится мнѣ, и къ морю я сбѣгаю.
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня,
И я, какъ въ безднѣ челнъ крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

8.

Алушта днемъ.

Предъ солнцемъ гребень горъ снимаетъ свой покровъ.
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ;

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ—цвѣтовъ летучихъ рой,
Что пологъ, зыблется алмазными волнами,
А выше саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая.
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ и, раздробясь
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ съ мыслію нагрянуть въ тотъ же часъ.
Но море синее спокойно: чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди, и корабли бѣлѣютъ.

1869.

XIX.

РАЗРУШЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетавшихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ... и—ужасъ!—вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ, предшествовавшихъ намъ...
Пылалъ Іерусалимъ! пылалъ священный храмъ,
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою...

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились...
„Ахъ, мщенья! мщенія!..“ Но дико загремѣли
Ручные кандалы... „О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь? Ты молчишь?.. Возстань! вооружись

Въ грома и молніи!..“ Но все кругомъ молчало...
Съ мечами на-голо, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ...

И повлекли насъ прочь... И все кругомъ молчало...
И Богъ безмолвствовалъ... И снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

1864.

XX.

ВАЛКИРІИ.

Высоко, безмолвно
Надъ полемъ кровавымъ
Сіяетъ луна.

Весь берегъ далёко
Оружьемъ и храбрыхъ
Тѣлами покрытъ!

Герои! имъ слава
И въ людяхъ, и въ небѣ
Почетъ у боговъ!

Вонъ тѣнь пролетаетъ
По долamъ, по скаламъ,
На блескѣ морскомъ:

То, свѣтлыя, мчатся
Валкиріи-дѣвы
Съ эѳирныхъ высотъ!

Одеждъ ихъ ужъ слышенъ
И крылъ лебединыхъ
По воздуху свистъ,

Доспѣховъ бряцанье,
Мечей ударенье
По звонкимъ щитамъ,

И радостный окликъ,
И бурныя пѣсни
Неистовыхъ дѣвъ:

„Въ Валгаллу! въ Валгаллу!
Одинъ Вседержитель
Ужъ пиръ зачиналъ!

„Отъ струннаго звона,
Отъ трубнаго звука
Чертоги дрожатъ!

„И свѣточи жарко
Горятъ смоляные,
И пѣнится медъ...

„Въ Валгаллу, герои!
Тамъ вѣчная юность—
Вашъ свѣтлый удѣлъ,

„Воздушные кони,
Одежды цвѣтныя,
Мечи и щиты,

„Рабыни и жены,
И въ пирѣ съ богами
Мѣста на скамьяхъ!“
1873.

XXI.

ЧЕРНОГОРЕЦЪ.

Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ,
Ни златокованныхъ коней,
Ни чепраковъ, ни уздъ богатыхъ,
Ни горолонъ, ни кораблей:
Ко мнѣ не шлетъ алжирскій дей
Пословъ съ обильными дарами,
Мечей съ насѣчкой золотой,
Ни бусъ, ни плѣнницы младой
Съ побѣдоносными очами.

Иныя блага у меня:
Подземныхъ родниковъ струя,
Лѣса въ зеленыхъ ихъ уборахъ,
Да песъ на стражѣ ночь и день,
Ружье двуствольное, да порохъ,
Да вѣрно-вымѣненный кремень,
Да сводъ пещеръ, да хмель у свода,
Да горы, а въ горахъ—свобода.
1839.

XXII.

ЦЕЗАРЬ.

Море бурно: небо въ тучахъ.
Онъ примчался на конѣ
Прямо въ брызгамъ волнъ кипучихъ:
„Старый! Челнъ скорѣе мнѣ!“

И старикъ затылокъ чешетъ:
„Плохо будетъ, господинъ!
Полно, баринъ, бѣса тѣшить,
Нашихъ въ морѣ не одинъ“.

„Пусть ихъ гибнутъ! Подъ водою
Рыбѣ рыбьи и гроба!
Знай, я—Цезарь, а со мною
Мнѣ послушная судьба!“
(1842).

XXIII.

ИТАЛІЯ.

Повита миртами густыми,
Страна искусствъ, страна руинъ,
Подъ звучнымъ говоромъ пучинъ
Ты, убаюкашная ими,
Какъ въ колыбели, мирно спишь.
Твой кончены вѣкъ!.. Какъ старецъ хилый,
Ты погреблась въ свои могилы...
Но ихъ торжественную тишь
Зачѣмъ, младыя поколѣнья,
Тревожить вамъ? Зачѣмъ съ гробокъ
Срывать послѣдній ихъ покровъ—
Кудрявый плющъ, символъ забвенья?
Хотите ль на обломкахъ тлѣнья
Вы имя, скрытое въ вѣкахъ,
Прочесть въ руническихъ чертахъ?
Тріумфъ гробницъ ли ихъ убавить?
Хозяевъ прежнихъ ихъ изгнать,
Чтобъ послѣ нагло осмѣять
Или безсмысленно прославить?
Страна величья! Мраморъ твой
Давно попралъ пришлецъ чужой,
И пыль сѣдая спеленала...
О, гдѣ сыны твои? Зачѣмъ,
Какъ прежде, внявъ угрозамъ галла,
Не вздѣнутъ гордо бранный шлемъ,
Не вскинутъ ржавое забрало?
Гдѣ Цезарь? Кто ихъ кликнетъ въ бой
На за-альпійскіе языцы?
Зачѣмъ старикъ, какъ лунь, сѣдой
Не двигнетъ мощемъ десницы?

Зачѣмъ не выше всѣхъ коронъ
Его духовная корона?
Зачѣмъ, когда выходитъ онъ
И съ ватиканскаго балкона
Благословляетъ міръ и градъ,
Народы въ страхѣ не дрожатъ
Его анаѳемы громовой?..
Умолкли бранные мечи,
Но льются звонкіе ключи
Отъ Альпъ въ ломбардскія дубровы
Поить рунъ твоихъ плющи:
Какъ прежде, вскормленные кровью,
Твои холмы осѣнены
Оливой, съ вѣчной къ нимъ любовью,
И въ виноградъ оплетены.
Но не срывать твой персикъ сочный,
Не ждать верховнаго суда...
Текутъ къ бретамъ твоимъ суда
И съ Альпъ народы полуночны;
Недвижный мраморный народъ
На поклоненье ихъ зоветъ—
Нѣмые памятники славы.
Ихъ много тамъ залито лавой,
Зарыто въ смрадныхъ погребахъ,
Иль въ галлереѣ величавой,
Иль въ вѣковыхъ монастырихъ...
Такъ море, буря въ часъ мятежный
Набѣгомъ берегъ затопивъ,
Уходитъ, жемчугъ обронивъ,
Волной утихшей и небрежной...
Себѣ толпу поработивъ
Тамъ обликъ мальчика лукавый;
Тамъ Леды лебедь сребroглавый,
Тамъ лиры богъ, тамъ полный силъ
Алкидъ и левъ его немейскій,
Тамъ ликъ Сибиллы чародѣйскій,
Тамъ образъ горней чистоты
Въ небесной дѣвѣ Рафаэля
И роскошь женской красоты
Въ нагой Кипридѣ Праксителя.

(1842).

XXIV.

МСТИТЕЛЬ.

(Скандинавская баллада).

Не пускайся въ море сине
За невѣстой, конунгъ мой!
Вѣрь предчувствію... а нынѣ
Море намъ грозитъ бѣдой.
— Мнѣ ли вѣрить, о, мой латникъ,
Бабьимъ сказкамъ! Храбрый ратникъ
Вѣчно твердъ. Гремитъ гроза—
Противъ бурь намъ боги дали
Весла, руль да паруса;
На коварство ль, на врага ли—
Мечъ да конь, да лукъ тугой;
На охотѣ—роги звонки,
Псы да стрѣлы для погонки
Легкихъ лапей въ мглѣ лѣсной.

Готовятся ладьи. Лобзая пяты скалъ,
Вкругъ ропщутъ сумрачныя воды.
Закатъ пурпуровый ихъ главы обливалъ
Златыми искрами. Темнѣли неба своды;
Лѣса широкія синѣлися вдали.
Утесы, и на нихъ Гаральда замокъ черный
Между зеленыхъ сосенъ, обнявшихъ скаты горы,
Дремали у моря, и тихо привлегли
Къ водамъ серебряныя ивы.
Въ воскресшемъ царствѣ зимъ все грозно, молчаливо,
И птицы хищныя одни
Между утесами у гнѣздъ своихъ витаютъ,
И бури, спящія въ пещерной глубинѣ,
Зловѣщимъ крикомъ вызываютъ:

„Пробудись, о, вѣтеръ мощный!
Тучи въ небо вызывай!
Край широкій полунощный
Въ брани злой вооружай!
Гдѣ потока валъ кипучій
Въ море сине упалъ,
Тамъ Гаральдъ, орелъ могучій,
Свилъ гнѣздо на гребнѣ скалъ.
Презираетъ васъ онъ, бури!
Васъ на брань зоветъ съ собой.

Взвейте тучи по лазури,
Волны вспѣньте вы горой!
Волны бранью заиграютъ,
Строй за строемъ полетитъ,
И размоютъ, раскидаютъ
Замка страшнаго гранитъ."

Но дремлетъ шумный вихрь и бури роковыя
Въ ущельяхъ и скалахъ, склонясь на мхи сѣдые.
Гранита ль надобно перунамъ громовымъ?
Онъ, моря колыбель, подъ ними недвижимъ.

„Принесли иныя вѣсти,
Духи спящіе, мы вамъ:
Съ пира брани, съ пира мести
По ботническимъ волнамъ
Корабли Гаральда мчатся;
Горы злата и сребра,
Горы перловъ въ нихъ хранятся,
Мѣхъ медвѣдя и бобра
И сигтунская кольчуга,
Поморянъ янтарь и медъ,
Вина фряжскія и съ юга
Золотой здѣсь чуждый плодъ...
Мигомъ верви оборвите
У летучихъ кораблей,
Ихъ богатства размечите
Въ глубь Одиновыхъ зыбей!"

Все дремлетъ грозный духъ. Во мракѣ вихри зрѣютъ;
Предъ нимъ спятъ молніи и громы цѣпенѣютъ.
У моря ль шумнаго сокровищъ нѣтъ на днѣ,
Таящихся въ тиши въ безвѣстной глубинѣ?

„Знаемъ, ты любилъ, бывало,
Съ бѣдной дѣвою играть,
Рвать отъ персей покрывало,
Щеки блѣдныя лобзать
Поцѣлуемъ ледянящимъ.
Посмотри! По безднамъ спящимъ
Мчится юная чета:
Гордый врагъ твой мчитъ орлицу
Въ недоступную свѣтлицу
Надъ-утеснаго гнѣзда.
Тамъ ужъ древній дубъ пылаетъ,
Скальдъ поетъ, и медъ сверкаетъ...

Посмотри, какъ прилегла
Дѣва къ другу головою
И дрожащею рукою
Станъ героя обвила.
Иль не видишь ихъ лобзаній?
Иль не слышишь слокъ любви?
Встань, у челна взмахомъ длани
Бѣлый парусъ оборви
И невѣсту молодую
Ты пріими на грудь льдяную,
Заласкай и зацѣлуй!..
Къ мести!.. Взвейся и бушуй!"

Проснулся бури царь, расправилъ крылья сизы,
Сѣдые волосы по вѣтру распустилъ,
Завылъ и засвисталъ, облекся бѣлой ризой
И къ мести молніи, какъ факелъ, запалилъ.

(1842).

XXV.

ГРУЗИНКѢ.

Если бъ, полонъ мщеньемъ мрачнымъ,
Несъ я пламя и кинжалъ
Къ берегамъ Арагвы злачнымъ
Съ высоты казбекскихъ скалъ;
Будь лезгинъ я, будь чеченецъ,
Если бъ мнѣ явилась ты
Безоружна, какъ младенецъ,
Тихій ангелъ красоты, —
Я, клянусь Аллы престоломъ,
Позабылъ бы пиръ мечей
И набѣгъ во мглѣ ночей
Къ виноградникамъ и долямъ
Милой Грузіи твоей;
Пристыженъ, потупя взоры,
Тихо бъ въ плѣнъ я отдался,
И не спились бы мнѣ горы,
Ни орлы ихъ черноперы,
Ни пустыни небеса!

(1842).

XVII.

ПЕРЕВОДЫ И ВАРІАЦІИ.

ГЕЙНЕ.

(Прологъ).

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною...
И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ—замки, пѣсенъ звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохотъ, полный адской муки...

1857.

Пора, пора за умъ мнѣ взяться!
Пора отбросить этотъ вздоръ,
Съ которымъ въ мірѣ привыкъ являться
Я, какъ напыщенный актеръ!
Смѣшно все въ мантіи иль тогѣ,
Съ партера не сводя очей,
Читать въ надутомъ монологѣ
Анализъ сердца и страстей!..

Такъ... Но безъ ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смѣшонъ былъ наносъ ложный,
Противенъ смѣхъ теперь ему!
Вѣдь все жъ, на память роль читая,
Въ ней вопли сердца я твердилъ
И, въ глупой сценѣ умирая,
Взаправду смерть въ груди носилъ!

1857.

II.

Сердце, сердце! что ты плачешь?
Иль судьба тебѣ страшна?
Полно! что зима отыметъ,
Все отдастъ тебѣ весна!

А вѣдь что еще осталось!
Божій міръ не обойдешь!
Выбирай себѣ любое:
Что полюбишь, все возьмешь!

1857.

III.

Осенняго мѣсяца обликъ
Сквозитъ въ облакахъ серебромъ.
Стоитъ одинокъ на кладбищѣ
Пастора умершаго домъ.

Уткнулася въ книгу старуха;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Двѣ дочки сидятъ, сложа руки;
Зѣвнувши, одна говоритъ:

— Вотъ скука-то, Господи Боже!
Въ тюрьмѣ веселѣе живутъ!
Здѣсь только и есть развлеченья,
Какъ гробъ съ мертвецомъ принесутъ!

Старуха въ отвѣтъ проронила:
„Всего четверыхъ принесли
Съ тѣхъ поръ, какъ отца схоронили...
Охъ, дни-то какъ скоро прошли!“

Тутъ старшая дочка очнулась.
— Нѣтъ, полно! не къ мочь голодать!
Отправлюсь-ка лучше я къ графу!..
Съ терпѣньемъ-то нечего взять!..

И вторитъ ей братъ, оживившись:
— И дѣло! А я такъ въ шинокъ,
У добрыхъ людей научиться
Казной набивать кошелекъ!

Въ лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя.

„Издохни ты лучше, проклятый!
Отецъ бы услышалъ тебя!“

Вдругъ всѣ на окно оглянулись,
Оттуда рука имъ грозитъ:
Умершій пасторъ передъ ними
Во всемъ облаченьи стоитъ...
1857.

IV.

Не теряй, мой другъ, терпѣнья,
Что въ стихахъ моихъ порой
Слышно старое мученье,
Вѣетъ прежнею тоской!

Дай, умолкнетъ въ сердцѣ эхо
Прежнихъ бѣдъ и мукъ моихъ...
Полонъ счастья, полонъ смѣха,
Изъ души польется стихъ.
1857.

V.

Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ,
Наставленій, ласки и обѣтовъ.
Говорили: „только не ропщите,
Мы ужъ васъ поддержимъ, погодите!“

Я повѣрилъ, ждалъ, заботы кинулъ
И едва отъ голоду не сгинулъ...
Да нашелся добрый человѣкъ,
Поддержалъ, спасибо, онъ мой вѣкъ.

Каждый день онъ хлѣба мнѣ приноситъ,
И въ награду ничего не проситъ...
Обнялъ бы его я, да нельзя!
Человѣкъ-то добрый этотъ—я.
1852.

VI.

НА МОРѢ.

Тишь и солнце! спятъ пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль, о морѣ не тревожась,
Спитъ, какъ мертвый, рулевой.

Весь въ дегтю, у мачты съежась,
Мальчикъ чинитъ холстъ худой.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ,
Ротъ, готовый всхлипнуть, сжатъ;
Грудь все чаще, чаще дышитъ,
Лобъ наморщенъ, поднятъ взглядъ.

Передъ нимъ, багровъ отъ водки,
Капитанъ стоитъ, вопя:
„Негодяй! ты—красть селедки!
Вотъ я вышколю тебя!“

Тишь и солнце!.. Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ, кольцомъ
Вьетъ свой хвостикъ серебристый,
Шутитъ съ солнечнымъ лучомъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка, какъ стрѣла,
И, шарнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.
1857.

VII.

Осердившись, кастраты,
Что я грубо пою,
Злобнымъ рвеніемъ объяты,
Пѣснь запѣли свою.

Голоса ихъ звенѣли,
Какъ чистѣйшій кристаллъ;
Въ ихъ руладѣ и трели
Колокольчикъ звучалъ.

Чувства въ дивныхъ ихъ звукахъ
Было столько, что вкругъ
Въ истерическихъ мукахъ
Выносили старухъ.
1857.

VIII.

Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! и дождикъ-то льетъ!
Къ окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьметъ.

А вонъ съ фонаремъ черезъ лужи
Вѣдь вышелъ же кто-то бродить...
Старушка-сосѣдка! дрожитъ, чай, отъ стужи,
Да надобно мучки купить.

Чай, хочетъ, бѣдняжка, для дочки, для крошки
Пирогъ она завтра испечь...
А дочка, поджавши лѣнивыя ножки,
Изволили въ кресла залечь...

И щурятъ на свѣчку глаженки...
И рады, что пусто вокругъ,
Лепечутъ, шаля, ихъ губенки
Завѣтное имечко вслухъ.

1857.

IX.

Плачу я, въ лѣсу блуждая.
Дроздъ за мной по вѣткамъ скачетъ,
На меня онъ все косится
И щебечетъ: „что онъ плачетъ?“

— Ты спроси своихъ сестричекъ,
Умныхъ ласточекъ спроси ты,
У которыхъ гнѣзда прямо
Надъ окошкомъ милой свиты!

1857.

X.

Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни,
Одинъ чудесный ликъ!
Но онъ угасъ, и мракомъ
Я былъ затопленъ въ мигъ...

Когда дѣтей внезапно
Въ лѣсу застигнетъ ночь,
Они заводятъ пѣсню,
Чтобъ ужасъ превозмочь.

И я, чтобы не думать,
Пою среди людей...
Скучна имъ эта пѣсня,
Да мнѣ не страшно съ ней!

XI.

Я вглядываюсь жадно
Въ портретъ ея нѣмой,
И, мнится, оживаетъ
Она передо мной:

Глядитъ мнѣ прямо въ очи
Съ улыбкой и слезой
И, точно сожалѣя,
Качаетъ головой...

Невольно слезы льются
Изъ глазъ моихъ въ отвѣтъ...
Не вѣрится! ужели
Ея ужъ больше нѣтъ?..
1856.

XII.

Одинокая слезка
По лапитамъ прокралась...
Лишь одна отъ былого
Мнѣ она оставалась...

Ея свѣтлыя сестры—
Ихъ развѣяли годы!
Съ ними радость и горе
Унесли непогоды...

Расплылися въ туманы
Прежнихъ звѣздъ міріады,
Проливавшихъ такъ много
Мнѣ на сердце отрады...

Въ самомъ сердцѣ ужъ нѣту
На любовь отголоска...
Ужъ и ты проливайся,
Одинокая слезка!
1857.

XIII.

Въ толпѣ опять я слышу пѣсню,
Что пѣла милая когда-то...
Ахъ, въ это праздничное солнце
Еще страшнѣй ея утраты!

И, уронить боясь слезы,
При всѣхъ я очи потуплю
И въ лѣсъ спѣшу, но за слезами
Едва дорогу различаю...
1857.

XIV.

Что за милый это мальчикъ!
Какъ онъ радъ всегда поэту
Предложить отвѣдать устрицъ,
Сдѣлать честь его Музу!

Вѣчно—фракъ и бѣлый галстукъ;
Тонъ хорошаго сословья;
По утрамъ во янѣ онъ ходитъ
О моемъ узнать здоровьѣ,

О моей хлопочетъ славѣ,
Остроты мои сбираетъ;
Мнѣ въ дѣлахъ или въ бездѣльѣ
Услужить не пропускаетъ;

Декламируетъ въ салонахъ,
Дамъ плѣняя слухъ и взгляды,
Изъ моихъ твореній дивныхъ
Вдохновенныя тирады...

О, такіе люди—рѣдкость,
Хоть смѣшны порой, какъ дѣти,
Въ вѣкъ, когда ужъ лучшихъ нѣту,
Да выводятся и эти!
1856.

XV.

Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ
Я встрѣтился съ милой моей;
Но какъ она шла боязливо,
Какъ бѣдно все было на ней!

Въ лицѣ исхудаломъ и блѣдномъ,
Съ своею рѣсницей густой,
Глаза только прежніе были,
И чудной сіяли душой.

У ней на рукѣ былъ ребенокъ;
За палецъ держась, поспѣвать

За нею другой торопился,
Румяный... какъ нѣкогда мать...

И съ ними пошелъ я, тоскливо
Потупивши въ землю глаза.
Въ груди моей точно проснулись
Подавленныхъ чувствъ голоса.

„Пойдемъ,—я сказалъ ей,—жить вмѣстѣ;
Я нянчиться буду съ тобой,
Ходить за дѣтьми и работать,
И вновь расцвѣтешь ты душой!“

Она подняла ко мнѣ очи,
И очи сказали безъ словъ,
Одной только грустью: „Ужъ поздно!“ —
И я зарыдать былъ готовъ...

И въ очи смотрѣли ей дѣти,
Вдругъ обняли мать горячо...
Ихъ крикъ укололъ мою душу...
Вдругъ слышу, меня за плечо

Хватаетъ еврей, мой издатель:
„Побѣда!—кричитъ,—торжество!
Въ три дня разошлось все изданье...“
О, какъ же я проклялъ его!..
1857.

XVI.

Меня ты не смутила,
Мой другъ, своимъ письмомъ.
Грозишь со мной все кончить—
И пишешь цѣлый томъ!

Такъ мелко и такъ много...
Читаю битый часъ...
Не пишутъ такъ пространно
Рѣшительный отказъ!
1857.

XVII.

Все въ грязи онъ подобралъ;
Чтобъ все достать ей, красть онъ сталъ;
Она въ довольствѣ утопала
И надъ безумцемъ хохотала.

И шли пиры... Но дни текли:
Вотъ утромъ разъ за нимъ пришли:
Ведутъ въ тюрьму... Она стояла
Передъ окномъ—и хохотала.

Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
„Я безъ тебя душой изныл,
Приди ко мнѣ!“ Она качала
Лишь головой—и хохотала.

Онъ въ шесть поутру былъ казненъ
И въ семь во рву похороненъ,
А ужъ въ восьмомъ она плясала,
Пила вино и хохотала.

1857.

XVIII.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Каждый день въ саду гарема,
У шумящаго фонтана,
Гордымъ лебедемъ проходитъ
Дочь великаго султана.

У шумящаго фонтана
Блѣдный, съ впалыми щеками,
Каждый разъ стоитъ невольникъ
И слѣдитъ за ней очами.

Разъ она остановилась,
Подняла глаза большіе
И отрывисто спросила:
„Имя? родина? родные?“

„Магометъ,—сказалъ невольникъ: —
Еменъ—родина, а кровью
Я изъ Асровъ, родъ, въ которомъ
Рядомъ смерть идетъ съ любовью“.

1856.

XIX.

На мольбы мои упорно
„Нѣтъ.“ и „нѣтъ“ ты говоришь!
А скажу ль: „ну, такъ простимся!“ —
Ты рыдаешь и коришь...

Рѣдко я молюсь, о, Боже!
Успокой ее Ты разомъ!
Осуши ея Ты слезы,
Просвѣти ея Ты разумъ!

1857.

XX.

ЛИЛІЯ.

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждетъ, все ждетъ тоскливо,
Взошелъ бы мѣсяцъ поскорѣй.

Ахъ, этотъ мѣсяцъ тихимъ свѣтомъ
Ее пробудитъ ото сна
И всѣмъ дыханьемъ, полнымъ цвѣтомъ,
Къ нему запросится она...

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ,
И, всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

1857.

XXI.

ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ.

Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ,
И, подобныя тѣнямъ,
Похоронныя фигуры
Въ этомъ челнѣ по бортамъ.

Передъ ними — трупъ поэта;
Съ непокрытой головой
Все онъ въ небо голубое
Смотритъ мертвый, какъ живой...

Даль звенитъ... Кого-то кличетъ
Точно нимфа изъ-за волнъ...
Точно всхлипываютъ волны,
Лобызая бѣлаясь челнъ.

1857.

XXII.

Ночи теплый мракъ гвоздики
Благовоніемъ поятъ.
Точно рой златистыхъ пчелокъ,
Звѣзды на небѣ блестятъ.

Въ бѣломъ домикѣ, сквозь зелень
Вижу, свѣтитъ огонекъ;
Слышу стукъ стеклянной двери,
Слышу милый голосокъ...

Сладкій трепетъ, робкій шопотъ.
Нѣга счастья и любви...
И внимательнѣе розы,
Вдохновеннѣй соловьи.

1857.

XXIII.

Онъ ужъ снился мнѣ когда-то,
Этотъ самый сонъ любви!..
Воздухъ, полный аромата...
Поцѣлуи... соловьи...

Такъ же мѣсяцъ всплылъ двурогій,
И бѣлѣетъ водопадъ...
Такъ же мраморные боги
Сторожатъ у входа въ садъ...

Ахъ, я знаю, какъ жестоко
Измѣняютъ эти сны!
Какъ заноситъ снѣгъ глубоко
Поле, полное весны...

Какъ мы сами сонъ свой губимъ,
Забываемъ и клянемъ,
Мы, которые такъ любимъ
И блаженствомъ жизнь зовемъ!..

1857.

XXIV.

Чуднымъ звукомъ даже ночи
Наполняетъ мнѣ весна,
И въ мечтахъ моихъ, какъ эхо,
Отзывается она.

Точно въ сказочномъ я мірѣ...
Все мнѣ чудно: шумъ листовъ,
Пѣнье птичекъ-невидимокъ,
Ароматъ ночныхъ цвѣтовъ.

Розы кажутся красивѣе,
И вокругъ головокъ ихъ
Точно разлито сіянье,
Какъ вкругъ ангеловъ святыхъ.

Самъ я—кажется въ ту пору—
Самъ я точно соловей,
И пою я этимъ розамъ
Всю тоску любви моей.

И пою я имъ до солнца
Иль пока не грянетъ самъ
Соловей весенней рощи
Вызовъ къ братьямъ-соловьямъ.

1857.

XXV.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬДЪ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ ужъ вѣкъ, сидитъ другой,
Съ своей возлюбленной вдвоемъ,
Съ своей царевною морской.

Сидитъ онъ, чарой обойденъ,
Не умирая, не живя;
Въ блаженствѣ тихо замеръ онъ,
Лишь сердце жжетъ любви змѣя.

Склонясь къ коварной головой,
Онъ въ очи демонскія ей
Глядитъ все съ вящшею тоской,
Глядитъ все глубже, все страстнѣй.

Онъ, какъ пергаментъ, пожелтѣлъ;
Въ сухой щекѣ скула торчитъ;
Златистый локонъ посѣдѣлъ,
И только взглядъ горитъ, горитъ...

И лишь когда гроза гремитъ,
И вкругъ хрустальнаго дворца

Хлябь, зеленѣя, закипитъ, —
Очнется бранный духъ бойца.

И въ шумѣ, въ плескѣ слышитъ онъ
Норманновъ кликъ удалой,
И схватитъ мечъ, какъ бы сквозь сонъ,
И кинетъ прочь, махнувъ рукой.

Или когда надъ нимъ заря
Румянитъ сводъ прозрачныхъ водъ,
Онъ слышитъ пѣснь, какъ встарь моря
Гаральдъ браздилъ средь непогодъ;

Его встревожитъ пѣсня та,
Но злая дѣва сторожитъ
И быстро алыя уста
Къ его устамъ прижать спѣшитъ.

1857.

XXVI.

АЛИ-БЕЙ.

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой нѣгой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что игривыя газели,
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу...

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
„Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!“

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витаетъ.

И межъ тѣмъ какъ рубитъ франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ...

XXVII.

Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ!
Богатство—вѣнецъ красоты!
При этомъ чудесные глазки...
Ужель недовольна все ты?

На эти чудесные глазки
Я рифмы сплеталъ, какъ цвѣты,
И вышли безсмертныя пѣсни...
Ужель недовольна все ты?

Ахъ! эти чудесные глазки
Огнемъ роковымъ налиты...
Отъ нихъ я совсѣмъ погибаю...
Ужель недовольна все ты?

1865.

XXVIII.

Изъ моей великой скорби
Пѣсни малыя родятся
И, звеня, на легкихъ крыльяхъ
Свѣтлымъ роемъ къ милой мчатся.

Покружася надъ прекрасной,
Возвращаются и плачутъ...
Не хотятъ сказать малютки
Мнѣ, что слезы эти значатъ...

1857.

XXIX.

Посмотри: во всемъ доспѣхъ
Мужъ, готовый выйти въ бой:
Онъ ужъ бредитъ объ успѣхѣ,
Мечъ свой пробуя стальной.

Вдругъ Амуровъ рой крылатый
Съ толку сбилъ его совсѣмъ:

Кто разстегиваетъ латы,
Кто съ главы срываетъ шлемъ:

Кто съ улыбкою лукавой,
Пальчикъ къ губкамъ приложивъ,
Шепчетъ на ухо... И славы
Позабытъ святой призывъ.

Узнаёшь ли въ этой сценѣ,
Милый ангедъ мой, меня?
Вѣкъ зоветъ, бойцы въ аренѣ,
А въ твоихъ объятьяхъ я!
1857.

XXX.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ...
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взглядъ...

Къ чему ловить мнѣ было бѣлый,
По вѣтру бившійся покровъ?..
А эти маленькія ножки...
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ!

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Такъ возмутительно покорна
И такъ убійственно скучна!
1857.

XXXI.

ВЕСНОЮ.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Румяная дѣва одна надъ рѣкою.

И солнце, и зелень! И жжетъ, и томитъ!..
Такъ любится сердцу весною!..
„Кому же вѣнки?“—кто-то вслухъ ей твердитъ—
И мчится мечта за мечтою...

Вотъ слышится топотъ... вотъ всадникъ летитъ,
И перьями вѣетъ, и блещетъ онъ сталью...

Робѣетъ малютка, и ждетъ, и молчитъ...
Но мигъ — и онъ скрылся за синею далью!..
И плачетъ, и мечетъ въ златыя струи
Бѣдняжка вѣнки, съ уязвленной душою...
А гдѣ-то запѣлъ соловей о любви...
Такъ любится сердцу весною!..
1857.

XXXII.

НА ГОРАХЪ ГАРЦА.

Раскрывайся, міръ преданій!
Приготовься, сердце, къ нимъ,
Къ сладкимъ пѣснямъ, тихимъ грёзамъ,
Къ вдохновеньямъ золотымъ!

Я иду въ лѣса густые,
Доберусь до замка я,
На который устремляетъ
Первый нѣжный лучъ заря.

Тамъ среди сѣдыхъ развалинъ,
Какъ живые, предо мной
Встанутъ дней минувшихъ люди
Съ прежней свѣжею красой...

Вотъ онъ, вотъ! Надъ нимъ, какъ прежде,
Полны блеску небеса,
И внизу, въ волнахъ тумана
Словно плаваютъ лѣса...

Но травой покрыта площадь,
Гдѣ счастливецъ побѣждалъ
И побѣды призъ у лучшихъ,
Можетъ-быть, перебивалъ...

Плющъ виситъ кругомъ балкона,
Гдѣ склонялась на скамью
Побѣдившая очами
Побѣдителя въ бою...

Ахъ! И рыцаря и даму
Смерть давно ужъ унесла...
Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь
Вышибаетъ изъ сѣдла!
1868.

XXXIII.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

1.

Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пустынѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ пѣснями вьюги,
Дремлетъ и видитъ: на пламенномъ югѣ
Стройная пальма растетъ и съ тоской
Смотритъ на сѣверъ его ледяной.

2.

Давно задумчивый твой образъ,
Какъ сонъ, носился предо мной
Все съ той же кроткою улыбкой,
Но блѣдный, блѣдный и больной...

Одни уста еще алѣютъ;
Но прикоснется смерть и къ нимъ —
И все небесное угаситъ
Въ очахъ лобзаньемъ ледянымъ.

3.

Въ легкомъ челнѣ мы съ тобою
Плыли по быстрымъ волнамъ...
Тихая ночь навѣвала
Грёзы блаженныя намъ...

Островъ стоялъ, какъ видѣнье,
Лунным лучомъ осіянъ;
Пѣсни оттуда звучали
Сквозь серебристый туманъ.

Пѣсни туда насъ манили...
Но, и сильна и темна,
Въ море, въ широкое море
Грозно влекла насъ волна.

4.

Любовь моя — страшная сказка,
Со всѣмъ, что̀ есть дикаго въ ней,
Съ таинственнымъ блескомъ и бредомъ,
Созданіе жаркихъ ночей.

Вотъ: „рыцарь и дѣва гуляли
Въ волшебномъ саду межъ цвѣтовъ...

Кругомъ соловьи грохотали,
И мѣсяцъ свѣтилъ сквозь деревъ...

Нѣма была дѣва, какъ мраморъ...
Къ ногамъ ея рыцарь приникъ...
И вдругъ великанъ къ нимъ подходитъ—
Исчезла красавица вмигъ...

Упалъ окровавленный рыцарь...
Исчезъ великанъ"... а потомъ...
Потомъ... Вотъ когда похоронятъ
Меня, то и сказка съ концомъ!..

5.

Здѣсь мѣсто есть... Самоубійцъ
Тѣла тамъ зарываются...
На мѣстѣ томъ плакунъ-трава
Одна, какъ тѣнь, качается...

Я тамъ стоялъ... душа моя
Тоскою надрывалася...
Плакунъ-трава въ лучахъ луны
Таинственно качалася.

1867.

XXXIV.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

На тему одной нѣмецкой пѣсни.

Съ шумомъ и топотомъ пляшетъ въ лугу молодежь
Въ ладъ подъ визгливыя скрипки.
Вдругъ понеслась одна пара впередъ, изъ толпы
Выпырнувъ, точно двѣ рыбки.

Точно плывутъ они, тихо колышась и въ тактъ,
Мѣрно, какъ волны морскія,
Но усмѣхаются, глядя другъ другу въ глаза...
Вѣдаетъ Богъ, кто такіе!

„Вы,—говоритъ кавалеру она,—здѣсь чужой?..
Бѣлый на шляпѣ цвѣточекъ...
Только вѣдь въ самой морской глубинѣ онъ растетъ...
Какъ ни рядитесь, дружочекъ,

Васъ я узнала по остренькимъ щучьимъ зубкамъ
Тотчасъ же, съ перваго взгляда!
Вы—Водяной, и красотку сманить за собой
Въ теремъ хрустальный вамъ надо".

Онъ отвѣчаетъ: „Сударыня, ухъ, какъ блестятъ
Ваши зеленые глазки!
Ручки какъ холодны!.. Если жъ обнимутъ, то смерть,
Вѣрная смерть ваши ласки!

Васъ я по первому книксену тотчасъ призналъ...
Такъ что... секретъ неумѣстенъ...
Вы вѣдь—Русалка, сударыня... Промыселъ нашъ,
Значитъ, другъ другу извѣстенъ..."

Ловко, изящно, отъ смѣха же сле держась,
Легкіе оба такіе,
Плаваютъ, въ медленномъ вальсѣ колышась, они
Мѣрно, какъ волны морскія.

Кончился танецъ. Они разстаются, какъ всѣ:
Онъ—съ граціознымъ поклономъ,
Книксенъ глубокій—она, все какъ люди, давно
Съ лучшимъ знакомые тономъ.

1889.

XXXV.

Они о любви говорили
За чайнымъ блестящимъ столомъ.
Изяществомъ дамы сіяли,
Мужчины—тончайшимъ умомъ.

„Любовь въ платоническомъ чувствѣ",
Замѣтилъ совѣтникъ въ звѣздахъ.
Совѣтница зло улыбнулась,
Однако промолвила: „ахъ!"

Въ отвѣтъ ему толстый каноникъ:
„Любить надо въ мѣру, затѣмъ
Что иначе—вредъ для здоровья".
Княжна проронила: „а тѣмъ?"

Съ улыбкой давая барону
Душистаго чаю стаканъ,
Графиня сказала протяжно:
„Амуръ—безпощадный тиранъ!"

За чаемъ еще было мѣсто:
Тебѣ бъ тамъ, малютка, засѣсть
И, слушая только сердечка,
Урокъ о любви имъ прочесть.

1867.

XXXVI.

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!
Столько яду, желчи, зла!..“
Что̀ жъ мнѣ дѣлать? Столько яду
Въ жизнь мою ты пролила!

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“
Что̀ жъ мнѣ дѣлать, жизнь моя?
Столько змѣй ношу я въ сердцѣ,
Да и сверхъ того—тебя!

1867.

XXXVII.

Краса моя, рыбачка,
Причаль сюда челнокъ,
Садись рука съ рукою
Со мной на бережокъ.

Прижмись ко мнѣ головкой,
Не бойся ничего!
Ввѣряешься жъ ты морю...
Страшнѣе ль я его?

Ахъ, сердце—то же море!
И бьется, и бурлитъ,
И такъ же дорогія
Жемчужины таитъ!

1867.

XXXVIII.

ЛОРЕЛЕЯ.

Бѣда ли, пророчество ль это?..
Душа такъ уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преслѣдуетъ всюду меня...

Все чудится Рейнъ быстроводный,
Надъ нимъ ужъ туманы летятъ,
И только лучами заката
Вершины утесовъ горятъ.

И чудо-красавица дѣва
Сидитъ тамъ въ сіяньи зари.

И чешетъ златымъ она гребнемъ
Златистые кудри свои.

И вся-то блеститъ и сіяетъ,
И чудную пѣсню поетъ:
Могучая, страстная пѣсня
Несется по зеркалу водъ...

Вотъ ѣдетъ челнокъ... И внезапно
Охваченный пѣснью ея,
Пловецъ о рулѣ забываетъ
И только глядитъ на нее...

А быстрыя воды несутся...
Погибнетъ пловецъ средь зыбей!
Погубитъ его Лорелея
Чудесною пѣснью своей!..
1867.

XXXIX.

AUF FLÜGLEN DES GESANGES.

Поэзіи геній крылатый
Незримой воздушной стезей
Въ край солнца, къ источникамъ Ганга,
Умчитъ насъ, мой ангелъ, съ тобой!

Въ глубокой, цвѣтущей долинѣ,
Въ виду неприступныхъ снѣговъ,
Ты явишься пышной царицей
Роскошнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ!

Тамъ пѣнные съ горъ водопады
И шелестъ волны въ тростникѣ,
Толпы богомольцевъ, идущихъ
Омыться въ священной рѣкѣ.

Все чудныя сказки намъ скажетъ
Про войны людей и духовъ,
Про женъ, исторгавшихъ супруговъ
Изъ челюстей адскихъ боговъ...

Услышимъ мы вопль ихъ страданій,
И вдругъ—въ ихъ далекой любви,
Сквозь бездну вѣковъ мы узнаемъ
Любовь и страданья свои...
1867.

XL.

Нежданной молніей, внолнѣ
Открывшей мнѣ тотъ мракъ глубокій,
Гдѣ чуть дышу я, были мнѣ
Тобой начертанныя строки...

Среди обломковъ ты одна
Въ моемъ минувшемъ—образъ ясный,
Какъ мраморъ божески-прекрасный,
Но и какъ мраморъ холодна!..

О, каковы жъ мои мученья!..
Вдругъ этотъ мраморъ тронуть! онъ
Заговорилъ—и сожалѣнья
Слезою теплой окропленъ!..

А Ты, мой Богъ! Тебя напрасно
Молю я: узелъ развяжи,
Дай мнѣ покой и положи
Конецъ трагедіи ужасной!

1866.

XLI.

Конецъ! опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшитъ...
Ну что жъ? успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучитъ
Еще доселѣ страстный шопотъ,
И крикъ, и вызовы, и топотъ...
Ушли... и зала ужъ темна,
Огни потухли... тишина...

Чу! что-то глухо прозвенѣло
Во тьмѣ близъ сцены опустѣлой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ?.. Тамъ что? крысы
Грызутъ ненужныя кулисы...
И лампы гаснутъ, и чадитъ
Отъ нихъ дымящееся масло...
Одна осталась... вотъ шипитъ,
Шипитъ... чуть тлѣетъ... и угасла...
Ахъ, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857.

XLII.

ПРИНЦЕССА ШАБАШЪ.

Въ старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходятъ часто — чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни — и принцы
Принимаютъ прежній образъ;
Принцъ волочится и дамамъ
Серенады воспѣваетъ, —

Все до часа рокового;
И настанетъ онъ—мгновенно
Свѣтлый принцъ — четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесь воспѣть такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется —
Израйль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ и мыслитъ,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
Принцъ становится какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслитъ, чувствуетъ, какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

„Прародительскія сѣни! —
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно:—
Домъ Іаковлевъ! цѣлую
Прагъ у вратъ твоихъ священныхъ!“

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопотъ и движенье;
Тихо въ храмѣ все; чуть дышитъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенешаль великій только —
То-есть служка въ синагогѣ —
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигая.

Лампы — свѣточи надежды!
Какъ горятъ онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору.

И уже передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоцѣнными камнями
И хранящимъ эту Тору,

Канторъ всталъ — изящный канторъ;
Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ при семъ локтями, —

Вотъ онъ, ручкой щеголяя,
Потрепалъ себя по щекѣ,
Персть къ виску прижалъ, большимъ же
Пальцемъ горло расправляетъ.

Долго онъ бормочетъ тихо —
Наконецъ, какъ вдохновенный,
Возглашаетъ громогласно:
„Лехо Дойди Ликрасъ Калле!

О, гради, женихъ желанный,
Ты во срѣтенье невѣстѣ, —
Той, которая откроетъ
Для тебя свой ликъ стыдливый!“

Этотъ стихъ вѣчальный сложенъ
Былъ Іегудой бенъ-Галеви,
Нѣкогдѣвщемъ знаменитымъ
Въ дни халифовъ мавританскихъ.

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
Обрученье Израйля
Съ царственной принцессой Шабашъ —
Молчаливою принцессой...

Перлъ и цвѣтъ красотъ вселенной
Эта чудная принцесса!
Что тутъ Савская царица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться —
Наконецъ, вѣдь это скучно!

Нѣтъ! принцесса Шабашъ — это
Тихій ангелъ! ненавидитъ
Суемудріе и споры —
Эти умственные боксы, —

Ненавидитъ этотъ дикій
Пафосъ страстныхъ декламацій,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Скромно подъ чепецъ парикъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но — только
Не курить: „курить въ субботу
Запрещается закономъ;

Но за то, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ, ты будешь
Нынче шалетъ, другъ мой, кушать“.

„Шалетъ — божеская искра,
Сынъ Элизія!“ — запѣлъ бы,
Вѣрно, Шиллеръ вдохновенный,
Если бъ только зналъ онъ шалетъ!

Это — даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской снѣдью
Дрянь — амброзія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалетъ,
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечетъ, улыбаясь:

„То не шумъ ли Іордана,
Не журчанье ль струй студеныхъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бэтэля?
То не ржанье ли верблюдовъ?

Не овецъ ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечутъ?
Не съ вершинъ ли Гилеата
Овцы на ночь сходятъ въ долы?“

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходитъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собачьи.

Принцу милому подноситъ
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшитъ онъ
Нарду запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подноситъ
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла —
Въ тотъ же мигъ и принцъ изъ храма
Грязной выбѣжалъ собакой.

1863.

XVIII.

EXCELSIOR.

I.

Въ юдоли плача и порока
Поэтъ въ душѣ своей слагаетъ
Невольно вѣщій гласъ пророка—
И міръ иной сооружаетъ.

Въ томъ мірѣ Истина: блистаетъ
Въ ея щитѣ глава Медузы:
Предъ ней порокъ свой мечъ роняетъ,
И ниспадаютъ съ скорбныхъ узы.

Она идетъ: предъ ней крушатся
Повсюду монументы злобы,
И розы пышныя родятся
Тамъ, гдѣ страдальцевъ были гробы;

И вкругъ все дивное творится:
Пигмей низвергнулъ исполина,
И благодушный рабъ садится
На мѣсто злого господина:

Все, что̀ страдало, что̀ боролось
Противу зла, изнемогая,
Отвсюду возвышаетъ голосъ,
Господень судъ благословляя.

И люди такъ же благи снова,
Какъ тѣ, которые внимали
При Галилейскомъ морѣ слово,
Съ ихъ душъ снимавшее печали...

Такъ за ночными облаками,
Сквозь ихъ серебряныя пятна,
Ты небо чувствуешь съ звѣздами
И съ глубиною необъятной.

1857.

II.

О, мысль!.. Изъ урны роковой
Я вынулъ жребій, не робѣя!
Я зналъ, что жребій, взятый мной —
Утесъ и жажда Прометея!
Вся жизнь—стремленье изъ оковъ,
При злой насмѣшкѣ отъ собрата,
Стремленье вдаль отъ береговъ
И невозможность къ нимъ возврата!
Но эти муки, этотъ адъ
Благословляю за мгновенья,
Когда пытующій мой взглядъ
Объемлетъ таинства творенья;
И я—на мигъ ожившій прахъ —
Себя почувствую той силой,
Что̀ къ слѣпотѣ своей уныдой
Толпа со страхомъ чтитъ въ богахъ!

1863.

III.

О, царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ
Намъ чувствуешься ты!

Сіяющіе мраморы,
Лизиппъ и Пракситель!..
Съ безсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ—

Все то—не откровенья ли
Съ надзвѣздной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..

1883.

IV.

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ—
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!

Ты—на горѣ;
Они—въ долинѣ,
Но Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.

Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи.

Но вѣдь и имъ,
На самомъ днѣ,
Имъ *нужно* знать,
Что *есть* онъ въ мірѣ,

Что гдѣ-нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что возвѣщь,—
И онъ отвѣтитъ!
1872.

V.

ПУСТЫННИКЪ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суеть они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

VI.

ВАЯТЕЛЮ

(что̀ долженъ выразить памятникъ Пушкину).

Изобрази ты въ немъ поэта,
Чтобъ въ царствѣ мысли царь онъ былъ,
Исполненъ внутренняго свѣта,
Да имъ и насъ бы охватилъ!
1875.

VII.

EXCELSIOR.

(Изъ Лонгфелло).

На высяхъ Альпъ горитъ закатъ;
Внизу, въ селеньи, стѣны хатъ
Отливомъ пурпурнымъ сіяютъ...
Вдругъ видитъ люди: къ нимъ идетъ
Красавецъ-юноша; несетъ
Въ рукѣ хоругвь; на ней читаютъ:
Excelsior!

Идетъ онъ мимо, вверхъ, туда,
Гдѣ царство смерти, царство льда:
Не смотритъ, есть иль нѣтъ дорога:
Лишь въ высь, восторженный, глядитъ,
И кликъ его въ горахъ звучитъ,
Какъ звукъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Предупреждаютъ старики:
„Куда идешь? Тамъ ледники!
Тамъ не была нога людская!
Споконъ вѣковъ тамъ ходу нѣтъ!“
Но онъ не слушаетъ, въ отвѣтъ
Лишь кликомъ горы оглашая:
Excelsior!

Краса-дѣвица говоритъ:
„Останься здѣсь, отъ бурь укрытъ,
Любимъ и счастливъ съ нами вѣчно!“
Онъ передъ ней замедлилъ шагъ,
Но черезъ мигъ опять въ горахъ
Раздалось, вторясь безконечно:
Excelsior!

И вотъ ужъ скрылся онъ изъ глазъ...
Узъ пурпуръ на горахъ погасъ;
Блѣднѣютъ снѣжныя вершины,
И тамъ, въ безмолвьѣ ледяномъ,
Звучитъ, какъ отдаленный громъ,
Съ высотъ несущійся въ долины:
Excelsior!

Чуть свѣтъ, при меркнущихъ звѣздахъ,
На льды въ обходъ пошелъ монахъ,
Неся запасъ вина и хлѣба, —

И слышитъ голосъ надъ собой
Какъ бы отъ тверди голубой,
Съ высотъ искѣющаго неба:
Excelsior!

И тутъ же лай собаки; вмигъ
Онъ къ ней—и видитъ: въ снѣговыхъ
Сугробахъ юноша... О, Боже!
Онъ бездыханенъ; смертный сонъ
Его сковалъ, и держитъ онъ
Въ рукѣ хоругвь, гдѣ надпись тоже—
Excelsior!

Ужъ горы облило зарей:
Лежитъ онъ, блѣдный и нѣмой,
Среди пустынь оледянѣлыхъ...
Стоитъ и слышитъ вдругъ монахъ—
Уже чуть внятно въ высотахъ,
Въ недосягаемыхъ предѣлахъ:
Excelsior!

1881.

VIII.

Куда бъ ни шелъ шумящій міръ,
Что бъ разумъ будничный ни строилъ,
На что бъ онъ хоръ послушныхъ лиръ
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ,
Поэтъ, не слушай ихъ. Пускай
Растетъ ихъ гамъ, кипитъ работа,—
Они всѣ въ Книгѣ Жизни, знай,
Пойдутъ не дальше переплета!
Святыя тайны Книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался Самъ пророку,
Его жъ, съ премудростью своей,
Не видѣлъ гордый фарисей.
Имъ только видимость—потреба,
Тебѣ же—сущность, тайный смыслъ:
Имъ—только рядъ бездушныхъ числъ,
Тебѣ же—безконечность неба,
Задача смерти, жизни цѣль,
Неразрѣшимая досель,

Но ужъ и въ чаемомъ рѣшеньи,
Уже въ предчувствіи его
Тебѣ дающая прозрѣнье
Въ то, что для духа—вещество
Есть только форма и явленье.
1888.

IX.

Бѣлые лебеди, вѣстники свѣтлой весны, пролетѣли.
Сердце земли встрепенулось, сверкнули ожившія воды...
Мигъ — и проглянутъ цвѣты... Да, весна это, радость-весна!
Какъ эти лебеди, мысли видѣньемъ въ душѣ пролетаютъ,
Сердце трепещетъ въ груди... пробиваются слезы восторга;
Чувствую: близятся, ихъ осязаю и вижу—стихи!
1891.

X.

Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ святыни
Въ нашъ бренный образъ облекать
И вымысломъ небесъ пустыни,
Какъ бѣдный міръ нашъ, населять?

Зачѣмъ давать цвѣта и звуки
Чертамъ духовной красоты?
Зачѣмъ картины вѣчной муки
И рая пышные цвѣты?

Затѣмъ, что смертный подымаетъ
Тогда лишь взоры къ небесамъ,
Когда тамъ радуга сіяетъ
Его восторженнымъ очамъ...
1887.

XI.

Вдохновенье—дуновенье
Духа Божья!.. Пронеслось—
И безсмертнаго творенья
Сѣмя бросило въ хаосъ.

Вмигъ поэтъ душой воспрянетъ
И подхватитъ налету,
Отольетъ и отчеканитъ
Въ мѣдномъ образѣ мечту!
1890.

XII.

ХУДОЖНИКУ.

Къ тебѣ слетѣло вдохновенье—
Его исчерпай все за-разъ,
Покуда творческій восторгъ твой не погасъ,
И полонъ ты и силъ и дерзновенья!
Оно не долго свѣтитъ съ вышины
И въ смыслъ вещей, и духа въ глубины,
И твоего блаженства мигъ не дологъ!
Оно умчалося—и тотчасъ предъ тобой,
Своей холодною рукой,
Обычной жизни почь задернетъ темный пологъ.

1882.

XIII.

Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ:
Поэтъ ужъ въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ нимъ украдкой и тайкомъ
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми въ свѣтлицѣ, тайны полной...

1868.

XIV.

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей!..

Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой
И ту разсѣетъ тьму—прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...

1869.

XV.

Окончен трудъ—ужъ онъ мнѣ трудъ постылый.
Какъ будто кто все шепчетъ: погоди!
Твой главный трудъ—еще онъ впереди,
Къ нему еще ты только копишь силы!
Онъ облачкомъ чуть свѣтитъ заревымъ
И всѣ затмитъ, всѣ радости былыя—
Онъ впереди—Святой Ерусалимъ,
То все была—еще Антіохія!

1887.

XVI.

КЪ ХУДОЖНИКУ.

Напрасно напрягаешь струны,
Вотще допытываешь ты
И этотъ мраморъ вѣчно-юный
И эти дивные холсты...
Твое богатство—эти знанья
И упражненная рука,
Но лишь орудье для созданья,
Запасъ безжизненный—пока
Отвыше Творческая Сила
Твой духъ собой не охватила,
Дабы, водя твоей рукой,
Ей продолжать творить Самой.

(1885).

XVII.

„Не отставай отъ вѣка“—лозунгъ лживый,
Коранъ толпы. Нѣтъ: выше вѣка будь!
Зигзагами онъ свой свершаетъ путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы.
Нѣтъ! мысль твоя пусть зрѣетъ и растетъ,
Лишь въ вѣчное корнями углубляясь,
И горизонтъ свой ширитъ, возвышаясь
Надъ уровнемъ мимобѣгущихъ водъ!
Пусть ихъ напоръ неровности въ ней сгладитъ,
Порой волна счастливый дастъ толчокъ,—
А золота крупинку мчитъ потокъ—
Оно само въ стихѣ твоемъ осядетъ.

1889.

XVIII.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА.

Его стихи читая, точно я
Переживаю нѣкій мигъ чудесный—
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя...
Нездѣшними мнѣ кажутся ихъ звуки:
Какъ бы, вліясь въ его безсмертный стихъ,
Земное все—восторги, страсти, муки —
Въ небесное преобразилось въ нихъ!

1887.

XIX.

Мы выросли въ суровой школѣ,
Въ преданьяхъ рыцарскихъ вѣковъ,
И зрѣли разумомъ и волей
Среди лишеній и трудовъ.
Поэтъ той школы и закала,
Во всеоружіи всегда,
Въ сей вѣкъ Астарты и Ваала
Порой смѣшонъ, быть-можетъ... Да!
Его коня ровняютъ съ клячей
И съ Донъ-Кихотомъ самого, —
Но онъ въ святой своей задачѣ
Ужъ не уступитъ ничего!
И пусть для всѣхъ погаснетъ небо,
И въ тьмѣ приволье всѣ найдутъ
И ради похоти и хлѣба
На все святое посягнутъ, —
Одинъ онъ—съ поднятымъ забраломъ —
На площади, предъ всей толпой,
Швырнетъ Астартамъ и Ваалямъ
Перчатку съ вызовомъ на бой.

1890.

XX.

ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ.

Стиховъ мнѣ дайте, графъ, стиховъ,
Нетлѣнныхъ образовъ и вѣчныхъ,
Въ волшебствѣ звуковъ и цвѣтовъ
И горизонтовъ безконечныхъ!

Чтобъ, взволновавъ, мнѣ дали миръ,
Чтобъ я и плакалъ, и смѣялся,
И вмѣстѣ—старый ювелиръ—
Ихъ обработкой любовался...
Да! ювелиръ ужъ этотъ старъ—
Рука дрожитъ—но во мгновенье
Готовъ въ немъ вспыхнуть прежній жаръ
На молодое вдохновенье!

1887.

XXI.

Е. И. В. ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Зачѣмъ смущать меня подъ старость!
Ужъ на покой я собрался:
Убралъ поля, срубилъ лѣса,
И, если новая гдѣ зарость
Отъ старыхъ тянется корней,
То это—бѣдные побѣги,
Въ которыхъ нѣтъ ужъ прежнихъ дней
Ни величавости ни нѣги...
Даль безграничная кругомъ,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
Въ безмолвномъ торжествѣ своемъ...
И вотъ нежданно, къ нелюдиму,
Вашъ стихъ является ко мнѣ
И дразнитъ стараго, какъ въ зиму
Воспоминанье о веснѣ...

1887.

XXII.

К. Р.

Эти милыя двѣ буквы,
Что̀ два яркіе огня
Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье,
Манятъ издали меня.

Зажжены онѣ въ воротахъ,
Что̀ въ чудесный міръ ведутъ,
Міръ, гдѣ только гости съ неба—
Духи чистые—живутъ.

Для того живутъ, чтобъ знали
Дѣти бѣдныя земли

Славословье силъ небесныхъ,
Высшей Правды и Любви.

Для того, чтобъ знали тоже
Братья ихъ на небесахъ
Обо всѣхъ земныхъ страданьяхъ,
Обо всѣхъ людскихъ слезахъ.

И проходятъ мимо люди —
Люди плоти и страстей —
Ихъ не видятъ и не слышатъ
Ни молитвъ ихъ ни рѣчей.

Но идетъ поэтъ-провидецъ,
Какъ подъ солнечнымъ лучомъ —
Вмигъ они просіяваютъ
Въ полномъ обликѣ своемъ.

1889.

XXIII.

ОТВѢТЪ.

(К. А. Дворжицкому).

Во многолюдствѣ шумномъ свѣта,
Съ его базарной суетой,
Ужъ чуетъ вѣщею душой
Издалека поэтъ поэта.
Имъ любо, если довелось
Хоть перекинуться порою
Надъ этой тѣсною толпою
Букетомъ изъ душистыхъ розъ...
Ты перебросилъ мнѣ нежданно
Свой дорогой, благоуханный
Даръ поэтической любви —
Такъ вотъ и мой тебѣ—лови!

1887.

XXIV.

ОТВѢТЪ.

(Вл. П. Лебедеву).

Нѣтъ, то не Муза, дщерь небесъ,
Что насъ дѣтьми ужъ дразнитъ славой!
То злобный геній, мрачный бѣсъ,
То сынъ погибели лукавый
Къ намъ, улыбаясь, предстаетъ,
Плѣнитъ насъ лирою заемной

И поведетъ, и понесетъ,
И предъ тобой ужъ тартаръ темный:
Но ты летишь въ него стремглавъ,
Безъ разсужденья, безъ сознанья,
Въ душѣ, увы! давно поправъ
Любви и вѣры упованья,
Не признавая ничего,
И, бѣсу въ радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и міръ и Божество!

Нѣтъ, Муза—строгая богиня:
Ей слава міра—тлѣнъ и прахъ!
Ей сердце чистое—святыня,
И умъ, окрѣпнувшій въ трудахъ!
Въ жизнь проникая постепенно
И въ глубину и въ высоту,
Она поетъ Отцу вселенной
Съ своею лирой умиленной
Его твореній красоту!

1887.

XXV.

Мысль поэтическая—нѣтъ!—
Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
Ждетъ вдохновенья много лѣтъ
И, вспыхнувъ вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ
Призыву свыше, воскресаетъ...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть-можетъ, въ сердцѣ рана,
И не одна, чтобы облечь
Мысль эту въ образъ и извлечь
Изъ первобытнаго тумана...

1887.

XXVI.

Воплощенная, святая
Въ обаяньи красоты,
Ты—землѣ почти чужая,—
Мысль художника,—что ты?
Посреди сплошного мрака,
Въ глубинѣ пустынь нагихъ,
Ни пути гдѣ нѣтъ, ни злака,
Ни журчанья водъ живыхъ;

Подъ напоромъ черной тучи,
Что изъ Вѣчности несетъ
Адскій вихрь, что пламя, жгучій,
Отъ котораго все мретъ, —
Ты—ударъ посланца Божья
Въ мракъ сей огненнымъ мечомъ,
Ужасъ тьмы и бездорожья
Вмигъ разсѣявшій кругомъ
И открывшій для поэта
Солнце Истины надъ нимъ,
Міръ кругомъ—въ сіяньи свѣта,
И въ душѣ его, поэта,
Образъ, выстраданный имъ!

1888.

XXVII.

Вчера—и въ самый мигъ разлуки
Я вдругъ обмолвился стихомъ —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечнымъ лучомъ
И близь и даль озолотило...
Но не кори меня, мой другъ!
Вѣнецъ свой творческая сила
Куетъ лишь изъ душевныхъ мукъ!
Глубокимъ выхваченъ онъ горемъ
Изъ нѣдръ души заповѣдныхъ —
Какъ жемчугъ, выброшенный моремъ
Подъ грохотъ бури—этотъ стихъ!

1889.

XXVIII.

(Посв. Всеволоду Сергѣевичу Соловьеву).

Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ
Все къ нимъ стремится, къ высямъ горъ:
Все чудится, что тамъ идетъ
Какой-то звонъ, и все зоветъ:
„Сюда! Сюда!..“ Ужели тамъ
Въ ледяныхъ пустыняхъ — Божій храмъ?
И я иду на чудный зовъ;
Достигъ предѣла вѣчныхъ льдовъ;
Но храма нѣтъ!.. все пусто вкругъ;
Послѣдній замеръ жизни звукъ;
Туманомъ міръ внизу сокрытъ,
Но надо мною все гудитъ

Во весь широкій небосклонъ:
„Сюда! сюда!“ — все тотъ же звонъ...
1883.

XXIX.

В. и А.

Все, чѣмъ когда-то сердце билось
Въ груди поэта; въ чемъ, творя,
Его душа испепелилась,
Вся въ бурѣхъ творчества сгоря,
Въ толпѣ самодовольной свѣта
Встрѣчая чуть-что не укоръ,—
Все гаснетъ, тускнетъ безъ привѣта,
Какъ потухающій костеръ...
Пахнётъ ли вѣтеръ на мгновенье
И вздуетъ уголь здѣсь и тамъ,—
И своего ужъ онъ творенья
Не узнаётъ почти и самъ...
Восторгъ ихъ перваго созданья,
Ихъ мощь, ихъ блескъ, ихъ ароматъ,
Исчезло все, и средь молчанья,
Ихъ даже самыя названья
Могильной надписью звучатъ!
Безмолвный, робкій, полнъ сомнѣній,
Проходитъ онъ подобно тѣни
Средь вѣка хладнаго вождей,
Почти стыдяся вдохновеній
И откровеній прежнихъ дней.

Но поколѣнья ужъ иного
Приходитъ юноша-поэтъ:
Одно сочувственное слово —
Проснулся богъ, и хлынулъ свѣтъ!
Встаютъ и образы и лица,
Одушевляются слова,
Племенъ, народовъ вереница,
Ихъ голоса, ихъ торжества,
Духъ, ими двигавшій когда-то,
Все — вѣчность самая встаетъ,—
И душу старшаго собрата
По нимъ потомокъ узнаётъ!
Да! крѣпкій вывѣтрится камень,
Литой изржавѣетъ металлъ,

Но влитый въ стихъ сердечный пламень
Въ немъ вѣчный образъ воспріялъ!
Твори, избранникъ музъ, лишь вторя
Чудеснымъ сердца голосамъ:
Твори, съ кумиромъ дня не споря,
И строже всѣхъ къ себѣ будь самъ!
Пусть въ испытаньяхъ закалится
Свободный духъ, и образъ твой
Въ твоихъ созданьяхъ отразится,
Какъ общій обликъ родовой.

1888.

XXX.

Оставь, оставь! На вдохновенный,
На образъ Музы неземной
Вѣнокъ и вянущій и тлѣнный
Не возлагай! у ней есть свой!
Ей, полной горнихъ думъ и грёзы,
Ужъ въ Вѣчность глянувшей, нейдутъ
Всѣ эти праздничныя розы,
Какъ прахъ разбитыхъ ею путъ!
Ея вѣнокъ — неосязаемъ!
Что за цвѣты въ немъ — мы не знаемъ,
Но не цвѣты они земли,
А развѣ — долонъ лучезарныхъ,
Что намъ сквозятъ въ ночахъ полярныхъ
Въ недосягаемой дали!

1888.

XXXI.

МОЕМУ ИЗДАТЕЛЮ.

(А. Ѳ. Марксу).

Издатель добрый мой! Вотъ вамъ мои творенья!
Вы — другъ испытанный, вамъ можно вѣрить ихъ...
А все въ ихъ авторѣ, въ послѣдній самый мигъ,
Такія жъ всякій разъ тревоги и сомнѣнья...
Онъ жилъ въ самомъ себѣ; писалъ лишь для себя,
Безъ всякихъ помысловъ о славѣ въ настоящемъ,
О славѣ въ будущемъ... Лишь Красоту любя,
Искалъ лишь Вѣчное въ явленьи преходящемъ.
Отшельникъ — что же онъ для свѣта можетъ дать!
Къ чему и выносить на рынокъ всенародный
Плодъ сокровенныхъ думъ и настежь растворять
Святилище души очамъ толпы холодной...

1893

XIX.

АКВАРЕЛИ.

(1885—1890).

I.

АЙВАЗОВСКОМУ.

Стиха не цѣнятъ моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мнѣ за него
Кусочекъ истиннаго солнца,
Кусочекъ солнца твоего!
Когда въ стихи мои вливали
Такой же свѣтъ въ сердца людей,
Какъ ты — въ безбрежность этой дали
И здѣсь вкругъ этихъ кораблей
Съ ихъ парусомъ, какъ жаръ горящимъ
Надъ зеркаломъ живыхъ зыбей,
И въ этомъ воздухѣ, дышащемъ
Такъ горячо и такъ легко
На всемъ пространствѣ необъятномъ, —
Какъ я цѣнилъ бы высоко,
Какимъ бы даромъ благодатнымъ
Считалъ свой стихъ, гордился бъ имъ,
И мнѣ бы пѣлось, вѣчно пѣлось,
Своимъ бы солнцемъ сердце грѣлось,
Какъ нынче грѣется твоимъ!

1877.

II.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумитъ.
Волны, какъ рать уходящая съ боя, не могутъ утихнуть
И въ безпорядкѣ бѣгутъ, обгоняя другъ друга,
Хвастаясь другъ передъ другомъ трофеями битвы:
Клочьями синяго неба,
Золотомъ и серебромъ отступающихъ тучъ,
Алой зари лоскутами.

1887.

III.

Надъ необъятною пустыней Океана
Съ кошницею цвѣтовъ проносится весна,
Роняя ихъ на грудь угрюмаго титана...
Увы, не для него, веселія полна,
Любовь и счастіе несетъ съ собой она!
Иные есть края, гдѣ горы и долины,
Иное царство есть, гдѣ ждетъ ее привѣтъ...
Трезубецъ опустивъ, онъ смотритъ ей вослѣдъ...
Разгладились чела глубокія морщины,—
Она жъ летитъ, что сонъ, вся красота и свѣтъ —
Нетерпѣливый взоръ куда-то вдаль вперяя
И бога мрачнаго какъ будто и не зная...

1885.

IV.

ДЕННИЦА.

Луна, опальная съ дворомъ своимъ царица,
Идетъ изъ терема прохладою дохнуть,
Но вотъ бѣжитъ разсвѣтъ, царю готовя путь.—
Царица дрогнула... лишь свѣтлая денница,
Царевна юная, краса-отроковица,
Средь звѣздъ блѣднѣющихъ не меркнешь ты предъ нимъ.
Что грозный царь тебѣ? Отринутая имъ,
Царица скорбная пусть ждетъ минуты сладкой
Супруга издали увидѣть хоть украдкой
И скрыться въ теремъ свой, опять къ слезамъ своимъ...
Царевна жъ юная — тебѣ какое дѣло!
Свѣтясь веселіемъ безпечныхъ юныхъ лѣтъ,
Идешь за матерью опальною вослѣдъ,
На грознаго царя оглядываясь смѣло.

1874.

V.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

Все готово. Мусикійскій
Данъ сигналъ... сердца дрожатъ...
По аренѣ Олимпійской
Колесницъ помчался рядъ...

Трепеща, народъ и боги
Смотрятъ, сдерживая крикъ...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный мигъ!
Главкъ... Евмолпъ... опережаютъ...
Не смотри на отсталыхъ!
Эти... близко... подъѣзжаютъ...
Ну, который же изъ нихъ?
„Главкъ!“ кричатъ... и вонъ онъ, гордый,
Шагомъ ѣдетъ взять трофей,
И въ пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887.

VI.

ЖАННА Д'АРКЪ.

(Отрывокъ).

Бой кипѣлъ... Она скакала
На конѣ, на ворономъ —
Гордо поднято забрало —
Съ орифламмой и копьемъ —
И вездѣ, гдѣ чуть опасно,
Ужъ звенитъ на страхъ врагамъ
Этотъ звонкій, этотъ ясный
Женскій голосъ по рядамъ...

1887.

VII.

RENAISSANCE.

(Къ юбилею Рафаэля Санціо).

Въ свѣтлой греческой одеждѣ,
Въ свѣжемъ розовомъ вѣнкѣ,
Ходитъ юноша по свѣту
Съ звонкой лирою въ рукѣ.

Подъ одеждой кармелитокъ,
Преклонясь предъ алтаремъ,
Дѣва таетъ въ умиленьи
Предъ Небеснымъ Женихомъ

Тотъ вступаетъ въ сумракъ храма;
Очи встрѣтились ихъ;
Мигъ — и кинулись другъ къ другу,
Какъ невѣста и женихъ:

„Для него во мнѣ спасенье",
Мыслитъ дѣва; онъ шепталъ:
„Я нашелъ его — такъ долго
Убѣгавшій идеалъ!.."

Идутъ въ міръ — и, гдѣ ни ступитъ,
Всюду клики торжества,
Духъ смягчающія слезы
И прозрѣнье Божества!

1887.

VIII.

ГРОЗА.

Кругомъ царила жизнь и радость,
И вѣтеръ несъ ржаныхъ полей
Благоуханіе и сладость
Волною мягкою своей.

Но вотъ, какъ бы въ испугѣ, тѣни
Бѣгутъ по золотымъ хлѣбамъ;
Промчался вихрь—пять-шесть мгновеній
И, въ встрѣчу солнечнымъ лучамъ,

Встаютъ съ серебрянымъ карнизомъ
Чрезъ всѣ полнеба ворота,
И тамъ, за занавѣсомъ сизымъ,
Сквозятъ и блескъ и темнота.

Вдругъ словно скатерть парчевую
Поспѣшно сдернулъ кто съ полей,
И тьма за ней въ погоню злую
И все свирѣпѣй и быстрѣй.

Ужъ расплылись давно колонны,
Исчезъ серебряный карнизъ,
И гулъ пошелъ неугомонный,
И огнь и воды полились...

Гдѣ царство солнца и лазури!
Гдѣ блескъ полей, гдѣ миръ долинъ!
Но прелесть есть и въ шумѣ бури
И въ плескѣ лелѣяныхъ градинъ!

Ихъ нахватать—нужна отвага!
И вонъ какъ дѣти въ удальцѣ
Ее честятъ! какъ вся ватага
Визжитъ и скачетъ на крыльцѣ!
1887.

IX.

Ужъ побѣлѣли неба своды...
Промчался рѣзвый вѣтерокъ...
Передразсвѣтный сонъ Природы
Уже сталъ чуткъ и легокъ.
Блеснуло солнце: гонитъ ночи
Съ нея послѣднюю дрему—
Она, вздрогнувъ, открыла очи
И улыбается ему.
1887.

X.

(Мотивъ Коппе).

Ты вѣришь ей, поэтъ! Ты думаешь, твой геній,
Парящій къ небу духъ и прелесть пѣснопѣній
Всего дороже ей, всего въ тебѣ святѣй?
Безумецъ! По себѣ ты судишь!.. И Орфей—
Была и у него младенческая вѣра,
Что всюду вслѣдъ ему идущая пантера
Волшебной лирою навѣкъ укрощена...
Но на колючій тернъ онъ наступилъ пятою,
И кровь въ его слѣдѣ почуяла она,
Вздрогнула и, взрычавъ, ударилась стрѣлою
Лизать живую кровь... Проснулся мигомъ звѣрь!..
И та—не чудный даръ твой нуженъ ей—повѣрь!
Ей сердца твоего горячей крови надо,
Чтобъ небо изъ него въ терзаніяхъ изгнать,
Чтобъ лиру у него отнять и разломать,
И, тѣшася надъ нимъ, какъ пьяная Менада,
Надъ яростью боговъ—въ лицо имъ хохотать!
1888

XI.

СИРОТКА.

На ранній благовѣстъ, когда еще поля
Дремали въ сумракѣ, а небо ужъ бѣлѣло,
Она шла по лугу. Въ ней сердце точно пѣло
Воскресный свой канонъ—и небо и земля,
Казалось, вторили—она имъ улыбалась,
Шепталась съ птичкою, кружившейся надъ ней,
И нѣжно взглядами съ денницею мѣнялась...
Сиротка-звѣздочка сродни вѣдь будетъ ей:
Такого жъ чистаго таинственнаго свѣта,
Какъ и душа ея; затерянная гдѣ-то
При солнцѣ и звѣздахъ, во весь свой свѣтитъ свѣтъ.
Въ коронкѣ золотой, когда ихъ въ небѣ нѣтъ;
Обѣихъ Богъ хранитъ десницею Своею—
Малютка знаетъ вѣдь, что съ высоты небесъ
Архангелъ бодрствуетъ невидимо надъ нею,
И—злой ли человѣкъ покажется, иль бѣсъ,—
Онъ руку въ тотъ же мигъ заноситъ на эфесъ...

1889.

XII.

Дѣвочка—братьямъ и другъ и примѣръ: лепетать только стала—
Знаетъ, малютка, ужъ какъ въ шалостяхъ пылъ ихъ унять:
Выступитъ съ важной осанкою, пальчикомъ властно грозитъ имъ,
Строгаго долга для нихъ образъ являя въ себѣ.

1890.

XIII.

У МРАМОРНАГО МОРЯ.

1.

Все—горы, остроза, все утренняго пара
Покрыто дымкою... Какъ будто сладкій сонъ,
Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На міръ наведена, и счастьемъ грезитъ онъ...
И съ небомъ слитое въ одномъ сіяньи море
Чуть плещетъ жемчугомъ отяжелѣвшихъ волнъ,
И этой грезою упиться на просторѣ
Съ тоской зоветъ тебя нетерпѣливый челнъ.

1887.

2.

Румяный парусъ тамъ стоитъ,
Что чайка на волнахъ лѣнивыхъ,
И отблескъ розовый бѣжитъ
На ихъ лазурныхъ переливахъ...
1887.

3.

Заалѣлъ, горитъ востокъ...
Первый лучъ ужъ брызнулъ... Мчится
Въ встрѣчу солнцу вѣтерокъ...
Пошатнулся и клубится,
И летитъ туманъ, летитъ...
Что жъ въ волнахъ его мятели
И алѣетъ и блеститъ?
Легіоны ль полетѣли
На Царьградъ, на славный бой?
То ихъ вождь—на колесницѣ
И съ поднятою рукой,
И въ вѣнцѣ, и въ багряницѣ?..
Тѣни прошлаго?.. Но нѣтъ!
Скрылся поѣздъ тріумфальный.
На поверхности жъ зеркальной
Все стоитъ зеленый слѣдъ...
1887.

XIV.

НА ЧАМЛИДЖИ.

Какъ дышится легко на этихъ высотахъ,
Какой-то радостью ты полонъ безотчетной:
Здѣсь—точно ближе ты къ живущимъ въ небесахъ,
И вдругъ въ тебѣ самомъ проснулся духъ безплотный,
И ты глядишь на міръ ужъ не какъ сынъ земли!
Вонъ тамъ за полосой сверкающаго моря
Бѣлѣютъ городки, чуть видные вдали...
И, точно голосамъ вселенской жизни вторя,
Въ душѣ одна лишь мысль, одна звучитъ струна:
„Когда бъ въ сердцахъ людей, вездѣ, во всемъ бы мірѣ,
Такая жъ красота: и свѣтъ, и тишина,
Какъ здѣсь—и на землѣ, и въ морѣ, и въ эонрѣ!..“
1890. Въ Малой Азіи.

XV.

НА ПУТИ ПО БЕРЕГУ КОРИНѲСКАГО ЗАЛИВА.

Все время—рѣки безъ воды,
Безъ зелени долины,
Съ хрустящимъ камешкомъ сады,
И тощія маслины.
Зато лазурный поясъ водъ
И розовыя горы,
И безпредѣльный неба сводъ,
Гдѣ ищетъ взоръ и не найдетъ
Хоть въ легкомъ облачкѣ опоры!..
1890.

XVI.

РАЗБИТАЯ ЛИРА.

(Мотивъ Шенье).

Лиру разбила она—въ ней созвучія сердцу не слышно—
Въ горѣ, что муза чужда страстнымъ моленьямъ ея.
Дѣва, чего же ты въ лирѣ своей златострунной искала?
Выдалъ мнѣ тайну твою этотъ проказникъ Эротъ!
(1876).

XVII.

ВЪ АЛЬБОМЪ * * *.

Подснѣжниковъ трепетныхъ чистые, свѣтлые глазки
Въ прозрачной, чуть-чуть оперившейся съ желтою почкою, рощѣ.
Небесъ отраженье въ умильно глядящихъ на нихъ незабудкахъ
По берегу рѣчки въ лѣсной изумрудной долинѣ;
Порой огонекъ чуть раскрывшейся розы и тонкій
Ея ароматъ, привлекающій мимолетную пчелку,—
Все это—въ природѣ, все это и въ вашихъ стихахъ, поэтесса!
(1894.)

НА МОТИВЪ ГЁТЕ.

„Augen, sagt mir, sagt, was sagt ihr".

Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки,
То, что̀ страсть какъ вамъ высказать хочется, нѣчто
Въ родѣ музыки—нѣжной, съ какою, быть-можетъ,
Раскрывается почка цвѣтка...

Только, кажется, я ужъ васъ понялъ, чудесные глазки?
Догадался, какой тутъ цвѣтокъ ужъ готовъ распуститься...
Что-то свѣтится, вижу я, въ васъ изъ глубо̀ка.
Одинокое сердце—да? Свѣтится въ васъ?

И ему, одинокому, какъ бы хотѣлось скорѣе
Среди столькихъ безсмысленныхъ глазъ, то холодныхъ, то наглыхъ,
Повстрѣчать наконецъ хоть бы взглядъ, хоть одинъ бы
Взглядъ, который, какъ солнце, его бы пригрѣлъ!..

О чудесные глазки! Пока углубляюсь
Я въ таинственный міръ, что̀ изъ васъ, полный нѣги, такъ смотритъ,
Попытайтесь и вы въ мое сердце поглубже проникнуть,
Попытайтесь понять—не о томъ ли болитъ и оно?

(1898).

XX.

АЛЬБОМЪ АНТИНОЯ.

АЛЬБОМЪ АНТИНОЯ.

(Изъ драматической поэмы: *Адріанъ и Антиной* *).

1.

Высокая пальма
Надъ бѣднымъ селеньемъ;
Подъ вечеръ на пальму
Рой свѣтлыхъ голубокъ,
Слетаясь, гнѣздится
На вѣтвяхъ ея.

Но утро блеснуло—
Онѣ встрепенулись
И мигомъ, что̀ на полъ
Разсыпанный жемчугъ,
Кругомъ разлетѣлись
Въ безбрежную даль.

Душа моя—пальма,
Рой свѣтлыхъ голубокъ—
Мечты золотыя,
Что̀ на ночь отвсюду
Слетаются къ ней.

2.

Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной
Въ тоскѣ предсмертной я лежалъ,
И вдругъ твой чудный, твой спокойный,
Твой ясный образъ увидалъ.

И я вскочилъ: коня и броню!
Я снова силенъ, я боецъ!
Гдѣ врагъ? навстрѣчу иль въ погоню?
Гдѣ лавръ! Гдѣ слава! Гдѣ вѣнецъ!!?...

*) Въ поэмѣ Антиной предполагается родомъ изъ Сиріи, черезъ которую проходили великія философскія и религіозныя ученія древности, оставляя свой осадокъ въ мѣстномъ населеніи. То были ученія Египта, Вавилона, Іудеи, Греціи и Рима и др. Всѣ эти вліянія отразились во впечатлительной душѣ красавца Антиноя и въ альбомѣ, куда онъ выписывалъ, что̀ его поразило, и вносилъ также свои замѣтки.

3.

Вдоль надъ рѣкой быстроводной
Быстро двѣ бабочки мчатся, кружась другъ надъ другомъ;
Только другъ друга и видятъ онѣ.
Вѣтку несетъ по рѣкѣ: онѣ сѣли:
Рѣдкими взмахами крылышекъ держатъ кой-какъ равновѣсье,
Заняты только любовью своей.
Другъ мой! рѣка—это время;
Вѣтка плывущая—міръ;
Бабочки—мы!

4.

Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ
Мертвъ лежалъ; вчера надъ нимъ
Выли плакальщицы, мракомъ
Все одѣлось гробовымъ.
Нынче жъ, свѣтлый, мчится въ небѣ,
И земля ликуетъ, вслѣдъ
Торжествующему богу
Восклицая: „смерти нѣтъ!“

5.

Вы разбрелися,
Овцы заблудшія:
Слышите: гдѣ-то
Стадъ колокольчики,
Рогъ пастуха!
Близко онъ слышится?
Вѣрьтесь зовущему!
Выведетъ васъ онъ
Къ пастбищамъ тучнымъ
Къ свѣтлымъ ключамъ!

6.

Ты не въ первый разъ живешь,
Носишь образъ человѣка;
Вновь родишься, вновь умрешь,
Просвѣтляясь вѣкъ отъ вѣка.
Наконецъ достигнешь ты
Черезъ эти переходы
До предѣла красоты
Человѣческой природы;

Здѣсь ужъ зрѣлый плодъ, тогда
Высоко взойдешь надъ нами
Вдругъ, какъ новая звѣзда
Между звѣздъ въ ряду съ богами.

7.

Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ,
Я подѣлился съ нимъ водой;
И рѣчи чудныя вѣщалъ
Онъ мнѣ потомъ, идя со мной.
И это было ужъ давно.
Я былъ ребенокъ. Тѣхъ рѣчей
Теперь не помню. Лишь одно
Звучитъ досель въ душѣ моей.
Что должно ближняго любить,
Себя забывши самого,
И быть готову положить
Всечасно душу за него.
Теперь мнѣ кажется, что онъ,
Тотъ чудный старецъ, людямъ несъ
Разгадку жизни. Опаленъ
Былъ зноемъ, въ рубищѣ и босъ.
И шелъ съ нимъ долго, долго я
И не замѣтилъ, какъ вошелъ
Въ какой-то городъ. Тамъ меня
Ввели съ нимъ въ домъ; накрытъ былъ столъ,
И много свѣчъ, и полонъ домъ
Народу былъ; и лица ихъ
Сіяли тихимъ торжествомъ,
И пѣли всѣ. И былъ у нихъ
Я точно дома...

8.

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна въ нихъ святая
Проходитъ молча и сіяя.
И лишь настолько раскрывая
Свои ночныя чудеса,
Чтобы нашъ духъ рвался изъ плѣна;
Чтобъ въ сердце врѣзывалось намъ,
Что здѣсь лишь зло, обманъ, измѣна,
Добыча смерти, праха, тлѣна,
Блаженство жъ вѣчное—лишь тамъ.

1881.

XXI.

ВѢЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

ВОПРОСЪ.

Мы всѣ—блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ; мы—соль земли, мы—свѣтъ.
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ долонъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,
О, мы прокормимъ ихъ, весь этотъ темный людъ!
Чтобы не умереть ему, не голодать,
Намъ есть что дать!

Но... если бъ умеръ въ немъ живущій идеалъ,
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ, хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что дали бъ мы ему?

1874.

II.

Для нихъ свобода, что видѣнье,
Плыветъ въ туманѣ золотомъ:
Они бѣгутъ за нимъ, и въ немъ
Народамъ чаютъ все спасенье...
Но что она, и въ чемъ она,
Что скрыто золотымъ покровомъ,—
Ошеломленные лишь словомъ,
Имъ дѣла нѣтъ! Ихъ мчитъ волна,
У нихъ ни зрѣнья нѣтъ ни слуха,
И тщетно Распятый стоитъ
У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
„Свобода—только въ царствѣ духа!“

III.

МАНИ-ѲАКЕЛЪ-ФАРЕСЪ.

Въ діадимѣ и порфирѣ,
Прославляемый, какъ Богъ,
И, какъ Богъ, единый въ мірѣ,
Весь собой на пышномъ пирѣ
Наполняющій чертогъ,—

Вавилона, Ниневіи
Царь за брашной возлежитъ.
Что же смолкли вдругъ витіи?
Смолкли звуки мусикіи?..
Съ ложа царь вскочилъ, глядитъ—

Словно свѣтомъ просквозила
Наверху предъ нимъ стѣна,
Кисть руки по ней ходила
И огнемъ на ней чертила
Странной формы письмена.

И при каждомъ начертаньи
Блескъ ихъ ярче и сильнѣй,
И, какъ въ солнечномъ сіяньи,
Тусклымъ кажется мерцанье
Пирныхъ тысячи огней.

Поборонъ оцѣпенѣнье.
Вопрошаетъ царь волхвовъ,
Но волхвовъ безсильно рвенье,
Не дается имъ значенье
На стѣнѣ горящихъ словъ.

Вопрошаетъ Даніила;
И вѣщаетъ Даніилъ:
„Въ Богѣ—крѣпость царствъ и силы:
Длань Его тебѣ вручила
Власть, и Имъ ты силенъ былъ;

Надъ царями воцарился,
Страхъ и трепетъ былъ земли,
Но собою ты надмился,
Самъ себѣ ты поклонился—
И твой часъ пришелъ. Внемли:

Эти вѣщія три слова..."
Нѣтъ, о, Муза, нѣтъ! постой!
Что ты снова ихъ и снова

Такъ жестоко, такъ сурово
Выдвигаешь предо мной!

Что твердишь: „О, горе! горе!
Въ суетѣ погрязшій вѣкъ!
Безъ руля на бурномъ морѣ,
Самъ съ собою въ вѣчномъ спорѣ,
Чѣмъ гордишься, человѣкъ,

Въ буйствѣ мнящій быти Богомъ,
Самъ же сынъ Его чудесъ?
Иль не зришь въ кичеыи многомъ
Надъ своимъ ужъ ты порогомъ
Словъ: мани-ѳакелъ-фаресъ!..“

1888.

IV.

EX TENEBRIS LUX.

Скорбитъ душа твоя. Изъ дня,
Изъ солнечнаго дня упалъ
Ты прямо въ ночь и, все кляня,
За смертный взялся ужъ фіалъ...

Нѣтъ! Погоди!.. Въ ту тьму вглядись:
Вонъ огонекъ блеснулъ... звѣзда...
Другая... третья... вонъ зажглись
Ужъ миріады... Никогда

Ты не видалъ ихъ?.. Но постой:
Онѣ блѣднѣть начнутъ, и тѣнь
Пойдетъ рѣдѣть, и надъ тобой
Внезапно развернется день.

Имъ осіянный, разомъ ты,
Уже измѣривъ бездну золъ,
Рванешься въ горни высоты,
Какъ солнца жаждавшій орелъ!

1887.

V.

РАЗСКАЗЪ ДУХА.

(Отрывокъ).

... И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился
Ужасный этотъ переходъ изъ здѣшней
Къ загробной жизни?..

.. И на вопросъ мой началъ духъ:

... „Боль унялася, и я вдругъ
Почувствовалъ, иль лучше—догадался,
Что умираю. Несказанный страхъ
Меня объялъ. Все близкое, земное
Передо мной исчезло. Страхъ одинъ—
И точно врагъ *извнѣ*—меня боролъ.
А *извнутри* меня, я живо помню,
Живое нѣчто бросилося съ нимъ
Бороться и отстаивать меня;
И этого бъ союзника я назвалъ
Надеждой: такъ, быть-можетъ, стала бъ мать
За своего ребенка биться...
Умъ между тѣмъ—онъ бодрствовалъ и жадно
Среди борьбы ихъ вглядывался, слушалъ,
И отстранялъ ихъ, силясь проглянуть
Впередъ, глубоко, въ даль и безконечность.

Но тьмы завѣса передъ нимъ лежала.
Я думалъ: мигъ еще—и тьма меня
Охватитъ и удушитъ... Но внезапно
Надежда, страхъ, все смолкло. Впереди
Завѣса дрогнула и разступилась.
И вкругъ меня все—люди и предметы
Какимъ-то чуднымъ озарились свѣтомъ,
Который имъ какъ бы прозрачность придалъ:
И этотъ свѣтъ шелъ сверху и ужасенъ
Мнѣ въ первый мигъ казался. „Это—Смерть?—
Я спрашивалъ себя.—Нѣтъ, быть не можетъ!..“
И все не вѣрилъ, и глядѣлъ упорно
Въ ужасную зарю, и ждалъ, все ждалъ.
А между тѣмъ давно ужъ совершилось—
Все кончено—я понялъ наконецъ
И ужъ извнѣ смотрѣлъ на трупъ свой, и
Былъ пораженъ загадочной улыбкой,
Застывшей на губахъ: какъ будто въ ней
Навѣкъ отпечатлѣлся переходъ
Отъ изумленья къ радости... Рыданья
Раздались вкругъ. О, милые мои!
Какъ мнѣ хотѣлось ихъ обнять, утѣшить,
Сказать имъ, что я пережилъ, но тщетно;
И было мнѣ ихъ жаль...

1876.

XXII.

НАБРОСКИ.

I.

* * *

Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что ты такое?
Ты—плодъ ошибокъ и слезъ, силамъ потраченнымъ счетъ.

Бродитъ вино молодое: не должно броженью мѣшать;
Но и разумный уходъ, крѣпкіе нужны мѣха.

Въ этой толпѣ подъ волшебною силой искусства
Всѣ въ одну душу слились—чистую душу на мигъ,
Но разбредутся, и въ каждомъ проснется опять свой совѣсть,
Въ каждомъ опять заскребетъ въ сердцѣ таящійся гадъ.

Всюду: „что новаго?“ слышишь. Да вдумайся въ старое прежде!
Въ немъ для себя ты найдешь новаго много, повѣрь!

Формы, мой другъ, совершенство—не все еще въ дѣлѣ искусства:
Чистая пусть изнутри свѣтится въ ней мнѣ душа.

Времени мстить предоставь за пороченье, ложь и обиды:
Тайныхъ агентовъ оно въ каждой имѣетъ душѣ.

Другъ мой! Ученые, вѣрь, не такіе, какъ кажутся, боги;
Наше невѣжество—вотъ въ чемъ нерѣдко ихъ сила!

1882—1883.

II.

О, трепещущая птичка,
Пѣснь, рожденная въ слезахъ!
Что, неловко, знать, у этихъ
Умныхъ критиковъ въ рукахъ?
Ты бы имъ про солнце пѣла,
А они тебя корятъ,
Отчего подъ ихъ органчикъ
Не выводишь ты руладъ!

1872.

III.

Ты говоришь, у тебя нѣтъ враговъ. Извини, не повѣрю:
Столько ты сдѣлалъ добра! столькимъ помогъ! столькихъ спасъ!
Знай: благодарность для низкой души—нестерпимое бремя,
Ну, а высокихъ-то душъ много ль ты знаешь?.. Сочти!

1891.

IV.

Гр. О. А. Голенищевой-Кутузовой.

Жизнь—достиганье совершенства,
И намъ побѣда надъ собой
Едва ль не высшее блаженство
Въ борьбѣ съ ветхозавѣтной тьмой.

1891

V.

Въ чемъ счастье?.. Въ жизненномъ пути,
Куда твой долгъ велитъ итти,
Враговъ не знать, преградъ не мѣрить,
Любить, надѣяться и вѣрить.

XXIII.

О, память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!
Пушкинъ.

I.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Мигъ внезапныхъ откровеній,
Мигъ,—когда въ душѣ твоей
Новыхъ чувствъ пробилъ источникъ,
Новый свѣтъ явился въ ней;
Мигъ, когда восторжествуетъ
Ангелъ твой надъ сатаной;
Мигъ святого умиленья
Человѣческой душой, —
Все—лишь мигъ!.. Но съ нимъ зажгласи
Надъ тобой еще звѣзда,
И лучомъ своимъ пронижетъ
Всѣ грядущіе года...
Дай Господь такихъ мгновеній
Вамъ, что̀ звѣздъ на небесахъ,
Чтобы радовалось сердце
Въ перекрестныхъ ихъ лучахъ!

1890.

II.

Улыбки и слезы!.. И дождикъ и солнце!
И какъ хороша,
Какъ солнце сквозь этихъ сверкающихъ капель,
Твоя, освѣженная горемъ, душа!

Май, 1889.

—

III.

О, море! Нѣчто есть слышнѣй тебя, сильнѣй
И глубже, можетъ-быть... Да, скорбь души моей
Желала и ждала тебя—и вотъ я нынѣ
Одинъ въ наполненной тобой однимъ пустынѣ...
Ты—въ гнѣвѣ... Вся душа моя потрясена,
Хоть въ тайномъ ужасѣ есть сладкое томленье,
Чего-то новаго призывъ и откровенье...

Вотъ—темной полосой лазурная волна,
Потряхивая тамъ и сямъ жемчужнымъ гребнемъ,
Идетъ и на берегъ, блестя и грохоча,
Летитъ, и рушится, и съ камнями и щебнемъ
Назадъ сливается, ужъ злобно рокоча,
Сверкая космами быстро бѣгущей пѣны...
И слѣдомъ—новая, и нѣтъ конца ихъ смѣны,
И непрерывенъ блескъ, и непрерывенъ шумъ...
Гляжу и слушаю, и оглушенъ мой умъ,
Безсильный мысль связать, почти не сознавая,
Теряясь въ шуму и въ блескѣ замирая...
О, если бы и ты, о, сердце! ты могло
Дать выбить грохоту тѣхъ волнъ свое-то горе,
Все, что внутри тебя такъ стонетъ тяжело,
Предъ чѣмъ, какъ ни ликуй на всемъ своемъ просторѣ,—
Безсильно и само грохочущее море!..

1887.

IV.

Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ...
Покорность тихая карающей судьбѣ
Горячихъ сердца ранъ въ тебѣ не исцѣлила...
Вездѣ передъ тобой—та бѣдная могила
Съ чугуннымъ крестикомъ, съ невянущимъ вѣнкомъ
Лучъ даже радости надъ пасмурнымъ челомъ
Нежданно слезы лишь на очи вызываетъ...
Такъ хмурой осенью стоитъ недвиженъ лѣсъ,
И медленно туманъ на листья осѣдаетъ;
Прорвется ль лучъ съ яснѣющихъ небесъ,
Игривый вѣтерокъ вспорхнетъ, его встрѣчая,—
Но съ улыбнувшихся древесъ
Вдругъ капли крупныя посыплются, блистая...

1871.

V.

Гони ихъ прочь, твои мучительныя думы!
Насильно подыми поникшій долу взглядъ!
Дай солнцу проглянуть въ туманъ души угрюмый
И разорвется онъ, и клочья полетятъ,
Какъ привидѣнія, а съ ними мракъ и горе,
И жизнь въ глаза блеснетъ, подъ золотымъ лучомъ,
Какъ вдругъ открывшееся море
Во всемъ своемъ просторѣ голубомъ!

1890. Буюкъ-дере.

VI.

Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ
Твой день сегодня!.. О, блаженъ
Тотъ, чей приходъ враждой былъ встрѣченъ,
Потомъ—въ слезахъ благословенъ!
Ты самъ какъ будто въ новомъ мірѣ,
И новый свѣтъ тебѣ пахнулъ,
И въ сердцѣ—точно струнный гулъ
На только-что умолкшей лирѣ...

1883.

VII.

Внѣ долга—жизни и не зная,
Она несетъ свой крестъ земной,
Для тяжкой ноши почерпая
Лишь въ сердцѣ силу и покой;
Міръ, ею созданный, ревниво
Отъ чуждыхъ взоровъ сторожитъ,
И, что въ душѣ у ней, стыдливо
И отъ себя самой таитъ...
Лишь въ мигъ удара громового,
Или когда подъемъ волны
На берегъ вынесетъ, и снова
Настанетъ радость тишины, —
Такое выскажетъ вдругъ слово,
Такія вскроетъ глубины,
Что въ новость ей и въ изумленье,
Вдругъ просіявшій подъ грозой,
Отъ узъ земного принужденья
Освобожденный—образъ свой...

1890.

VIII.

Туманомъ мимо звѣздъ сребристыхъ проплывая;
И вдругъ какъ дымъ на мѣсяцѣ сквозясь,
Прозрачныхъ облаковъ разрозненная стая
Несется по небу въ полночный тихій часъ...
Въ тотъ тихій часъ, когда стремленій и желаній
Уймется буйный пылъ, и рой воспоминаній

Разрозненныхъ, какъ эти облака,
Богъ вѣсть откуда-то, изъ тьмы, издалека,
Изъ безднъ минувшаго,—видѣнье за видѣньемъ —
Плывутъ передъ моей усталою душой.
Но изъ-за нихъ одна, все озаря собой,
Ты, непорочная, недремнымъ Провидѣньемъ,
Усладою очей сіяешь надо мной
Одна, какъ мѣсяцъ тамъ, на тверди голубой,
Недвижный лишь одинъ надъ этой суетой,
Надъ этимъ облачнымъ, безсмысленнымъ движеньемъ.

1889, декабрь.

XXIV.

ИЗЪ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА.

I.

Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ—краткій мигъ
Кумиры валятся въ забвенье, въ безконечность...
Безумные! ужель вашъ разумъ не постигъ,
Что выше всѣхъ вѣковъ—есть Вѣчность!..

II.

Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его Богомъ;
Въ сонмъ неисчетныхъ духовъ, вызванныхъ Имъ въ бытіе.
Міръ сотворенъ, чтобы имъ, воплощеннымъ, въ пути къ совершенству
Въ срочной борьбѣ съ естествомъ, вящшую силу пріять.

III.

Милыхъ, что умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ схорони!

Тамъ они—Ангелы—
Будутъ Хранители
Въ жизненныхъ бурнхъ тебѣ!

IV.

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ..

V.

Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце...
Пристальнѣй сталъ я глядѣть въ тотъ ужасающій мракъ...
Вдругъ въ немъ звѣзда проглянула, за нею другая, и третья,
И наконецъ засіялъ звѣздами весь небосклонъ.
Новая въ каждой изъ нихъ мнѣ краса открывалась всечасно,
Глубже мнѣ въ душу онѣ, глубже я въ нихъ проникалъ...
Въ каждой сказалося слово свое, и на каждое слово,
Съ радостью чувствовалъ я, откликъ въ душѣ моей есть;
Всѣ говорили, что гдѣ-то за ними есть Вѣчное Солнце,
Солнце, котораго свѣтъ—блескъ и красу имъ даетъ...
О, какъ ты блѣдно предъ Нимъ, юныхъ дней моихъ солнце!
Какъ онъ ничтоженъ и пустъ гимнъ, что мы пѣли тебѣ!

1882.

VI.

ЭПИТАФІЯ.

(Списано съ гробницы).

Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ, что всѣмъ людямъ.
Да! умерла—и живетъ, и немеркнущій свѣтъ созерцаетъ:
Вѣчно жива—для живыхъ! кто же мертвой ее почитаетъ —
Мертвъ тотъ, поистинѣ, самъ!.. О, земля! что дивишься
Новой еще для тебя этой тѣни? Что значитъ твой страхъ?..

1882.

VII.

Заката тихое сіянье,
Вѣнецъ безоблачнаго дня,—
Не ты ли намъ знаменованье
Иной ступени бытія?..
Взоръ очарованный трепещетъ
Предъ угасаніемъ твоимъ.
Но разгорается и блещетъ
Все ярче звѣздный міръ надъ нимъ...
Земного, бѣднаго сознанья
Угаснутъ блѣдные лучи,—
Но въ наступающей ночи
Лишь перерывъ существованья:
Отъ узъ освобожденный духъ

Первоначальный образъ приметъ,
И съ вѣчныхъ тайнъ предъ нимъ подниметъ
Завѣсу Смерть—какъ старый другъ—
И возвратитъ ему прозрѣнье,
Сквозь всѣ преграды вещества,
Во все духовное въ твореньи,
О чемъ въ тѣлесномъ заключеньи
Онъ и мечтать дерзалъ едва...
1888.

VIII.

Выше, выше въ поднебесной
Возлетай, о, мой орелъ,
Чтобы міръ земной и тѣсный
Весь изъ глазъ твоихъ ушелъ!

Возносися въ тѣ селенья,
Гдѣ, какъ спящія мечты,
Первообразы творенья
Въ красотѣ ихъ чистоты,—

Въ свѣтлый міръ, гдѣ пребываньe
Душъ, какъ создалъ ихъ Господь,
Душъ, не вѣдавшихъ изгнанья
Въ человѣческую плоть!..
1887.

IX.

Катись, катися надо мной,
Все просвѣщающее Время!
Завѣсу тьмы влеки съ собой.
Что намъ скрываетъ Свѣтъ Святой
И на душѣ лежитъ какъ бремя,—
Чтобы мой духъ, въ земныхъ путяхъ
Свершивъ свое предназначенье,
Могъ воспріять въ иныхъ мірахъ
И высшей Тайны откровенье.
1892.

X.

Поэзія—вѣнецъ познанья,
Надъ зломъ и страстью торжество;
Тебѣ въ ней свѣтъ на все созданье,
Въ ней—Божество!

Ея сіяніе святое
Разъ ощутивъ—навѣкъ забыть
Все мимолетное, земное:
Лишь ею жить.

Одно лишь сознавать блаженство,
Что въ духъ твой глубже все идетъ
И полнота и совершенство
Ея красотъ...

И вотъ ужъ онъ проникнутъ ею...
Остался мигъ—совсѣмъ прозрѣть:—
Тамъ—вновь родиться, слившись съ нею,
Здѣсь—умереть!

1889.

XI.

Пиръ у васъ и ликованья:
Храмъ разбитъ... Но отчего,
Въ блескѣ луннаго сіянья,
Не пройдешь безъ содроганья
Ты предъ остовомъ его?
Отчего же ты, смущенный
Предъ безмолвіемъ небесъ,
Хоть изъ пропасти бездонной,
Силы темной, безымённой
Ждешь явленій и чудесъ?..

1889.

XII.

„Прочь идеалы!“ Грозный кликъ!..
„Конецъ загробной лжи и страху!
Нашъ вѣкъ тѣмъ славенъ и великъ,
Что рубитъ въ корень и со взмаху!
Міръ лишь отъ насъ спасенья ждетъ—
Такъ—безъ пощады! и впередъ!..“
И вотъ, какъ пьяный, какъ съ просонокъ,
Принявъ за истину символъ,
Ты рушить бросился... Ребенокъ!
Игрушку разломалъ, и золъ,
Что ничего въ ней не нашелъ!..
Ты рушишь храмы, рвешь одежды,
Сквернишь алтарь, престолъ, потиръ—
Но развѣ въ нихъ залогъ Надежды,

Любви и Вѣры видитъ міръ?
Онѣ—въ душѣ у насъ, какъ скрытый
Духъ жизни въ сѣмени цвѣтка—
И что тутъ мечъ твой, ржой покрытый,
И дѣтская твоя рука!..

1889.

XIII.

Творца, какъ духа, постиженье,
О, человѣкъ, душой твоей—
Что звѣздъ и солнца отраженье
Въ великомъ зеркалѣ морей!
Ты самъ, пришелецъ въ сей юдоли,
Ты—тоже духъ, созданный Имъ,
И даромъ разума и воли
Стоишь какъ царь надъ всѣмъ земнымъ.
Свободенъ ты—но надъ тобою
Есть судія. Въ дни ветхой тьмы
Онъ налеталъ огнемъ, войною,
Какъ громъ, какъ трусъ, какъ духъ чумы...
Его лица, ни даже тѣни,
Никто изъ смертныхъ не видалъ,
И лишь костями поколѣній
Въ пустынѣ путь его сверкалъ...
Теперь—не то...
Неслышный входитъ. Весь—сіянье.
Съ крестомъ, поправшимъ Смерть и тлѣнъ;
Въ раскрытой книгѣ—начертанье
Святыхъ евангельскихъ письменъ;
Глубокій взоръ по малу свѣтомъ
Охватитъ внутрь всего тебя,
И ты, прозрѣвъ во свѣтѣ этомъ,
Осудишь самъ уже себя,
И самъ почуешь, что въ паденьи
Твоей мятущейся души
Одно ей жизнь и воскресенье—
Его: „иди и не грѣши!“

1889.

XIV.

Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья,
На жгучіе твои запросы и сомнѣнья
Ты, Смертный, требуешь отвѣта въ тотъ же мигъ,
И плачешь, и клянешь ты Небо въ озлобленьи,

Что не отвѣтствуетъ на твой душевный крикъ...
А Небо на тебя съ улыбкою взираетъ,
Какъ на капризнаго ребенка смотритъ мать,
Съ улыбкой—потому, что все, всѣ тайны знаетъ,
И знаетъ, что тебѣ еще ихъ рано знать!

1892.

XV.

Аскетъ! ты нѣкогда въ пустынѣ,
Передъ величьемъ божества,
Изрекъ, восторженный, и нынѣ
Еще не смолкшія слова:
„Жизнь эта—сонъ и сновидѣнье,
Миражъ среди нагихъ песковъ;
Лишь въ смерти—полное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сонъ въ лонѣ Бога—и безъ сновъ".
Ты правъ, мудрецъ: все въ мірѣ тлѣнье,
Все въ людяхъ ложь... Но что-нибудь
Да есть же въ насъ, что̀ жаждетъ свѣта,
Чему вся ложь противна эта,
Что̀ рвется въ Вѣчность проглянуть...
На всѣ моленья бе ъ отвѣта,
Я знаю, Время мимо насъ
Несетъ событья, поколѣнья,
Подыметъ насъ въ своемъ стремленьи
И въ бездну броситъ тотъ же часъ;
Я—жертва вплоть и до могилы
Всей этой бѣшеной игры,—
Ничто предъ Разумомъ и Силой,
Въ пространство бросившей міры,—
Но говоритъ мнѣ тайный голосъ,
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила и боролась:
Въ ней есть свое живое я!
И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье,
Нѣтъ! это пламенникъ святой,
Мнѣ озарившій на мгновенье
Міръ и небесный и земной,
И смерть—не мигъ уничтоженья
Во мнѣ того живого я,
А новый шагъ и восхожденье
Все къ высшимъ сферамъ бытія!

1893.

XXV.

1854 годъ.

I.

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны,
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ,
Червонцы по столу горстьми пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Рукою нѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю... Ударила война.
Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
Которыя мы чтимъ умѣемъ въ иностранцахъ—
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ!

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростію узкой!
Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я—русскій!
Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю,
Что слезная о ней въ душѣ моей забота,
Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
Которымъ движимы неслися подъ грозой
Громады кораблей Нахимовскаго флота!

7 декабря 1854.

II.

ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА.

По полученіи извѣстія о побѣдахъ при Синопѣ и Ахалцыхѣ.

Что̀ слышу? Что̀ сердца волнуетъ?
Что̀ веселится Царскій домъ?..
Опять Россія торжествуетъ!
Опять гремитъ Кагульскій громъ!
Опять временъ Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторгъ не полонъ! Нѣтъ!
Нашъ вѣкъ великъ, могучъ и славенъ;
Но гдѣ жъ, Россія, твой Державинъ?
О, гдѣ пѣвецъ твоихъ побѣдъ?
И гдѣ кимвалъ его, литавры,
Которыхъ громъ внималъ весь міръ?..
Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ!
Кто днесь стихомъ монументальнымъ
Провозвѣститъ потомкамъ дальнымъ,
Что мы все тѣ же, какъ тогда,
И что жива еще въ Россіи
О христіанской Византіи
Великодушная мечта!
Къ тебѣ, Державинъ, какъ въ молитвѣ,
Къ тебѣ зову! Услышь мой гласъ,
Какъ слушалъ бардъ о чудной битвѣ
Простого пахаря разсказъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ жреческій твой голосъ
Умолкнулъ,—много Русь боролась
Со злымъ врагомъ и клеветой.
Въ насъ силъ твоихъ недоставало
Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой.
Пора забыть навѣты злые,
Пора и намъ глаза открыть,
И перестать намъ о Россіи
Съ чужого голоса судить.
Пора! Завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце Русское сказалось!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ—
Намъ не въ Парижѣ сумасбродномъ,

Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.
Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена!
Враждой упорной, не любовью
Взростила чадъ своихъ она;
Тамъ человѣка гордый геній
Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній;
Духъ партій злобу тамъ таитъ;
Всѣ живы старыя обиды:
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ.
А мы за нашими царями,
Душою вѣруя Петру,
Какъ за искусными вождями,
Пошли къ величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разумъ спали
Въ богатырѣ земли родной,
Лишь бы монгольскихъ золъ заразу
Съ него стряхнуть и, какъ алмазу,
Дать грань душѣ его младой.
Чѣмъ быть во изумленье міру—
Ему впервой разоблачилъ
Тотъ, кто сложилъ съ себя порфиру
И какъ матросъ и плотникъ жилъ:
За Русь пошелъ страдать, учиться,
Кто восхотѣлъ переродиться,
Чтобъ свой народъ переродить!
Познай, нашъ врагъ хитроугрозный!
Съ ея Царемъ дороги розной
Россіи вѣкъ не можетъ быть.
И пусть она еще ребенокъ,
Но какъ глядитъ уже умно!
Еще чуть вышла изъ пеленокъ—
Но сколько ею создано!..
Державинъ! Бардъ нашъ сладкострунный!
Ты возвѣщалъ Россіи юной
Все, чѣмъ великъ здѣсь человѣкъ
Ты для восторга далъ ей клики,
Ты огласилъ ея, великій,
Трудовъ и славы первый вѣкъ!
Востань же днесь и виждь—какъ снова
Родныя плещутъ знамена!
Во славу имени Христова

Кипитъ священная война,
И вновь Россія торжествуетъ!..
Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ насъ не убьетъ!
У насъ есть два врага—мы знаемъ!
Одинъ—завистниковъ вражда:
Не усмиривъ ихъ, не влагаемъ
Меча въ ножны мы никогда,
Другой нашъ врагъ—и врагъ кичливый—
То духъ невѣжества строптивый!..
О, Русь! Ихъ купно поражай!
Однихъ мечомъ, другихъ сатирой,
И бранный мечъ съ правдивой лирой
Единымъ лавромъ обвивай!
Въ ряду героевъ Измаила
Да узрятъ наши имена,
Да знаютъ—съ ними въ насъ одна
Мощь разума и длани сила:
Да глубже мысль намъ ляжетъ въ грудь,
Что нашъ великъ въ грядущемъ путь,—
И тѣнь пѣвца Екатерины
На наше кликнетъ торжество:
„Они все тѣ же исполины
И помнятъ барда своего!“

3 декабря 1853.

III.

ПОСЛАНІЕ ВЪ ЛАГЕРЬ.

Межъ тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ
Идете Божьею грозою на враговъ,
О, какъ хотѣлось бы хоть знакъ подать вамъ, братья,
Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертыя объятья,
Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
Чтобъ мощь оставшихся вся въ васъ перелилась!
Мой стихъ есть тоже мечъ—и съ вашими мечами
Ужели не блеснетъ за Русь онъ подъ грозой?
Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?
Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
Въ немъ вся моя душа помчится съ вами въ битвѣ.

Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ.
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой,
Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.
(1854).

IV.

О ТОМЪ.

КАКЪ ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ

пошелъ во вторичную службу.

Ну, послушай-ка, старуха,
Да смотри, не попереч.
Надо мнѣ съ тобой, Маврyха,
Повести отъ сердца рѣчь.
Мы съ тобой пять лѣтъ въ отставкѣ;
Я хотя маленько сѣдъ,
Наведи, однако, справки—
Много ль отъ роду мнѣ лѣтъ?
Оказалось: сорокъ восемь,
То-есть, съ хвостикомъ. Такъ вотъ,
Если жъ мы себя вдругъ спросимъ,
Что годимся ль мы въ походъ?
Такъ, примѣрно. Вѣдь подковку
Мы и нынче разогнемъ.
Встарь, за силу и сноровку,
Слылъ въ полку я молодцомъ.
Самъ великій князь, бывало
(Онъ солдатушекъ любилъ!),
Потѣшался мной не мало
И на счетъ меня шутилъ.
Разъ сказалъ онъ, разсуждая:
„Крѣпостей не нужно намъ —
Вотъ у насъ стѣна живая —
Такъ ли?“—я взглянулъ къ ря[illegible]
„Точно такъ!“—я первый грянулъ
Полкъ за мной, и—до сихъ поръ
Помню—на меня князь глянулъ
И съ усовъ слезу отеръ.
Говорю тебѣ я это

Въ разсужденіи того,
Что для насъ въ такія лѣта
Даже врозь жить ничего!
Вѣдь не вышло бы худого,
Я смекаю про себя,
Если бъ я на службу снова
Отпросился у тебя.
Видишь—что жъ ты испугалась?
У меня всѣ эти дни
Такъ душа растосковалась,
Что хоть вживѣ хорони!
Просто совѣсть не на мѣстѣ,
Какъ пришлось услышать мнѣ
Въ Высочайшемъ манифестѣ
Объявленье о войнѣ.
Войны разныя бываютъ,
Иногда про что идемъ
Но начальству только знаютъ,
Намъ и дѣла нѣтъ о томъ.
Нынче жъ—развѣ что медвѣдямъ
Все равно, что есть война.
Обѣги-ка по сосѣдямъ—
Толковня вездѣ одна.
Ишь: полсвѣта на полсвѣта
Поднялися—чья возьметъ?..
Оттого вся штука эта,
Что силёнъ сталъ нашъ народъ.
Гдѣ ни сунутся—Россія!
Гдѣ нюхнутъ—анъ русскій духъ!
„Кто жъ вы, русскіе, такіе?"
Спохватилися всѣ вдругъ.
„Дай-ка, сломимъ ваше царство
Да оттонимъ за Москву!"
То-есть хуже ихъ коварства
Свѣтъ не видѣлъ наяву!
Вотъ теперь и подступаетъ
Къ намъ отвсюду сила ихъ —
Государь и призываетъ
Тутъ, вотъ видишь, отставныхъ.
Отставной-де нюхалъ порохъ,
Ужъ обстрѣленъ, и притомъ
Въ обхожденьи, въ разговорахъ
Не ударитъ въ грязь лицомъ.
Къ явкѣ, знаешь, нѣтъ приказу, —

А ужъ лучше бы приказъ!
Зналъ по крайности бы сразу,
Поняла бъ и ты тотчасъ,
Безъ того жъ выходитъ дурно!
Ночью—чуть вздремну слегка—
Снится—вотъ идетъ дежурный
И толкаетъ подъ бока.
„Эй,—кричитъ онъ,—бьютъ тревогу!“
И вскочу я, какъ шальной;
Жилки всѣ дрожатъ, ей-Богу,
Лобъ въ поту... ну, самъ не свой!
Я и такъ и сякъ метался —
Тотъ же сонъ опять. Побрелъ,
Объ товарищахъ справлялся —
Тотъ ушелъ, и тотъ ушелъ.
И гляди жъ, что тутъ случится:
Всѣ сберутся наконецъ
Въ Петербургъ. Тутъ смотръ. Явиться,
Значитъ, надо во дворецъ.
Государь въ лицо всѣхъ знаетъ —
И когда къ нему придутъ,
Всѣхъ вѣдь вспомнитъ, обласкаетъ,
Спроситъ вдругъ—Перфильевъ, тутъ?!
Что?—Вѣдь дыбомъ станетъ волосъ,
Какъ дадутъ одинъ отвѣтъ,
Такъ, во весь солдатскій голосъ,
Разомъ хватятъ—„никакъ нѣтъ“.
Въ цѣломъ свѣтѣ гласно будетъ
Государево словцо.
„Гдѣ жъ онъ?—всякій тутъ засудитъ! —
Какъ же онъ не налицо?
Али въ немъ пропала сила?
Али—чтобъ нелегкій взялъ,
Скажутъ—„баба не пустила,
Или самъ онъ бабой сталъ?“
Показать нельзя вѣдь рожи
Къ добрымъ людямъ... А потомъ,
Какъ къ угодникамъ въ храмъ Божій
Я пойду съ такимъ стыдомъ?
Всю вѣдь жизнь обезобразимъ;
Здѣсь—ужъ чести намъ не ждать,
А умру—съ великимъ княземъ
Встрѣчи тамъ не миновать.
„Такъ-то, братецъ,—скажетъ строго:—

Ты домкомъ сталъ поживать,
Такъ забылъ свой долгъ и Бога,
И своихъ сталъ выдавать —
Я такихъ, ступай, не знаю!"
То-есть, какъ ни кину я,
Къ одному все натрафляю —
Что остаться мнѣ нельзя.
Что я?.. Бьюсь какъ рыба объ-ледъ!
Придираюся къ другимъ,
Въ сердцѣ—точно кошки скоблятъ:
Такъ и тянетъ все къ своимъ!
Ты меня, Маврушка, любишь,
Но въ увѣренности будь,—
Не отпустишь, такъ погубишь:
Выйдетъ грѣхъ какой-нибудь!..
Подойди жъ ко мнѣ. Дай ручки...
Ручка въ ручку посидимъ...
Плачутъ очи, плачутъ тучки,
Суждено, знать, плакать имъ!
Да вѣдь слушать слезъ нельзя же!
Не совѣтчицы онѣ!
Я вѣдь, видишь, парень ражій,
Грудь въ крестахъ, бывалъ въ огнѣ,—
А поди, куды какъ жутко
Васъ оставить! Сыновья
Малы, глупы; дочь-малютка;
Въ нихъ души не чаю я...
Иногда себя поймаешь—
Какъ дитя шалю, старикъ...
Не разстался бъ, понимаешь,
Съ вами просто ни на мигъ—
Да нельзя! Пора такая!
Руки надобны Царю!
Всякій будь на мѣстѣ, зная
Каждый долгъ и честь свою.
Такъ ли?.. Ну, и ты вѣдь тоже
Службу знать свою должна:
Первымъ дѣломъ мы въ храмъ Божій
Сей же часъ пойдемъ, жена.
Дважды смерть не приключится,
А одной не миновать.
Такъ живи, чтобъ тамъ явиться
Какъ на смотръ, безъ фальши стать.
Наипаче помни строго,

Что ты первое—есть мать.
Научай дѣтей чтить Бога,
Насъ и старшихъ уважать.
Сѣчь—такъ рѣдко, да ужъ мѣтко!
А и думать не моги
Поминутно, какъ сосѣдка,
Имъ давать тычки, пинки.
Если я паду въ сраженьи
(Я жъ не дамся, какъ дуракъ!),
Говори имъ въ поученье,
Что отецъ молъ—такъ и такъ...
Понимаешь?.. Ну, да будетъ
Воля Божья!.. Маршъ въ походъ!
Васъ начальство не забудетъ,
Есть приказъ на этотъ счетъ.
И постой, годокъ ли, два ли,
Какъ въ порядокъ все войдетъ,
Жизнь безъ горя и печали
То-есть, вотъ какъ потечетъ!
Выходи тогда съ поклономъ,
Какъ полки пойдутъ къ домамъ,
И встрѣчать съ церковнымъ звономъ
Будутъ насъ по городамъ:
Пѣсни, музыка, веселье!
Зададимъ тогда мы пиръ,
Такъ—что мѣсяцъ отъ похмелья
Не очувствуется міръ!
Такъ ли? Разсмѣялась, баба!
Ну, такъ къ дѣлу поскорѣй—
Пирогомъ пеки живѣй,
Чтобъ хватило ихъ до штаба,
До казенныхъ сухарей!

(1854).

V.

ПАСТУХЪ.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты меня на добрый путь наставила,
Дурака меня ободванила,
Добрымъ молодцемъ въ люди вывела.
Какъ я былъ еще младъ-младешенекъ,
А потомъ какъ былъ и на возрастѣ,

Нерадивый былъ, непонятливый.
Возьмусь за соху—полоса крива,
Возьмусь за косу—изъ рукъ валится.
Только пѣсни пѣть умѣлъ дѣвкамъ я,
Да разжалобить хмель кабацкую
Въ старикахъ умѣлъ я по праздникамъ.
Долго ждалъ-глядѣлъ и грозилъ отецъ,
Да и грянулъ вдругъ что по небу громъ,
И, что гулъ въ бору, мать поддакнула.
Отобрали мой новый синь-кафтанъ,
Шляпу съ пряжкою, поясъ шелковый,
Дали въ руки кнутъ да дырявъ-зипунъ,
Въ пастухи меня, дурня, отдали.
И пастухъ-то я нерадивый былъ:
Пасъ въ лѣсу сперва—да соскучился,
Сталъ въ луга гонять—закручинился,
Норовилъ потомъ на дороженьку
На проѣзжую, на шоссейную.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Какъ пришло тебѣ твое времечко,
Не дорогой ты, стала улицей.
Разлетѣлися галки, вороны,
По березничку въ сторонѣ сидятъ:
Сѣрый зайнька въ кустикъ спрятался,
Приложилъ ушки, самъ дрожитъ какъ листъ;
Господа ль катятъ, шестерикъ валитъ,—
Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
Тройка ль бойкая несетъ купчика,
Пьянъ ямщикъ стоитъ, гонитъ что есть силъ—
Да и ты, купецъ, поворачивай:
Ровно птицы снуютъ все фельдъегери.
Только утро-свѣтъ замерещится,
Ужъ скрипучъ обозъ безъ конца ползетъ,
Все добро везутъ, кладь казенную.
Вслѣдъ полки идутъ,—ѣдетъ конница,
Кони фыркаютъ, сабли звякаютъ,
Усачи сидятъ, подбоченились,
Говорятъ-шумятъ добры-молодцы,
Пастуха корятъ рохлей-увальнемъ,
Дураку кричатъ: „на кобылу сядь,
Сядь на пѣгую, да лицомъ къ хвосту;
Мы съ собой возьмемъ, прямо въ вахмистры!“
А потомъ идетъ артиллерія;
Пушки мѣдныя, все сердитыя,

Фуры крашены съ сизымъ порохомъ;
Офицеръ идетъ хоть молоденькій,
Только быстрый взглядъ, носикъ вздернутый.
Пастуха опять дразнять молодцы,
Дурака корятъ рохлей-увальнемъ
И съ собой зовутъ позабавиться:
„Эй, деревня, слышь! Зубки бѣличьи!
Погрызи, поди, всласть и досыта—
У насъ фуры вонъ все съ орѣшками,
Все съ орѣшками, все съ чугунными".
Имъ пѣхота вслѣдъ: впередъ музыка,
Съ запѣвалами, съ пляской, съ гиканьемъ!
Ружья—что твой лѣсъ! Каски мѣдныя,
Полы загнуты, сапоги въ пыли:
Идутъ—стонетъ долъ! Чуешь—сила валитъ.
Проучила меня звать конница,
Проучила глазѣть артиллерія:
Ужъ пѣхотѣ я въ поясъ кланялся,
Съ головы скидалъ шапку старую,
Заслуживалъ пастухъ слово доброе.
Бралъ я удали, заговаривалъ,
Провожалъ солдатъ семь и восемь верстъ;
Разузналъ отъ нихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,
Сколько въ свѣтѣ есть городовъ и селъ,
И которые христіанскіе,
И которые басурманскіе;
Какъ задумали злые нехристи,
Полонить пришли землю Русскую,
Наругаться пришли надъ иконами,
Обижать пришли Царя Бѣлаго;
Да легко сказать, надо съ бою взять,
А на то пошло—такъ не выдадимъ:
Съ нами Богъ и Царь, дѣло правое.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты недолго была битой улицей,
И прошло твое красно времечко,
Поосѣла пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безотвѣтная.
Пріосмѣлился заяцъ, выглянулъ
На дороженьку, сталъ осинку драть;
Галки, вороны почали скакать,
И одинъ пастухъ одинешенекъ,
При дороженькѣ сиротинушка;

Онъ стоитъ—глядитъ въ дальню сторону:
Словно всѣхъ родныхъ проводилъ съ двора,
Проводилъ на пиръ, самъ не прошенъ былъ.
И брала его тоска лютая,
И привидѣлся небывалый сонъ.
Словно буря идетъ, съ громомъ, съ молніей;
Съ трескомъ небо, глажу, разорвалося,
И въ сіяньи стоитъ высока жена
Красоты въ очахъ неописанной.
Громкимъ голосомъ на всѣ стороны
Говоритъ она, мать дѣтей зоветъ:
„Подымайтеся, дѣтки милыя!
Обижаютъ меня, охъ, соколики!“
И по слову ея, что ковыль-трава
Колыхается, подымается
Съ четырехъ сторонъ рать великая;
И что лебеди по зарѣ кричатъ,
По поморью кричатъ камышовому,
Дѣтки матери откликаются:
„Слышимъ, матушка! Не бойсь, выручимъ!“
И отколь возьмись, бѣлый конь летитъ,
На меня пахнулъ изъ ноздрей огнемъ;
И схватилъ коня я за гривоньку,
На коня вскочилъ храбрымъ витяземъ—
И на мнѣ доспѣхъ—воронёна сталь,
Полетѣлъ какъ вихрь, засверкалъ мечомъ,
И откликнулся звонкимъ голосомъ,
Какъ откликнулись храбры полчища:
„Слышимъ, матушка! Не бойсь, выручимъ!“

А какъ крикнулъ я, то и сонъ пропалъ,
И вскочилъ, глажу—а и нѣтъ коня,
Не доспѣхъ на мнѣ, а дырявъ-зипунъ,
Не булатъ въ рукѣ, пастуховскій кнутъ.
И швырнулъ я кнутъ, залился слезьми,
На-земь рянулся, рвалъ сыру-траву.
Въ сердцѣ ала-тоска пуще прежняго.
„Али хуже я да честныхъ людей?
Аль что плохъ пастухъ—такъ нѣтъ удали?
Да хоть нѣсни нѣтъ молодецкія
Пригожуся я, какъ пойдутъ на бой!..“
Трое сутокъ я пропадалъ съ села,
Трое сутокъ я не гонялъ коровъ.
На четвертыя поздно вечеромъ

Я пришелъ съ степи къ отцу, къ матери,
До земли челомъ поклонился имъ,
Заклиналъ забыть гнѣвъ родительскій,
Что я самъ нашелъ свою долюшку
Безъ отцовскаго позволенія.
Грѣхъ съ души сними, рòдна матушка,
Отпусти вину, родной батюшка—
Сплю и вижу я—мнѣ въ походъ итти.
Испужалася рòдна матушка,
Почала корить, горьки слезы лить.
Сердце рвàлося, да не сдалося!
Что̀ надумалось во сыромъ бору,
Что̀ подъ благовѣстъ намолилося
(Самъ дивлюсь теперь, отколь рѣчь взялась),
Пошелъ сказывать, перепархивать
Сперва птенчикомъ низко по̀-земи,
А потомъ пошелъ что̀ орелъ гулять,
Что̀ въ своей водѣ рыба вольная.
Все ей выложилъ: разсуди сама,
Коль губить—губи! Въ пастухахъ держи,
Лыко драть, лапти плесть, да коровъ гонять!
Молча слушалъ отецъ, на печи лежалъ;
А и вижу, съ печи опускается,
Сѣдъ, какъ лунь, старикъ, прямо къ образу,
На колѣни палъ: замолчала мать.
Былъ грозёнъ-умёнъ родной батюшка.
„Не кори,—сказалъ:—не вопи, жена.
Не по глупости говоритъ дитя,
Онъ добро сказалъ, и добру быть такъ!
Ты зажги свѣчу передъ образомъ,
Осѣни дитя, какъ быть слѣдуетъ,
Нерушимымъ вѣкъ крестнымъ знаменьемъ:
Самъ свезу чуть свѣтъ и сдамъ въ рекруты“.

Просбирала мать во всю ночь меня,
Просидѣлъ отецъ до зари со мной.
Съ солнцемъ впрягъ коней, словно къ празднику,
Съ расписной дугой, сбруя съ бляхами.
Дѣвки, мòлодцы всѣ сбѣжалися,
Какъ съ роднымъ, со мной попрощалися.
Гордой поступью вышелъ батюшка:
Шапки снялъ народъ, разступилися.
Помолясь еще, тронулъ вожжи онъ—
Кони взвѝлися, люди ахнули,

Завопила мать, наземь грянулась,
Подхватили ее люди добрые.
Понеслись мимо насъ избы съ клѣтями,
Зелены луга, ходуны-мосты,
Съ громомъ въѣхали мы въ губернію.
Тутъ и жизнь моя пошла сызнова.

Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Не видалъ я, гдѣ ты начинаешься,
А ужъ знаю теперь, гдѣ кончаешься.
Привела меня ты, дороженька,
Къ славну-городу, къ Севастополю—
Отстоять его, коли Богъ судилъ,
Или лечь костьми во честномъ бою.

1854.

VI.

МОЛИТВА.

Шла туча съ запада, другая отъ востока.
Сошлись, ударились: гремитъ въ раскатахъ громъ,
И свищетъ молнія—и на землѣ кругомъ
И звѣрь и человѣкъ замолкъ въ тоскѣ глубокой.
Лишь пастырь душъ одинъ, грозою осіянъ,
Подъемлетъ длань къ тому, кто властвуетъ вселенной,
Колеблетъ твердь земли и движетъ океанъ.
Одинъ онъ, мудростью библейской просвѣтленный,
Смиренно молится: да судъ свершится Твой,
И міръ, десницею Твоею обновленный,
Возблещетъ радостнѣй! Твоя намъ скрыта цѣль,
Но благъ еси, Господь! Долинамъ шлешь Ты грозы—
Да утучняются! Даешь Ты людямъ слезы—
Да перстъ познаютъ Твой! Кровавую купель
Народамъ—да ярмо грѣховное съ нихъ канетъ,
И новый человѣкъ изъ стараго возстанетъ!

(1854).

VII.

КОЛЯСКА.

Когда по улицѣ, въ откинутой коляскѣ,
Передъ безпечною толпою ѣдетъ онъ,
Въ походный плащъ одѣтъ, въ солдатской мѣдной каскѣ,

Спокойно-грустенъ, строгъ и въ думу погруженъ,—
Въ немъ виденъ каждый мигъ державный повелитель,
И вождь, и судія, Россіи промыслитель
И первый труженикъ народа своего.
Съ благоговѣніемъ глажу я на него,
И грустно думать мнѣ, что мрачное величье
Въ его есть жребіи: ни чувствъ ни думъ его
Не пощадилъ нашъ вѣкъ клеветъ и злоязычья!
И рвется вся душа во мнѣ ему сказать
Предъ сонмищемъ его хулителей смущеннымъ:
„Великій человѣкъ! Прости слѣпорожденнымъ!
Тебя потомство лишь сумѣетъ разгадать,
Когда исторія предъ міромъ изумленнымъ
Плодъ слезныхъ думъ твоихъ о Руси обнажитъ
И, сдернувъ съ истины завѣсу лжи печальной,
Въ ряду земныхъ царей твой образъ колоссальный
На поклоненіе народамъ водрузитъ“.

Марта 5, 1854.

VIII.

МОСКВѢ.

(Въ день столѣтія Московскаго университета).

Давно цари Россіи новой,
Оставивъ стольный градъ Москвы,
Въ равнинахъ Ингріи суровой
Разбили лагерь у Невы;
Но духомъ ты, Москва, не пала
И, древнею блестя красой,
Ты никогда не перестала
Быть царства нашего душой.
Твой духъ въ одно его скрѣпляетъ.
Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.
Но ту любовь, съ которой дикой
Пустыню любитъ,—ты слила
Съ огнемъ науки и великой
О Руси мыслью облекла.
Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забвенье съ предковъ ты сняла,
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ

Ты мысль отечества дала.
Оно—въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди,
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ,
И что дѣла мои потомки
Благословятъ иль проклянутъ...
Москва! Въ слезахъ подъемлю руки
Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
Въ день драгоцѣнный для науки,
Въ день присно-славный для тебя!
О, пусть кричатъ трибуны злые—
Мы вѣримъ сердцу своему—
Жива Москва—сильна Россія,
И Божій свѣтъ разсѣетъ тьму!

(1854).

Оглавленіе.

I ТОМА.

стр.

А. Н. Майковъ. Критико-біографическій очеркъ *П. В. Быкова*. III—XLVII

стр.

Посвященіе 1

I. Въ антологическомъ родѣ.

Октава 2
Раздумье . . . . . —
Сонъ 3
„Вхожу съ смущеніемъ...“ . . —
Картина вечера 4
Воспоминаніе . . . . . —
Гезіодъ . . . . . —
Эхо и молчаніе 5
„Я въ гротѣ ждалъ тебя...“ . —
Пустыннику 6
Призывъ . . . . . —
Пріаду 7
„На мысѣ семъ дикомъ...“ . . —
„Все думу тайную въ душѣ“ . —
Овидій 8
Искусство . . . . . —
„Муза, богиня Олимпа...“ . . 9
Вакханка . . . . . —
Горный ключъ 10
Эпитафія . . . . . —
Орелъ 11
Мысль поэта . . . . . —
Вакхъ . . . . . —
Зимнее утро 12
Дума 13
Сомнѣніе . . . . . —
Плющъ 14
Прощаніе съ деревней . . . —
Свирѣль 15
„Я знаю, отчего...“ . . . . . —

стр.

Горы 16
Діонея . . . . . —
На памятникѣ . . . . . —
„Дитя мое, ужъ нѣтъ...“ . . . —
„Пусть полудикіе скиѳы...“ . 17
Черепъ . . . . . —
Поэзія 18
„Свершай служенье музъ...“ . —
Барельефъ . . . . . —
Scholia 19
„Внимаю ль я порой словамъ“ —
Тайна 20
Превращеніе . . . . . —
Евгеніи Петровнѣ Майковой . 21
Чудный вѣкъ . . . . . —
„Туда, гдѣ море спитъ у скалъ“ 22
Венера Медицейская 23
Радость 25
Измѣна . . . . . —
Доридѣ 27
Магдалина . . . . . —
Слава 28
Пѣвцу . . . . . —
Конецъ міра 29
Мысль 30
Заря 31
Два моря . . . . . —
Видѣніе 33
Перерожденіе . . . . . —
Минутная мысль 34
Предсказаніе . . . . . —
Испытаніе . . . . . —
Дикарка 35
„Полно притворяться...“ . . . 36
Встрѣча . . . . . —

стр.

II. Подражанія древнимъ.

Сафо.

„Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ“ 38
„Звѣзда божественной“ . . —

Анакреонъ.

„Пусть гордится старый дѣдъ...“ 39

Проперцій.

Туллу . . . . . —
Цинтіи 40

Горацій.

„Скажи мнѣ: чей челнокъ...“ . 41
„Легче лани юной ты...“ . . —

Марціалъ.

„Если ты хочешь прожить...“ . 42

Овидій.

Посланіе съ Понта. . . . . —

Эпикурейскія пѣсни.

„Мирта Киприды мнѣ дай...“ . 43
„Блеститъ чертогъ...“ 44
„Остроумица, плясунья...“ . . —

III. Изъ восточнаго міра.

Еврейскія пѣсни:

„Торжествуетъ,свѣтелъ и румянъ“ 46
„Колыбель моя качалась ..“ . 47
Молитва бедуина . . . . . —
Вертоградъ 48
Единое благо. . . . . —
Ангелъ и демонъ 49

IV. Элегіи.

Исповѣдь 50
„О чёмъ, въ тиши ночей...“ . —
„Зачѣмъ,средь общаго волненія“ —
Жизнь 51
Безвѣтріе 52
Мраморный фавнъ. 53
Признаніе. 54
Лунная ночь. 56
„Отвергла гордая мой чистый“ 57
„Не назову ея богиней...“ . . —
„Въ груди моей кипитъ...“ . . 58
Кладбище. . . . . —
„Намъ каждый день приходится“ 60
„Для чего, природа...“ . . . 61
„Все вокругъ меня...“ . . . . —

V. Очерки Рима.

На пути 63
Campagna di Roma . . . . . —
„Ахъ, чудное небо...“ 65
Amoroso 66
Послѣ посѣщенія . . . . . —
„На дальнемъ сѣверѣ морозъ...“ 67
Нищій 68
Капуцинъ 69
Въ остеріи . . . . . —
Fortunata 70
Нимфа Эгерія 71
Тиволи 72
„Скажи мнѣ, ты любилъ...“ . 73
Художникъ 74
Fiorina . . . . . —
Двойникъ 75
Lorenzo. . . . . —
„Все утро въ поискахъ...“ . . 76
Газета 77
Антики 78
Игры. 79
„Сижу задумчиво...“ 80
Древній Римъ . . . . . —
Palazzo 82
Скульптору 83
Анахоретъ. 84
„Думалъ я, что небо...“ . . 85
„Люблю въ тебѣ веселье...“ . . 86
Отрывки изъ „Дневника въ Римѣ“:
Двуликій Янусъ . . . . . —
„Во мнѣ сражаются...“ . . . 89

VI. Житейскія думы.

Послѣ бала 90
Утопистъ . . . . . —
„Передъ твоей душой...“ . . 91
„Боишься ты проклясть...“ . . 92
Весенній бредъ . . . . . —
Арлекинъ 96
„Уйди отъ насъ...“ 103
„Надъ прахомъ генія свершать“ —
На смерть М. И. Глинки . . 104
Головы арфы. . . . . —
„Какъ чудныхъ странниковъ...“ 105
„Когда, гонимъ тоской...“ . . 106
Филантропы . . . . . —
Мать и дочь . . . . . —
Старый хламъ 108
Онъ и она. 110
Приданое 112
Другу Ильѣ Ильичу 113
Празднословы 115

VII. Фантазіи.

Розы. 117
Размѣнъ . . . . . —
Вихрь 118
Пери. 120

стр.
Допотопная кость 121
Импровизація . . . . . —
Сонъ въ лѣтнюю ночь . . . 123
Пери и Азраилъ 124
„Долинъ Евфратовыхъ..." . . 125
Два гроба . . . . . —
„На бѣлой отмели..." . . . 126

VIII. Камен.

У храма 127
Анакреонъ 128
Юношамъ . . . . . —
Анакреонъ скульптору . . . 129
Алкивіадъ 130
Аспазія 132
Преторъ 133
Аркадскій селянинъ . . . . —

IX. Посланія.

В. А. Солоницыну 135
В. Г. Бенедиктову 137
П. М. Цейдлеру 140
Я. П. Полонскому:
„Твой стихъ, красой..." . . —
„Полонскій! Суждено опять.." 141
П. А. Плетневу 143
М. Л. Михайлову . . . . . —
И. А. Гончарову 144
„Въ нашъ городъ слухъ прошелъ" —
Е. А. Шепшиной 145
Л. П. Шелгуновой . . . . . —
Въ альбомъ Л. П. Шелгуновой 146
Генералъ-лейтенанту Хрулеву —
Именинницѣ 147

X. На волѣ.

Весна 149
„Весна! Выставляется первая". —
„Боже мой! Вчера—ненастье" —
„Поле зыблется цвѣтами" . . 150
Подъ дождемъ . . . . . —
Звуки ночи 151
Утро (Преданіе о виллисахъ) . —
Въ лѣсу 152
„Маститые, вѣтвистые дубы". —
Голосъ въ лѣсу . . . . . —
„По лѣсамъ, еще прозрачнымъ" 153
„Вотъ бѣдная чья-то могила". —
Журавли 154
Облачка . . . . . —
Болото . . . . . —
Панъ 155
Пейзажъ 157
Ласточки 158

стр.
„Осеннія листья по вѣтру..." . 159
Осень . . . . . —
„И городъ вотъ опять!" . . . 160
Мечтанія 161
„Жизнь еще передо мною..." . —

XI. Изъ дневника.

Первый поцѣлуй 162
„Зачѣмъ, шутя неосторожно..." —
„Еще я полнъ, о, другъ мой". 163
„Люблю, если, тихо къ плечу". —
„Истомленная горемъ..." . . —
„Порывы нѣжности обуздывать" —
„Точно голубь свѣтлою весною" 164

XII. Дочери.

„Новая свѣтлая звѣздочка" . 165
„Она еще едва умѣетъ..." . . —
„Эти дѣтскіе глазки" . . . . —
„Не можетъ быть!.." . . . . —
„Вотъ ужъ и гробъ!.. и она..." 166

XIII. Изъ странствованій.

„Люблю надъ Рейномъ я" . . 167
На берегахъ Нормандіи . . . —
„О, вѣчно-рощущій угрюмый" 168
Альпійскіе ледники . . . . —
Альпійская дорога 169
„Все—серебряное небо!" . . . —
„Здѣсь весна...". 170

XIV. Неаполитанскій альбомъ.

(Миссъ Мери. 1858—1859).

Донъ-Пеппино 171
„Боже мой, какая нѣга" . . 172
„Вотъ смотрите, о, миссъ Мери" —
Къ миссъ Мери 174
„Весь Неаполь залитъ газомъ" 175
„Я люблю въ Café d'Europa" . —
„Какое утро! Стихли громы". 176
Къ миссъ Мери . . . . . —
„Князь NN. и графъ...". . . 177
„Въ темный храмъ одинъ..." . —
„Вотъ съ рѣзной каѳедры" . 178
„Ахъ, межъ тѣмъ какъ вы...". —
„Золотой архіепископъ". . . 179
Народная пѣсня 180
Еще изъ народной пѣсни . . —
„Что за шумъ и крикъ?" . . —
„Вы повсюду, о, миссъ Мери!" 181
Два карлика 182
Тарантелла 183

стр.
Lacrymae Christi 185
„Все ты бредишь англичанкой“ 188
„Всѣмъ ты жалуешься вѣчно“ —
„Фердинандъ король былъ...“ . —
„Внѣ ограды Campo Santo“ . 189
„Миссъ, не бойтесь...“ . . . —
„Д.-Пеппино русской бредитъ“ 190
„Пульчинель вскочилъ...“ . . —
„Мнѣ Неаполь опротивѣлъ“ . 191
„Душно! Иль опять сирокко?“ —
„Говорятъ, со всѣхъ соборовъ“ —
„Блеститъ салонъ княгини...“ . 192
„Народный вождь вступаетъ“. —

XV. Дома.

Мать. 193
Весна 194
Вербная недѣля 195
Лѣтній дождь . . . . . —
Сѣнокосъ . . . . . —
Ночь на жнитвѣ 196
Въ степяхъ:
Ночная гроза 197
Разсвѣтъ . . . . . —
Мой взглядъ теряется . . . 198
Полдень . . . . . —
Стрибожьи внуки . . . . . —
Нива. 199
„Дорогъ мнѣ передъ иконой“. 200
Воробьевы горы 201

XVI. Страны и народы.

„Сидѣли старцы Иліона“ . . 203
Платона единственные 2 стиха. —
Изъ Сафо 204
Рыцарь. Изъ Bertrand de Born —
Изъ Петрарки 205
Мадонна . . . . . —
Миньона. Изъ Гёте 206
Изъ Гёте . . . . . —
Лилли. Изъ Гёте. 1—2 . . . 207
Изъ Андрея Шенье 208
Борьба. Изъ Шиллера . . . —
Изъ Гафиза 209
Изъ испанской антологіи:
„Эти черные два глаза...“ . . 210
„Противъ глазъ твоихъ...“ . . —
„Я—король. Ты—королева“ . —
„Эти очи—свѣтъ со тьмою“ . —
„Холодный, смертн. приговоръ“ 211
„Въ тихой думѣ на кладбищѣ“. —
Изъ турецкой антологіи:
„Длинные кудри твои“ . . . —
„На мигъ упалъ съ лица“. . 211
„Я сказалъ ей: дай твои“ . . —
Бѣлорусскія пѣсни:
Петрусь 212
„Ой, сынки мои, соколы мои“. 214
„На Руси былъ черный богъ“ —
„Ой, коли бъ, коли...“ . . . 215
„Ой, катилася заря“ . . . . —
„При дорогѣ, при широкой“ . —
„Не сѣки ты, батюшка“ . . 216
Сонъ негра. Изъ Лонгфелло. . 217
Купальщицы 218
Изъ Крымскихъ сонетовъ:
Аккерманскія степи 219
Байдарская долина . . . . —
Алушта днемъ 220
Разрушеніе Іерусалима . . . —
Валкиріи 221
Черногорецъ 222
Цезарь . . . . . —
Италія 223
Мститель. Скандин. баллада . 225
Грузинкѣ 227

XVII. Переводы и варіаціи.

Гейне.
Прологъ 228
„Пора, пора за умъ мнѣ взяться“ —
„Сердце, сердце! что ты...“ . 229
„Осенняго мѣсяца обликъ“. . —
„Не теряй, мой другъ, терпѣнья“ 230
„Много слышалъ добрыхъ...“ . —
На морѣ . . . . . —
„Осердившись, кастраты...“ . 231
„Ну, время!..“ . . . . . —
„Плачу я, въ лѣсу блуждая“ . 232
„Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни“ —
„Я вглядываюсь жадно...“ . . 233
„Одинокая слезка“. . . . . —
„Въ толпѣ опять я слышу“ . —
„Что за милый это мальчикъ!“ 234
„Мнѣ снилось: на рынкѣ...“ . —
„Меня ты не смутила“ . . . 235
„Ее въ грязи онъ подобралъ“. —
Невольникъ. 236
„На мольбы мои уворно“. . . —
Лилія 237
Чайльдъ Гарольдъ . . . . . —
„Ночи теплый мракъ гвоздики“ 238
„Онъ ужъ снился мнѣ когда-то“ —
„Чуднымъ звукомъ даже ночи“ —
Король Гаральдъ. 239
Али-Бей 240
„Ты вся въ жемчугахъ...“ . . 241

стр.
„Изъ моей великой скорби...“. 241
„Посмотри: во всемъ досѣхъ...“ —
„Ты быстро шла...“ 242
Весною . . . . . —
На горахъ Гарца 243
Романъ въ 5 стихотвореніяхъ. 244
Старые знакомые 245
„Они о любви говорили...“. . 246
„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“ 247
„Краса моя, рыбачка...“ . . —
Лорелея . . . . . —
Auf Flügeln des Gesanges. . 248
„Нежданной молніей...“ . . 249
„Конецъ! опущена завѣса!“ . —
Принцесса Шабашъ 250

XVIII. Excelsior.

„Въ юдоли плача и порока...“ 254
„О, мысль!.. Изъ урны роковой...“ 255
„О, царство вѣчной юности...“ —
„Чужой для всѣхъ...“ . . . 256
Пустынникъ . . . . . —
Ваятелю . . . . . —
Excelsior (Изъ Лонгфелло). . 257
„Куда бъ ни шелъ шумящій“ 258
„Бѣлые лебеди, вѣстники...“ . 259
„Зачѣмъ предвѣчныхъ тайнъ...“ —
„Вдохновенье—дуновенье...“ . —
Художнику 260
„Есть мысли тайныя...“. . . —
„Возвышенная мысль...“ . . —
„Оконченъ трудъ...“ 261
Къ художнику . . . . . —
„Не отставай отъ вѣка...“ . . —
Перечитывая Пушкина. . . 262
„Мы выросли въ суровой школѣ“ —
Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову. —
Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу . 263
К. Р. . . . . —
Отвѣтъ (К. А. Дворжицкому) . 264
Отвѣтъ (Вл. П. Лебедеву) . . —
„Мысль поэтическая—нѣтъ!..“ 265
„Воплощенная, святая...“ . . —
„Вчера—и въ самый мигъ...“. 266
„Изъ темныхъ долинъ этихъ...“. —
В. и А. 267
„Оставь, оставь!..“ 268
Моему издателю . . . . . —

XIX. Акварели.

Айвазовскому 269
Мертвая зыбь . . . . . —
„Надъ необъятною пустыней...“ 270
стр.
Денница 270
Олимпійскія игры . . . . . —
Жанна д'Аркъ 271
Renaissance . . . . . —
Гроза 272
„Ужъ побѣлѣли неба своды...“ 273
„Ты вѣришь ей, поэтъ!..“ . . —
Сиротка 274
„Дѣвочка—братьямъ и другъ...“ —
У Мраморнаго моря . . . . . —
На Чамлиджи 275
На пути по берегу Коринѳскаго залива 276
Разбитая лира . . . . . —
Въ альбомъ * * * . . . . . —
На мотивъ Гёте. 277

XX. Альбомъ Антиноя.

„Высокая пальма...“ 278
„Одинъ, безъ силъ...“ . . . —
„Вдоль надъ рѣкой...“ . . . 279
„Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ“ —
„Вы разбрелися...“ . . . . —
„Ты не въ первый разъ...“ . —
„Въ пустынѣ знойной онъ...“. 280
„Смотри, смотри на небеса...“ —

XXI. Вѣчные вопросы.

Вопросъ 281
„Для нихъ свобода, что сидѣнье“ —
Мани-Ѳакелъ-Фаресъ. . . . 282
Ex tenebris lux 283
Разсказъ духа (Отрывокъ). . —

XXII. Наброски.

„Опытъ! скажи...“ 285
„О, трепещущая птичка...“ . 286
„Ты говоришь, у тебя нѣтъ...“ —
Гр. О. А. Голенищевой-Кутузовой —
„Въ чемъ счастье?..“. . . . —

XXIII.

Изъ письма 287
„Улыбки и слезы!..“ . . . . —
„О, море! Нѣчто есть слышнѣй“ —
„Утрата давняя досель...“ . . 288
„Гони ихъ прочь...“ . . . . —
„Такъ!.. Добрымъ дѣломъ...“ . 289
„Внѣ долга—жизни и не зная“ —
„Туманомъ мимо звѣздъ...“. . —

XXIV. Изъ Аполлодора Гностика.

„Духъ вѣка вашъ кумиръ...“ . 291
„Вѣрю я въ Разумъ...“ . . . —

	стр.
„Милыхъ, что̀ умерли..."	291
„Не говори, что нѣтъ спасенья"	—
„Близится Вѣчная Ночь...".	292
Эпитафія	—
„Заката тихое сіянье..."	—
„Выше, выше въ поднебесной"	293
„Катись, катися надо мной..."	—
„Поэзія—вѣнецъ познанья...".	—
„Пиръ у васъ и дикованья..."	294
„Прочь идеалы! Грозный кликъ!"	—
„Творца какъ духа постиженье"	295
„Изъ бездны Вѣчности..."	—
„Аскетъ! Ты нѣкогда...".	296

XXV. 1854 годъ.

	стр.
„Бывало, уловить изъ жизни..."	297
Памяти Державина	298
Посланіе въ лагерь	300
О томъ, какъ отставной солдатъ Перфильевъ пошелъ во вторичную службу	301
Пастухъ	305
Молитва	310
Коляска	—
Москвѣ	311